

Art Logos

(ИСКУССТВО СЛОВА)

№ 3 (24), 2023

Art Logos (The Art of Word)
scientific journal, No. 3 (24), 2023

Art Logos

(искусство слова)

ISSN 2541-9803
e-ISSN 2713-1319

№ 3 (24), 2023

Главный редактор

Т. В. Мальцева, д-р филол. наук, профессор, ЛГУ им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия

Редакционная коллегия

С. Л. Слободнюк, д-р филол. наук, д-р фил. наук, профессор,
ЛГУ им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия

О. Ю. Осьмухина, д-р филол. наук, профессор, МГУ им. Н.П. Огарёва, г. Саранск, Россия

Т. И. Рожкова, д-р филол. наук, профессор, МГТУ им. Г. И. Носова, г. Магитогорск, Россия

А. А. Карпов, д-р филол. наук, профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

С. Г. Гренье, канд. филол. наук, профессор, Университет Джорджтауна, Вашингтон, США

М. Яхьяпур, канд. филол. наук, профессор, Тегеранский университет, Тегеран, Иран

В. В. Волков, д-р филол. наук, профессор, ТьГУ, г. Тверь, Россия

К. П. Сидоренко, д-р филол. наук, профессор, РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

Е. В. Купчик, д-р филол. наук, доцент, ТюмГУ, г. Тюмень, Россия

О. А. Мещерякова, д-р филол. наук, доцент, ЛГУ им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия

З. И. Резанова, д-р филол. наук, профессор, ТГУ, г. Томск, Россия

М. Р. Желтухина, д-р филол. наук, профессор, ВГСПУ, г. Волгоград, Россия

Г. Н. Чиршева, д-р филол. наук, профессор, ЧГУ, г. Череповец, Россия

Н. В. Козловская, д-р филол. наук, доцент, ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, Россия

О. Е. Похаленков, д-р филол. наук, доцент, КГУ им. К. Э. Циолковского, г. Калуга, Россия

Учредитель, издатель: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций 3 февраля 2017 г.
Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-68617

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Журнал издается с 2017 года. Периодичность 4 раза в год

Art Logos

(The Art of Word)

ISSN 2541-9803
e-ISSN 2713-1319

No. 3 (24), 2023

Chief editor

T. V. Maltseva, Doctor of Philology Full Professor,
Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russia

Editorial Board

S. L. Slobodnyuk, Doctor of Philology, Doctor of Philosophy, Full Professor,
Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russia

O. Y. Osmukhina, Doctor of Philology, Full Professor, MRSU, Saransk, Russia

T. I. Rozhkova, Doctor of Philology, Full Professor, NMSTU, Magnitogorsk, Russia

A. A. Karpov, Doctor of Philology, Full Professor, SPbSU, St. Petersburg, Russia

S. G. Grenier, PhD in Philology, Professor, Georgetown University, Washington, D.C., USA

M. Yahyapour, PhD in Philology, Professor, UT, Tehran, Iran

V. V. Volkov, Doctor of Philology Full Professor, TSU, Tver, Russia

K. P. Sidorenko, Doctor of Philology, Full Professor, Herzen University, St. Petersburg, Russia

E. V. Kupchik, Doctor of Philology, Associate Professor, UTMN, Tyumen, Russia

O. A. Meshcheryakova, Doctor of Philology, Associate Professor,
Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russia

Z. I. Rezanova, Doctor of Philology Full Professor, TSU, Tomsk, Russia

M. R. Zheltukhina, Doctor of Philology, Full Professor, VSSPU, Volgograd, Russia

G. N. Chirsheva, Doctor of Philology, Full Professor, ChSU, Cherepovets, Russia

N. V. Kozlovskaya, Doctor of Philology, Associate Professor, ILS RAS, St. Petersburg, Russia

O. E. Pokhalenkov, Doctor of Philology, Associate Professor, KSU n. a. K. E. Tsiolkovski, Kaluga, Russia

Founder, publisher: Pushkin Leningrad State University

The journal is registered by The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media February 03, 2017. The certificate of the mass media registration ПИИ № ФС 77-68617

The journal is included into the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree

The journal is issued since 2017. Quarterly, 4 issues per year

Содержание

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ПЕРСОНАЛИИ

С. Б. Калашников

Роль самозванства и проблема сюжетосложения
в «Евгении Онегине» А. С. Пушкина 10

Е. А. Ерохина

Роль финала в контексте философско-этической проблематики
повестей И. С. Тургенева 31

Л. С. Старикова

Художественное воплощение принципов новой прозы
В. Шаламова в цикле «Воскрешение лиственницы» 44

Н. В. Константинова

Сюжет о путешествии в Сибирь в документальных травелогах
XIX века (на материале путевых записок Н. В. Шелгунова
«Сибирь. По большой дороге») 60

Т. В. Мальцева

Стратегия топонимической номинации чужого пространства
в восточном посольском дискурсе 79

ЛИНГВИСТИКА. ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО КОММУНИКАЦИИ

Н. В. Козловская, А. С. Мусаева, Ю. В. Сложеникина

Транстерминологизация в сфере искусственного интеллекта:
к постановке вопроса о субтерминологии 98

С. Ю. Дубровина

Ментальность религиозно-мистических настроений сектантства
и их лексическая реализация в истории Тамбовской губернии 119

Т. А. Сироткина

Духовная культура русских в диалектной речи Прикамья 142

В. Шетгэля

О паремиологии текста «Памятных записок» А. В. Храповицкого 150

М. А. Фокина, М. Шохра Прецедентное имя <i>Наполеон</i> в повествовательном дискурсе Владимира Максимова (на материале романов «Ковчег для незваных» и «Заглянуть в бездну»)	162
Н. Б. Карбачинская, С. В. Карбачинский Анализ влияния заимствующего языка на примере древнегреческих слов из «Начал» Евклида	175
И. И. Конькова Диссертация vs монография: сопоставление с использованием корпусного подхода	189
В. В. Королева, М. С. Румянцева Структурно-семантические особенности глагольно-объектных конструкций в английском языке (на примере словосочетаний с лексемой <i>market</i>)	204
С. А. Никифорова Языковые особенности баллады Фридриха Шиллера «Der Taucher»	215
С. В. Чертоусова Передача эрратологического компонента социолектальных и региональных особенностей речи персонажей в художественном переводе (на материале романа Г. Кабреры Инфанте «Три грустных тигра»)	226
Н. В. Медведева Работа с текстами этнокультурологической направленности в процессе подготовки билингвального учителя русского языка	241

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Н. К. Данилова Мистический реализм в современной прозе	254
Сведения об авторах	259

Contents

LITERARY STUDIES AND HISTORY OF LITERATURE. PERSONALITIES

Sergey B. Kalashnikov

Role-playing Imposture and the Problem of Plot Composition
in "Eugene Onegin" by A. S. Pushkin 10

Ekaterina A. Erokhina

The Role of the Finale in the Context of the Philosophical
and Ethical Problems of the Novels by I. S. Turgenev 31

Lyudmila S. Starikova

Artistic Implementation of Principles of Varlam Shalamov's
New Prose in the Cycle "The Resurrection of the Larch" 44

Natalia V. Konstantinova

The Plot of the Journey to Siberia in the Documentary Travelogues
of the XIX century (Based on the Material of N. V. Shelgunov's
Travel Notes "Siberia. On the High Road") 60

Tatiana V. Maltseva

The Strategy of Toponymic Nomination of Foreign Space
in the Eastern Embassy Discourse 79

LINGUISTICS. LANGUAGE AS A MEANS OF COMMUNICATION

Natalia V. Kozlovskaya, Anastasia S. Musaeva, Yulia V. Slozhenikina

Transterminologization in the Field of Artificial Intelligence:
towards the Question of Subterminology 98

Svetlana Yu. Dubrovina

The Mentality of Religious and Mystical Moods and their Lexical
Realization in the History of Sectarianism of the Tambov Province 119

Tatiana A. Sirotkina

Spiritual Culture of Russians in the Dialect Speech
of the Kama Region 142

Victor Szetela About the Paremiology of the Text of the "Memorial Notes" by A. V. Khrapovitsky	150
Madina A. Fokina, Mohammed Shohra The Precedent Name <i>Napoleon</i> in the Narrative Discourse of Vladimir Maksimov (Based on the Novels "The Ark for the Uncalled" and "To Look into the Abyss")	162
Natalia B. Karbachinskaya, Stepan V. Karbachinskiy Analysis of the Influence of the Donor Language on the Example of Ancient Greek Words from the "Beginnings" of Euclid	175
Inna I. Konkova Thesis VS Monograph: Comparative Analysis by Means of Corpus Approach	189
Vera V. Koroleva, Marina S. Rummyantseva Structural and Semantic Features of Verb-object Constructions in English (on the Example of Phrases with the Lexeme <i>market</i>)	204
Svetlana A. Nikiforova Linguistic Features of Friedrich Schiller's Ballad "Der Taucher"	215
Svetlana V. Chertousova Rendering of the Erratologic Component of the Sociolectal and Regional Features in the Speech of the Characters in Literary Translation (Based on the Novel "Three Trapped Tigers" by G. Cabrera Infante)	226
Natalia V. Medvedeva Work with Texts of Ethnocultural Orientation in the Process of Training a Bilingual Teacher of the Russian Language	241

REVIEWS

Natalia K. Danilova Mystical Realism in Modern Prose	254
About Authors	259

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.
ПЕРСОНАЛИИ

С. Б. Калашников

Роловое самозванство и проблема сюжетосложения в «Евгении Онегине» А. С. Пушкина

Изоморфизм образов жениха/царевича и мужа/царя, невесты/царевны и жены/царицы, а также тождество мотивов брака и венчания на царство на уровне построения сюжета порождают параллелизм сценариев статусного и ролевого самозванства в таких произведениях А. С. Пушкина, как «Борис Годунов» и «Евгений Онегин». Функциональное тождество образов центральных персонажей (Онегина и Ленского, Григория Отрепьева и Бориса Годунова) строится на том, что один из имитаторов, возложив на себя «чужую роль» жениха или царя соответственно, разоблачает другого, более успешного имитатора тех же ролевых и статусных амплуа. Изначальная амбивалентность каждого из участников противостояния в ситуации «кризиса различий» на уровне сюжетных решений моделирует систему двойных образных соответствий (Онегин – Григорий Отрепьев, Ленский – Борис Годунов; Онегин – Борис Годунов, Ленский – Григорий Отрепьев), определяя сюжетную комбинаторику отдельных сценариев инвариантной схемы «конкурса самозванцев». Подобие реализованных автором сюжетных решений свидетельствует о том, что они обусловлены не столько событийной логикой построения сюжета, сколько контекстуальными закономерностями собственных произведений Пушкина.

Ключевые слова: самозванство, роль, статус, сюжет, жених, царь, Пушкин.

Для цитирования: Калашников С. Б. Роловое самозванство и проблема сюжетосложения в «Евгении Онегине» А. С. Пушкина // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 3. – С. 10–30. DOI: 10.35231/25419803_2023_3_10. EDN: JICHPR

Феномен самозванства всегда тесно связан с кризисными¹ состояниями сообщества и подчиняется законам семиотического кода, в основе которого в самом общем смысле лежит «узурпация чужого места в мире» [16, с. 316] и «готовность использовать других во имя самочинно провозглашаемых целей» [16, с. 8]. Как отмечает Г. Л. Тульчинский, «именно неукорененность в бытии, разорванность сознания порождает ситуацию претензий на статус другого, узурпации чужого имени

¹ Причем «кризис» здесь следует понимать в его этимологическом значении: **кри́зис** (др.-греч. κρίσις – суд, приговор, осуждение, решение; поворотный пункт) – переходное состояние существования кого-либо, чего-либо как следствие более или менее резкого изменения его прежнего состояния к худшему. Электронный ресурс. URL: <https://azbyka.ru/krizis> (дата обращения: 11.05.2023). Именно на таком понимании строится культурологическая концепция жертвенного кризиса, или © Калашников С. Б., 2023

и персоны, двойничества и т. п.»¹. Разномасштабность подобных притязаний позволяет дифференцировать самозванство статусное, претендующее на приватизацию верховной власти – духовного главенства или мирского могущества², и ролевое, связанное с присвоением той или иной социально-бытовой роли. Первая разновидность на уровне семиотической универсалии проявляет себя исключительно в большом историческом времени, вторая – в ситуативном хронотопе повседневности.

Несмотря на разницу в темпоральной протяженности константой статусного и ролевого самозванства следует считать сценарий «самочинного» присвоения себе не только и не столько имени, сколько «персонификацию соответствующей знаковой системы»³, «статуарного текста» целиком. Чем большее количество схем, сценариев, алгоритмов и дискурсов удастся убедительно симитировать самозванцу, тем достовернее оказывается иллюзия создаваемого им правдоподобия. Однако по этой же причине – невероятной сложности и многоуровневости «статуарного текста» – происходит и обличение (а зачастую и саморазоблачение) «вора и подыменщика»: его дискредитация, как правило, связана с текстовой неконгруэнтностью и нарушением «единства нарративных и перформативных характеристик и функций» [6, с. 55].

Особо примечательным остается тот факт, что начиная с XVII в. самозванство становится, без преувеличения, парадигмальным кодом всей русской культуры, породив, по точному замечанию В. Г. Короленко, сначала «самозванцев духовного прозвания», затем «самозванцев гражданского ведомства» и, наконец, «самозванцев в литературе» [10, с. 333]. Сакрализация царской власти, утверждение института патриаршества и установление «симфонии властей» как особой модели религиозно-государственного устройства с последовавшими затем эпохой смутного времени и церковным расколом вто-

крисиса идентичности, сформулированная в работе Рене Жирара «Насилие и священное»: «Жертвенный кризис следует определять как кризис различий, то есть кризис всего культурного порядка в целом. Ведь культурный порядок – не что иное, как упорядоченная система различий; именно присутствие дифференциальных интервалов позволяет индивидам обрести собственную «идентичность» и расположиться друг относительно друга» [4, с. 64]. Это же обстоятельство дает основание И. П. Смирнову связывать феномен самозванства с «ролевой революцией» [5, с. 33], т. е. переходом от иерархически «вертикальной» идентификации личности, основанной на инсигниях достоинства и заслуг, к эгалитарной и ситуативно-ролевой.

¹ Тутьлинский Г. Л. Новая антропология (персонология): Самозванство или личность как автопроект? Электронный ресурс. URL: <https://magazines.gorky.media/neva/2010/6/novaya-antropologiya-personologiya.html> (дата обращения: 11.05.2023).

² Которые, по утверждению Р. Генона, являются «областью противостояния и полем конкурентной борьбы почти у всех народов» [3, с. 24].

³ Тутьлинский Г. Л. Новая антропология (персонология): Самозванство или личность как автопроект? Электронный ресурс. URL: <https://magazines.gorky.media/neva/2010/6/novaya-antropologiya-personologiya.html> (дата обращения: 11.05.2023).

рой половины XVII в. создали прецедент самозванства в отечественном историале. Как отмечает Е. А. Рыжова, «в XVII в. на территории России действовало примерно 20 самозванцев, а в XVIII – подобных проходимцев насчитывалось около 40» [14, с. 205]. Циклическая повторяемость «женских» дворцовых переворотов XVIII столетия предельно заострила проблему статусного самозванства и перевела ее в разряд «постоянных величин» российского общественно-политического дискурса.

Поскольку «самозванство – явление русское по преимуществу» [17, с. 65], к его образам и мотивам оказалась чрезвычайно чувствительна и русская литература. Как известно, первым опытом художественного осмысления феномена самозванства в отечественной словесности стали пьеса А. А. Ржевского «Подложный Смердий» (1769) и трагедия А. П. Сумарокова «Дмитрий Самозванец» (1771)¹, однако по-настоящему системную разработку содержательных категорий этого явления дает в своих произведениях А. С. Пушкин: если в «Борисе Годунове» предложена развернутая дифференциация царей на истинных и ложных, то в «Капитанской дочке» симптоматика «русского бунта» показана как регулярно воспроизводимая в отечественной истории ситуация «конкурса самозванцев»².

В последнее десятилетие внимание исследователей в первую очередь было сосредоточено на проблеме статусного самозванства в «исторических» текстах писателя. Нами прежде уже рассматривался один из метасюжетов творчества А. С. Пушкина «поэт vs государь» и его вариативные реализации в тексте исторической трагедии «Борис Годунов» [8], а также были установлены попарные аналогии между образами Лжедмитрия и Наполеона, Годунова и Александра I. С точки зрения «кризиса различий» (Р. Жирар), внутри которого самозванцы уподобляются друг другу до крайней степени неразличимости и теряют признаки персональной идентичности, можно также говорить о функциональном тождестве образов Бориса Годунова и Григория Отрепьева, с одной стороны, и Александра I и Наполеона – с другой [9; с. 15–16].

¹ Хотя, безусловно, даже самые ранние сценические произведения автора «Хорев» (1747) и «Гамлет» (1748), созданные на легендарной и переводной основе, уже содержат в себе сложные коллизии самозванства, связанного с притязанием на верховную власть и незаконную узурпацию престола.

² Впервые этот термин введен Б. А. Успенским: «Наличие одного самозванца (в данном случае на троне) провоцирует появление других: происходит как бы конкурс самозванцев» [18, с. 150].

На материале того же произведения И. В. Артамонова выявляет особенно важный для пушкинских произведений середины 1820-х гг. «наполеоновский подтекст» и описывает фигуру самозванца как архетипического героя с чертами бонапартизма: «Образ Лжедмитрия имеет многоуровневую структуру, для которой характерны черты героя Н. М. Карамзина («История Государства Российского») и черты Наполеона с исконно русским мировоззрением разбойника-самозванца» [1, с. 7].

С. Т. Золян рассматривает семиотические механизмы присвоения идентичности на примере употребления имени в тексте «Бориса Годунова» и приходит к выводу о том, что «Пушкин воспроизводит два типа тестирующих ситуаций – один из них связан с "многоиндивидуальностью" имени Дмитрий, отсылающего к двум различным индивидам, другой – с "многоименностью" индивида Григория – Дмитрия» [6, с. 71].

Содержательные структуры ролевого самозванства в произведениях писателя рассматривались гораздо реже, хотя этот проблемный вопрос был поставлен еще в конце прошлого века Г. Л. Тульчинским. Исследователь настаивает на том, что «ключевыми в плане понимания роли темы самозванства у А. С. Пушкина являются "Повести покойного Ивана Петровича Белкина", концептуальный итог которых может быть выражен формулой "имя и статус от Бога, а не от человека. Удел человеческий – лишь упование на счастливый случай"» [16; с. 326–327]. «Если в "Борисе Годунове" и "Капитанской дочке", – считает автор, – тема самозванства раскрывается большей частью на материале "большой истории" <...>, в "Повестях Белкина" самозванство раскрывается уже на других уровнях. Самозванству придается статус достаточно распространенного феномена обыденного опыта и осознания – с одной стороны, а с другой – оно увязывается с метафизикой человеческого существования вообще» [16, с. 327].

Особенно значимыми в этом аспекте оказываются наблюдения С. Г. Ильенко над художественно-стилевыми основами «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина» как циклического единства: на уровне речевой организации произведения эффект целостности достигается созданием «такого художественно-стилевого структурирования повестей, в котором учитывались композиционно-жанровые

основания; общеречевая организация: преимущественная роль монологической или диалогической речи; лексическая организация, начиная с выбора названия и кончая использованием доминантной лексики, и, наконец, сужение или расширение референциальных цепочек» [7, с. 110], в то время как на содержательном уровне целостность этого прозаического эксперимента «опиралась на поиски сквозных идей, в качестве которых выступили категории Самозванства и Случая, находящиеся в отношениях взаимодополняемости» [7, с. 110].

Этими наблюдениями над признаками ролевого самозванства в произведениях А. С. Пушкина исследовательские рефлексии, пожалуй, и исчерпывается. Системного описания на материале пушкинских текстов данный феномен пока не получил. Поэтому позволим себе скорректировать точку зрения Г. Л. Тульчинского и выдвинуть **гипотезу** о том, что самозванство как феномен повседневного опыта прежде «Повестей Белкина» реализуется в пушкинском романе в стихах. Для такого предположения есть несколько, на наш взгляд, серьезных оснований:

1) одна из центральных коллизий романа – дружба, ссора и поединок между Онегиным и Ленским – строится на основе сознательной метаморфности одного героя и бессознательной амбивалентности другого, что является показательным классификационным признаком ролевого самозванства;

2) главная интрига этой сюжетной линии заключается в том, что оба персонажа попеременно оказываются в амплу подлинного/мнимого жениха, которое выступает главным атрибутивным знаком многочисленных сценариев бытового ситуативного самозванства;

3) немаловажным обстоятельством становится история создания срединных глав романа в стихах: написание 1–3 и 4–6 глав «Евгения Онегина» разделено работой над «Борисом Годуновым», сюжетные решения которого могли существенно повлиять на трансформацию первоначального замысла стихотворного романа¹.

Таким образом, **целью** нашего исследования является анализ содержательных категорий ролевого самозванства

¹ Что косвенно подтверждается переносом работы над текстом романа и «Комедии о настоящей беде Московскому государству, о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве» из рабочей тетради ПД № 835 в отдельную, так называемую михайловскую, тетрадь № ПД 836 (См.: [18, с. 29]).

в «Евгении Онегине» А. С. Пушкина и влияния элементов этого семиотического кода на сюжетостроение романа в стихах.

Материалы и методы

Исследование базируется на принципах структурно-семиотического подхода и предполагает, во-первых, выявление повторяющихся элементов в художественной структуре исторической трагедии «Борис Годунов» и романа в стихах «Евгений Онегин»; во-вторых, определение их функции в рамках сюжетного целого.

Структурная топика пушкинского романа в стихах включает в себя обыгрывание амплу подлинного/мнимого жениха и мотив свадьбы – предстоящей, но так и не случившейся – между Ленским и Ольгой Лариной, а также потенциальной, но не состоявшейся, между Онегиным и Татьяной Лариной. Содержательные структуры «Бориса Годунова» выстраиваются вокруг образа подлинного/мнимого царя и мотива венчания на Московское царство – состоявшегося, но нелегитимного у Бориса Годунова, и потенциального, но тоже неправомочного у Григория Отрепьева. Следование художественной логики Пушкина одной и той же инвариантной схеме противостояния двух самозванцев (статусных – в «Борисе Годунове» и ролевых – в «Евгении Онегине») предполагает подобие сюжетных решений.

Результаты

Все сюжетные коллизии «Евгения Онегина» обладают общим типологическим свойством: они всегда возникают в ситуации, когда тот или иной персонаж намеренно принимает на себя притворное амплу или хотя бы на время по воле случая входит в чужую роль и относительно успешно притворяется кем-то иным, нежели он есть на самом деле. Крайнее обострение этих коллизий всегда происходит в ситуации, когда как минимум два персонажа начинают претендовать на одну и ту же функцию или статус, не имея на то достаточных внутренних оснований. Наиболее примечательны с этой точки зрения образы Онегина и Ленского.

Статус Онегина как ролевого самозванца («подражанье, ничтожный призрак») в романе более или менее отчетлив

и определен с начала произведения самим автором («как рано мог он лицемерить»), а затем подтвержден и запоздалым прозрением Татьяны: «Уж не пародия ли он?» Главный герой представляет собой «собрание» весьма обширных реминисцентных рядов фольклорно-литературного происхождения – начиная с демонического персонажа одноименного романа Ч. Р. Метьюрина «Мельмот-скиталец» и разбойника-оборотня¹ и заканчивая тем, что аккумулирует в себе «колебания между модусами дружеского послания, стихотворной комедии, "байронической" поэмы, шутильной поэмы, рефлексивной элегии» [12, с. 148].

Ролеевое самозванство выпускника Геттингена менее очевидно. Одним из первых романский статус Ленского с «псевдо-иллюзией» и «мнимой поэзией» связал Ю. М. Лотман, который, комментируя трагическую гибель персонажа, отмечал, что Пушкин «всем ходом повествования подготовил конечное торжество скепсиса над псевдо-иллюзией и прозы над мнимой поэзией» [11, с. 645]. Более детальный анализ пародийности² образа «элегического эпигона» осуществил О. Проскурин, обративший внимание на «изначальную двойственность персонажа, колебания в его изображении между лирическим и пародическим модусом» [12, с. 149]. Нелепость стихотворных штудий Ленского достигает саморазоблачительной кульминации во время сочинения графоманской автоэпитафии. И авторский, исполненный иронии комментарий к опусу персонажа выполняет здесь недвусмысленную оценочную функцию:

Так он писал темно и вяло
 (Что романтизмом мы зовем,
 Хоть романтизма тут нимало
 Не вижу я; да что нам в том?) [13, с. 128].

Ленский, подобно Онегину, тоже *модник-подражатель*, с той лишь разницей, что Онегин транслирует имита-

¹ Немзер А. «Евгений Онегин» и творческая эволюция Пушкина // Волга. 1999. № 6. Электронный ресурс. URL: <https://magazines.gorky.media/volga/1999/6/evgenij-onegin-i-tvorcheskaya-evolyucziya-pushkina.html> (дата обращения: 10.05.2023).

² Этимологическое значение слова пародия точно передает подражательность и даже карикатурность поэтических упражнений Ленского: *παρῳδία* в переводе с древнегреческого означает «пение наизуанку», «околопеснь» («околостихотворение»), «противопеснь», «песня, исполненная наоборот» Электронный ресурс. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/пародия#Этимология> (дата обращения: 11.05.2023). Ленский выступает как эпитон, а поэтому и пародист элегического канона.

ционные формы поведения, подчеркивающие его эксклюзивность, а Владимир выступает фальсификатором стилистической манеры, за приверженностью которой угадывается претензия на поэтическую исключительность. Образ поэта, засыпающего над собственными стихами («На модном слове идеал / Тихонько Ленский задремал» [13, с. 128]; курсив наш. – С. К.), уже не просто подчеркнута ироничен, но откровенно пародиен¹. Идентичную характеристику получит Онегин в 7-й главе романа: «слов модных полный лексикон» [13, с. 150]. Соположение речевого манерничания Онегина и Ленского, основанного на присвоении престижной коммуникативной и творческой стратегий соответственно, актуализирует их внутренне подобие именно в качестве подражателей².

Если в статусном самозванстве присвоение чужого имени выступает как «твердый десигнатор, фиксирует выделенность некоей сущности, ее представленность в различных системах описания и модальностях, выражая ее существование»³, то в случае с ролевым самозванством таким жестким указателем может являться заимствованное речевое поведение, присвоение себе определенного типа языковой личности, авторитетной коммуникативной стратегии или стилистической манеры, которые становятся, по точному замечанию А. А. Гусевой, своеобразным эквивалентом царских инсигний: «В случае с текстом <...> роль «тайных знаков» чаще всего играет стиль или проблематика»⁴.

Пародийный характер образа Ленского становится особенно отчетлив на фоне тех жизненных альтернатив, которые могли бы быть реализованы, останься он в живых: спивающийся провинциальный помещик-рогоносец либо же «истинный» поэт, которого «ждала высокая ступень» на «ступенях света». Примечательно, что обязательным условием исполне-

¹ За этим стилистически маркированным словом угадывается эмблематика фигуры Шиллера с его стихотворением «Die Ideale», благодаря которому при переводческом посредничестве В. А. Жуковского «в русскую лирику пришла традиция "протестантского барокко", <...> ошибочно истолкованная как "романтизм"» [12, с. 22].

² Примечательно, что образы «братьев-врагов» включены в еще один общий для них семантический подтекст, эпицентром которого оказывается излюбленное Пушкиным языковое обыгрывание семантики определенного слова, в частности, «оды». Так, по поводу Онегина Татьяна, посетившая его кабинет, восклицает: «Уж не пародия ли он!» [13, с. 150], в то время как о Ленском заявлено: «Владимир и писал бы оды, / Да Ольга не читала их» [13, с. 91]. В «изнеженной» элэгичности Ленского и псевдоодической мужественности Онегина подчеркивается одинаковая степень отклонения от воображаемого центра симметрии, регулярная повторяемость их ситуативных несоответствий.

³ Тульчинский Г. Л. Самозванство, массовая культура и новая антропология: перспективы постчеловечности. Электронный ресурс. URL: <http://hpsy.ru/public/x3151.htm> (дата обращения: 11.05.2023).

⁴ Гусева А. А. Речевая маска и речевое самозванство // Vox: философский журнал. 2012. Вып. 13. Электронный ресурс. URL: <https://vox-journal.org/html/issues/202/210.html> (дата обращения: 11.05.2023).

ния каждого из этих сценариев становится отказ от имитации образа «романтического поэта»: в первом случае герою необходимо было «расстаться с музами» и «жениться», во втором – «благородное стремленье» должно было возвысить Ленского до «снов поэзии святой» [13, с. 135].

Важнейшим эпизодом, дискредитирующим даже не столько образ Ольги в качестве возлюбленной Ленского, сколько его статус «поэта», становится памятный разговор приятелей в начале третьей главы:

«...Скажи: которая Татьяна?»

– Да та, которая, грустна

И молчалива, как Светлана,

Вошла и села у окна. –

«Неужто ты влюблен в меньшую?»

– А что? – «Я выбрал бы другую,

Когда б я был, как ты, поэт...» [13, с. 57].

С. Г. Бочаров проницательно комментирует эти слова Онегина: «Ставя себя гипотетически на идеальное место «поэта», Онегин делает свой идеальный выбор. Но этот выбор он делает на идеальном месте, как бы на чужом месте (курсив наш. – С. К.), и поэтому лишь в возможности: он выбрал бы другую» [2, с. 21]. Онегин в разговоре лишь на короткое время примеряет на себя чужую роль идеального, т. е. настоящего «поэта» – и делает это лишь потому, что вакансия «истинного поэта» Ленским оказывается не занята: увлечение «ненастоящей» Ольгой, в чертах которой «жизни нет», которая «кругла, красна лицом», свидетельствует об отсутствии у «поклонника Канта» способности видеть подлинно прекрасное, говорит о том, что «поэт» – это мнимое амплуа Ленского, которое он на себя возложил самочинно, по собственному хотению, чтобы успешно следовать тренду стихотворной моды. Задумчивость, в которую погружается Ленский после этих слов Онегина, рискнем предположить, связана именно с тем, что Евгений своими словами предельно заострил это несоответствие в поэтической идентичности Ленского, вскрыл отчасти еще сокрытый для самого Владимира имитационный характер его лирического энтузиазма. Примечательно, что изъян этот

обнаруживает ролевой самозванец Онегин, который сам является тотальной имитацией и чужим подобием.

В полной мере ситуация «конкурса» этих двух ролевых самозванцев обостряется на именинах старшей из сестер Лариных. Онегин ошибочно принят собравшимися за жениха Татьяны из-за того положения, в котором оказался на вечере по приглашению «Оленьки и матери», переданному через «недогадливого» Ленского. Именно мать руководит рассадкой опоздавших к началу праздничного ужина молодых людей, располагая Онегина напротив Татьяны и создавая вокруг него некий ореол общественных ожиданий, подтверждения которых от Евгения ждут на протяжении всего вечера: положением за столом ему предписана роль потенциального жениха Татьяны. Разумеется, как человеку светскому и чрезвычайно искушенному в интригах, ему быстро становятся понятны эти намеренно сконструированные и направленные на его персону манипуляции, поэтому план вынашиваемой им «мести» носит строго симметричный характер: если по вине Ленского присутствующие начинают приписывать Онегину статус жениха Татьяны (что явно не соответствует его намерениям), то приятеля, которого все полагают женихом Ольги, именно в этом амплуа и следует дискредитировать, т. е. сделать его «псевдоженихом» в глазах всех собравшихся на именины гостей.

Для самозванцев в высшей степени характерно стремление присвоить себе один и тот же объект желания. Это сближает их настолько, что они становятся братьями-врагами и выстраивают «схемы» обретения вожделенного предмета по одному и тому же сценарию. Особенно важно, что в «Евгении Онегине» своеобразным объектом желания (в случае Ленского – желания страстного, которым он в буквальном смысле одержим, в ситуации Онегина – поддельным, вызванным ситуативной необходимостью) для обоих «имитаторов» является тоже мнимая величина. Ольга не только не может быть, по словам Евгения, объектом подлинного поэтического воспевания, но также из-за ветрености и легкомыслия едва ли способна оставаться целомудренной невестой и верной женой: за две недели до свадьбы она увлекается Онегиным, а потеряв жениха, не носит, как того

предполагают приличия, годичного траура и через полгода выходит замуж за случайно проезжавшего через имение Лариных улана¹. Неслучайно Пушкин, как и в случае с Ленским, сделал характеристику Ольги двусмысленной и двупланной: «С одной стороны, она представляет собой набор ни к чему не отсылающих и ничего не означающих клише элегической поэзии <...>. С другой стороны, эта характеристика остросексуализированна; в ней обнаруживается тайное вождление девственного поэта (в частности, скорбь о том, что ландыш потаенный погибнет, не ощутив его “росы”）」 [12, с. 160].

Мотив предполагаемой свадьбы, а также обыгрывание амплу подлинного и мнимого жениха представляются нам особенно важными в структуре романа, поскольку не входили в его первоначальные планы [4; с. 84–88] и на уровне фабульного решения оформились сразу после окончания работы над «Борисом Годуновым». Думается, что в основе обоих сюжетных решений лежит один и тот же семиотический код, обладающий дистрибутивной функцией. Его корректная дешифровка возможна только с учетом ритуально-мифологических истоков изоморфизма образов жениха и царя, с одной стороны, и невесты и царицы – с другой, а также тождества священного брака и царства, которые были установлены О. М. Фрейденберг: «Жених и невеста – парное божество, несущее жизненные функции, параллельные репрезентанты царя и царицы, бога и богини города. Свадьба – не событие, которое может когда угодно произойти, в зависимости от склонности жениха и невесты. Это обряд, тождественный триумфу и венчанию на царство» [20, с. 75].

Данный семиотический код получает дополнительное смысловое измерение в христианской традиции, когда к V в. устанавливается церемониальное тождество обрядов свадебного венчания и венчания на царство [21, с. 67], а примерно с середины XVII в. уже и в России «любая свадьба начинается проводиться по чину "венчания" на царство, вплоть

¹ Здесь напрашивается неожиданная параллель: поведение Ольги функционально подобно поведению Марины Мнишек из «Бориса Годунова», которая готова признать своим царем и женихом только того, кто пообещает ей обручение с Московским царством:

Очисти Кремль, садись на трон московский,
Тогда за мной шли брачного посла;
Но – слышит бог – пока твоя нога
Не оперлась на тронные ступени,
Пока тобой не свержен Годунов,
Любви речей не буду слушать я [13, с. 286].

до того, что во время совершения обряда (таинства) обычных новобрачных нарекают князем и княгиней» [21, с. 68]. Примерно в этот же период вырабатывается еще одна тенденция, свидетельствующая о семантическом подобии двух обрядов – традиционной свадьбы и венчания на царство: не только свадьба обычного мирянина церемониально начинает уподобляться венчанию на царство, но и таинство венчания на царство, и, собственно, царская свадьба уподобляются друг другу. Так, например, церковные церемонии свадебных торжеств царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича проводятся в Успенском соборе Московского Кремля – там же и по тому же чину, где осуществлялся обряд их венчания на царство [21, с. 79].

Исходя из установленной О. М. Фрейденберг морфологической единоприродности образов жениха/царевича и мужа/царя, невесты/царевны и жены/царицы, а также синонимичности мотивов брака и венчания на царство, на уровне построения структурной топики мы можем говорить об определенном тождестве сценариев ролевого и статусного самозванства в таких произведениях А. С. Пушкина, как «Евгений Онегин» и «Борис Годунов». Хронологически работа над первыми тремя главами романа в стихах и последующими 4-й, 5-й и 6-й песнями оказалась прервана созданием трагедии «в духе Шекспира», обозначившей переломный момент в развитии пушкинского сюжетного мышления.

Функциональное тождество образов центральных персонажей (Онегина и Ленского, с одной стороны, и Григория Отрепьева и Бориса Годунова – с другой) строится на том, что один из имитаторов, примерив на себя «чужую роль» (жениха или царя соответственно), разоблачает другого, более успешного имитатора тех же ролевых и статусных амплуа. Изначальная амбивалентность каждого из участников противостояния в ситуации «кризиса различий» (Р. Жирар) на уровне сюжетных решений моделирует систему двойных соответствий, определяя комбинаторику отдельных сценариев инвариантной схемы «конкурса самозванцев».

Так, например, глубинный параллелизм образов Онегина и Григория Отрепьева обнаруживается на уровне общего «архетипического» знаменателя – соотносительности обоих

персонажей с эмблематическими признаками Наполеона: у Онегина в кабинете Татьяна обнаруживает «...столбик с куклою чугунной / Под шляпой с пасмурным челом, / С руками, сжатыми крестом» [13, с. 148]; Лжедмитрий же в «Борисе Годунове» связан с образом французского императора через систему подтекстовых соответствий и функциональных уподоблений: оба «выступают в качестве своеобразного орудия метафизического возмездия, призванного наказать первого самозванца за нарушение нравственного закона и узурпацию власти», а на уровне внешнего подобия обладают сходной узнаваемой жестикуляцией [9; с. 14–15]. Напомним, что именно Онегин, еще прежде автора, подверг сомнению претензию Ленского на первенство в области духа и творчества – подобно тому, как Григорий Отрепьев едва ли не первым из персонажей трагедии не только заподозрил несостоятельность царя Бориса в качестве легитимного самодержца, но и *представил себя на его месте*.

В свою очередь, Годунов соотносится с Ленским через таксономию образов женщины и власти. По мере приближения свадьбы юноша-поэт демонстрирует столь страстное желание обладать Ольгой, что оно начинает граничить с навязчивой озабоченностью («Ах, милый, как похорошели / У Ольги плечи, что за грудь!» [13, с. 96]) и даже одержимостью, квинтэссенцией которой становится финал предутренней элегии: «Сердечный друг, желанный друг, / Приди, приди: я твой супруг!..» [13, с. 128]. Примечательна в этом отношении смысловая перекличка с началом знаменитого монолога Годунова, где жажда обладания властью сравнивается с силой влечения к женщине: «Не так ли / Мы смолоду влюбляемся и алчем / Утех любви...» [13, с. 128]. Потенциальное охлаждение к жизни как одна из альтернатив возможного будущего Ленского («Расстался б с музами, женился, / В деревне счастлив и рогат / Носил бы стеганный халат...» [13; с. 135–136]), – и реальное разочарование Годунова во власти («...но только утолим / Сердечный глад мгновенным обладаньем, / Уж, охладев, скучаем и томимся» [13, с. 242]) удваивают это образное соответствие.

Страстное желание Бориса венчаться на царство, которое (царство) затем предпочтет «другого» и предаст забвению прежнего «самовластительного» избранника в «Комедии

о настоящей беде...», оказывается эквивалентно мотиву вождельного супружества в сюжетной линии Ленского, невеста которого легкомысленно флиртует с Онегиным, предает «равнодушному забвенью» прах убитого жениха и связывает свою дальнейшую судьбу с безымянным уланом:

Другой увлек ее вниманье,
Другой успел ее страданье
Любовной лестью усыпить,
Улан умел ее пленить,
Улан любим ее душою... [13; с. 143–144].

Семантика отсутствия имени собственного у нового жениха Ольги выполняет здесь такую же символическую функцию, как и многоименность претендента на престол в «Борисе Годунове»¹: она маркирует принципиальную имперсональность «другого» как ключевое свойство самозванца.

Еще одно структурное соответствие обоих произведений связано с образами Отрепьева и Онегина: инструментом установления временной правомочности своей власти для Григория становится изменчивое «мнение народное», подобную же роль в легитимации кратковременной «власти» Евгения над Ольгой в качестве ее потенциального жениха выполняет непостоянное мнение «общественное», наделенное в обоих случаях манипулятивной функцией в интересах выгодоприобретателя – псевдоцаря и псевдожениха соответственно.

Поскольку участники «миметического кризиса» обречены на утрату собственной идентичности и отчетливую классификацию различий друг от друга, система симметричных подобию в попарном изображении Онегина и Григория Отрепьева, а также Ленского и Бориса Годунова не исключает и асимметричную соотношенность участников этих пар: Онегина и Годунова, Ленского и Отрепьева.

Так, Евгений и царь Борис обнаруживают общее для самозванцев фундаментальное свойство: если наедине с собой они способны призвать себя на «тайный суд совести», то публич-

¹ В тексте трагедии встречается четыре разных именованья этого персонажа: 1) Григорий – настоящее имя, которое предано анафеме («Гришка Отрепьев – анафема!» [13, с. 298]), что исключает его упоминание за богослужением и отпевание по церковному обряду; 2) Самозванец и 3) Лжедмитрий – по сути, являются ситуативными прозвищами, а не именами собственными; 4) Дмитрий – присвоенное себе имя убитого царевича.

ного признания собственной вины и раскаяния категорически не приемлют, поскольку самоосуждение может лишить их возможности действовать в дальнейшем под чужой личиной. Оба героя развенчивают себя в глазах читателя: Евгений – после получения картеля от Ленского: «...в разборе строгом... обвинял себя во многом... был неправ, / Что над любовью робкой, нежной / Так подшутил вечер небрежно [13, с. 123]; Борис – после того, как «врагоугодник» уже возомнил себя «царем на Москве» (т. е., по сути, бросил вызов Годунову): «Да, жалок тот, в ком совесть нечиста» [13, с. 243]. Вместо того, чтобы «чувства обнаружить, / А не щетиниться, как зверь» [13, с. 124], Онегин во избежание саморазоблачения в качестве регулятора своего поведения апеллирует к обезличенному коллективному посреднику – «общественному мнению». Подобную схему ухода от персональной ответственности выбирает и Годунов, но с одним принципиально важным смысловым отличием – уступая право принятия решения стороннему лицу: на предложение патриарха выставить в Архангельском соборе на всеобщее обозрение чудотворные мощи убиенного царевича Димитрия и тем самым предать всеобщей огласке «обман безбожного злодея» вместо государя отвечает «лукавый царедворец» Шуйский¹ (в будущем «выкликнутый» царем), предлагая «народную молву / Исследовать прилежно и бесстрашно» и самолично «усоветить безумство / И злой обман бродяги обнаружить» [13, с. 293].

Ряд сходных рефлексов мы можем обнаружить и у другой пары самозванцев – Ленского и Лжедмитрия: каждый «кипит враждой нетерпеливой» [13, с. 124] и мыслит себя ни больше ни меньше орудием в руках судьбы, чтобы наказать соперника от лица самого Провидения. Так, вызнав тайну Годунова, Отрепьев восклицает: «И не уйдешь ты от суда мирского, / Как не уйдешь от божьего суда [13, с. 238], – а затем в сцене объяснения у фонтана еще раз заявит о провиденциальной судьбоносности своей воздаятельной миссии:

Тень Грозного меня усыновила,
Димитрием из гроба нарекла,

¹ В этом смысле его роль как стороннего арбитра вполне сопоставима с функцией Зарецкого в качестве секунданта Ленского на поединке.

Вокруг меня народы возмутила
И в жертву мне Бориса обрекла [13, с. 284].

Подобные мессианские намерения вынашивает и Ленский, воображая себя в роли спасителя «двухутренного цветка»:

Он мыслит: «Буду ей спаситель.
Не потерплю, чтоб развратитель
Огнем и вздохов и похвал
Младое сердце искушал...» [13, с. 126].

И Отрепьев, и Ленский считают себя орудием возмездия для того, кто нелегитимно, по их мнению, присвоил себе право на обладание священным объектом – властью или женщиной.

Однако роман в стихах с разрешением этого локального «миметического кризиса» в 5-й и 6-й главах не заканчивается и получает еще одну сюжетную валентность, о которой следует сказать особо, – это несостоявшееся счастье Татьяны и Онегина в качестве супругов. На именинах Татьяны Онегин оказывается «непроизвольным» самозванцем: таковым его делает общественное мнение, успешно сформированное «самовластительной» старушкой-матерью. Финальная песнь романа моделирует как раз противоположный сценарий – сценарий запоздалого обретения Онегиным своей истинной роли – «жениха» и несостоявшегося «мужа» старшей из сестер Лариных. Волею случая оказавшийся в «глуши степных селений» он опознан Татьяной как «суженый», т. е. предопределенный самой судьбой избранник: «Открылись очи; / Она сказала: это он!» [13, с. 58].

Если при первой встрече Онегина с Татьяной для нее еще возможно восприятие Евгения в двойном модусе спасителя или искусителя, то по мере дальнейшего развертывания сюжета героиня безошибочно угадывает провиденциальность этой встречи, подстроеной отнюдь не человеческой волей:

Нет, никому на свете
Не отдала бы сердца я!
То в высшем суждено совете...
То воля неба: я твоя <...>

Я знаю, ты мне послан богом,
До гроба ты хранитель мой... [13; с. 126–127].

Можно было бы посчитать признания Татьяны следствием «чрезмерной начитанности» и инерцией восприятия образа Онегина как литературного героя любимых книг, но «неслучайность» появления Евгения в судьбе Татьяны не только подтверждается ходом дальнейшего повествования, но и осознается самим Онегиным («Как я ошибся, как наказан»), подводя читателя к однозначному выводу: Евгений действительно был предопределен Татьяне самим Провидением и, следовательно, ее предчувствия о связанности их судеб в «высшем совете» не были ошибочными¹.

Проецируя эту сюжетную ситуацию на семиотический код «священного брака», Онегина можно уподобить царевичу, «самочинно» отказавшемуся от предназначенного ему царства. Мотив уклонения властителя от предписанного ему высшей волей долга особенно заинтересует Пушкина в 1830-е годы и получит развитие в образах «предоброго, старого Дука» («Анджело», 1833), «захотевшего отдохнуть от ратных дел» царя Дадона («Сказка о Золотом петушке», 1834) и «ушедшего с поля битвы» испанского короля Родрика («На Испанию родную...», 1835).

Обсуждение и выводы

«Евгению Онегину» и «Борису Годунову» присущ сюжетный изоморфизм: основу центральной коллизии обоих текстов составляет ситуация «конкурса самозванцев», но с той лишь разницей, что в «романтической трагедии» разыгрывается сценарий статусного самозванства с претензией на верховную власть, в то время как сюжетная режиссура романа в стихах строится на присвоении чужой социальной роли – функции жениха.

Ситуация «конкурса статусных самозванцев», выработанная Пушкиным в «Борисе Годунове», по целой группе

¹ В этом смысле сюжет «Метели» станет инверсией схемы, впервые появившейся именно в «Онегине»: если в романе в стихах Татьяна при первой случайной встрече «узнает» своего жениха, но он по собственной воле отказывается от этого ампула и не обретает в дальнейшем счастья, то в произведении, открывающем цикл «Повестей Белкина», функции героев распределяются ровно наоборот: Марья Гавриловна ошибочно принимает за своего избранника «другого», однако Бурмин из-за «непонятной, непростительной ветрености» возлагает на себя определенную ему волей случая роль, и поэтому оба участника «забавного недоразумения» оказываются в итоге счастливы.

семантических параметров оказывается подобна «конкурсу ролевых самозванцев» в «Евгении Онегине». Функция Григория Отрепьева как псевдоцаря, разоблачающего другого псевдоцаря – Бориса Годунова, идентична функции Онегина в романе: псевдожених и не-поэт дискредитирует другого жениха и псевдопоэта. Если в первом случае объектом вожделения и соревновательности является власть, то во втором – женщина. Борьба двух статусных самозванцев в «Борисе Годунове», равно как и противостояние в «Евгении Онегине» самозванцев ролевых являются частными реализациями инвариантной сюжетной схемы, где одна кажимость служит разоблачению другой кажимости.

Функциональное тождество образов центральных персонажей (Годунова и Отрепьева, Онегина и Ленского) предопределяет структурное подобие реализованных автором сюжетных решений и свидетельствует о том, что они обусловлены не столько фабульной логикой, сколько контекстуальными закономерностями собственных произведений поэта.

Список литературы

1. Артамонова И. В. Самозванство как вариация наполеоновского комплекса в драме А. С. Пушкина «Борис Годунов» // Филологическая наука на современном этапе: проблемы и перспективы. – Пенза: Пензенский государственный технологический университет, 2016. – С. 5–8.
2. Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 632 с.
3. Генон Р. Духовное владычество и мирская власть [пер. с фр. Н. Тирос]. – М.: Беловодье, 2015. – 208 с.
4. Дьяконов И. М. Об истории замысла «Евгения Онегина» // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1982. – Т. 10. – С. 70–105.
5. Жирар Р. Насилие и священное. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 400 с.
6. Золян С. Т. Самозванство как проблема референции: семиотика имени в «Борисе Годунове» // Слово. ру: балтийский акцент. – 2021. – Т. 12., № 2. – С. 53–77. DOI: 10.5922/2225-5346-2021-2-4.
7. Ильенко С. Г. Самозванство и случай как содержательно-интегрирующие доминанты художественно-стилевой основы «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина» // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2005. – Т. 5, № 11. – С. 100–113.
8. Калашников С. Б. Метасюжет «Поэт vs Государь» в «Борисе Годунове» А. С. Пушкина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2012. – № 2 (66). – С. 126–129.
9. Калашников С. Б. Модель тождества двух самозванцев: Наполеон и Александр I в творчестве А. С. Пушкина // Пушкинские чтения–2017. Художественные стратегии

классической и новой словесности: жанр, автор, текст: материалы XXII международной научной конференции. – СПб., 2017. – С. 9–23.

10. Короленко В. Г. Современная самозванщина // В. Г. Короленко. Полн. собр. соч.: в 10 т. – СПб.: Издание Тов-ва А. Ф. Марксъ, 1914. – Т. 3. – 427 с.

11. Лотман Ю. М. Пушкин. – СПб.: Искусство–СПб, 2003. – 847 с.

12. Проскурин О. А. Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – 462 с.

13. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в десяти томах. – М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. – Т. 5. Евгений Онегин. Драматические произведения. – 626 с.

14. Рыжова Е. А. Феномен самозванства. Генезис и истоки. История изучения // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – № 10 (78). – С. 205–208.

15. Смирнов И. П. Самозванство, или Ролевая революция // Журнал интерпретационного искусства. – 2001. – № 13. – С. 33–58.

16. Тульчинский Г. Л. Феноменология зла и метафизика свободы. – СПб.: Алетейя, 2018. – 484 с.

17. Турбин В. Н. Характеры самозванцев в творчестве Пушкина // В. Н. Турбин. Незадолго до Водолея. – М.: Радикс, 1994. – С. 63–81.

18. Успенский Б. А. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Успенский Б. А. Избранные труды. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры. – С. 142–183.

19. Фомичев С. А. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 835: (Из текстологических наблюдений) // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1983. – Т. II. – С. 27–65.

20. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. – М.: Лабиринт, 1997. – 448 с.

21. Штепа О. В. Венчальный обряд в царской свадьбе в России XVII в. // Материалы и исследования / Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный историко-культурный музей-заповедник “Московский Кремль”». – М., 2015. – Выпуск 23. – С. 66–82.

Sergey B. Kalashnikov

Role-playing Imposture and the Problem of Plot Composition in "Eugene Onegin" by A. S. Pushkin

The isomorphism of the images of the groom / tsarevich and husband/tsar, the bride/ tsarevna and wife / tsarina, as well as the identity of the motives of marriage and the wedding to the kingdom at the level of plot construction generate a parallelism of scenarios of status and role imposture in such works of A. S. Pushkin as "Boris Godunov" and "Eugene Onegin". The functional identity of the images of the central characters (Onegin and Lensky, Grigory Otrepyev and Boris Godunov) is based on the fact that one of the imitators, assuming the "alien role" of the groom or the tsar, respectively, exposes another, more successful imitator of the same role and status roles. The initial ambivalence of each of the participants in the confrontation in a situation of a "crisis of differences" at the level of plot decisions models a system of double figurative correspondences (Onegin – Grigory Otrepyev, Lensky – Boris Godunov; Onegin – Boris Godunov, Lensky – Grigory Otrepyev), defining the plot combinatorics of individual scenarios of the invariant scheme of the "impostor contest". The similarity of the plot solutions implemented by the author indicates that they are due not so much to the event logic of plot construction as to the contextual patterns of Pushkin's own works.

Key words: imposture, role, status, plot, groom, tsar, Pushkin.

For citation: Kalashnikov, S. B. (2023) Rolevoe samozvanstvo i problema syuzhetoslozheniya v «Evgenii Onegine» A. S. Pushkina [Role-playing Imposture and the Problem of Plot Composition in "Eugene Onegin" by A. S. Pushkin]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 10–30. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2023_3_10. EDN: JICHPR

References

1. Artamonova, I. V. (2016) Samozvanstvo kak variaciya napoleonovskogo kompleksa v drame A. S. Pushkina «Boris Godunov» [Imposture as a variation of the Napoleonic complex in A. S. Pushkin's drama "Boris Godunov"]. *Filologicheskaya nauka na sovremennom etape: problemy i perspektivy* [Philological science at the present stage: problems and prospects]. Penza: Penzenskij gosudarstvennyj tekhnologicheskij universitet. Pp. 5–8. (In Russian).
2. Bocharov, S. G. (1999) *Syuzhety russkoj literatury* [Plots of Russian literature]. Moscow: YAzyki russkoj kul'tury Publ. (In Russian).
3. Genon, R. (2015) *Duhovnoe vladychestvo i mirskaya vlast'* [Spiritual Dominion and Worldly Dominion]. Moscow: Belovod'e Publ. (In Russian).
4. D'yakov, I. M. (1982) Ob istorii zamysla «Evgeniya Onegina» [On the history of the concept of "Eugene Onegin"]. *Pushkin: Issledovaniya i materialy*. AN SSSR. In-t rus. lit. (Pushkin. Dom) [Pushkin: Research and materials. USSR Academy of Sciences. In-t rus. lit. (Pushkin. House)]. Leningrad: Nauka Publ. Vol. 10. Pp. 70–105. (In Russian).
5. Zhirar, R. (2000) *Nasilie i svyashchennoe* [Violence and the Sacred]. Moscow: New Literature Observer. (In Russian).
6. Zolyan, S. T. (2021) Samozvanstvo kak problema referencii: semiotika imeni v «Borise Godunove» [Imposture as a problem of reference: the semiotics of the name in "Boris Godunov"]. *Slovo.ru: baltijskij akcent – Word.ru: baltic accent*. Vol. 12. No. 2. Pp. 53–77. DOI: 10.5922/2225-5346-2021-2-4. (In Russian).
7. Il'enko, S. G. (2005) Samozvanstvo i sluchaj kak sodержatel'no-integriruyushchie dominanty hudozhestvenno-stilevoj osnovy «Povestey pokojnogo Ivana Petrovicha Belkina» [Imposture and chance as content-integrating dominants of the artistic and stylistic basis of the "Tales of the late Ivan Petrovich Belkin"]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena – Bulletin of the Russian State Herzen University*. Vol. 5. No. 11. Pp. 100–113. (In Russian).
8. Kalashnikov, S. B. (2012) Metasyuzhet «Poet vs Gosudar'» v «Borise Godunove» A. S. Pushkina [Meta-plot "Poet vs Sovereign" in "Boris Godunov" by A. S. Pushkin]. *Izvestiya Volgogradskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta – Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University*. No. 2 (66). Pp. 126–129. (In Russian).
9. Kalashnikov, S. B. (2017) Model' tozhdestva dveh samozvancev: Napoleon i Aleksandr I v tvorchestve A. S. Pushkina [The model of the identity of two impostors: Napoleon and Alexander I in the work of A. S. Pushkin]. *Pushkinskie chteniya-2017. Hudozhestvennyye strategii klassicheskoy i novoj slovesnosti: zhanr, avtor, tekst: materialy XXII mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Pushkin Readings-2017. Artistic strategies of classical and new literature: genre, author, text: Proceedings of the XXII International Scientific Conference]. St. Petersburg. Pp. 9–23. (In Russian).
10. Korolenko, V. G. (1914) *S ovremennaya samozvanshchina* [Modern impostorism] V. G. Korolenko. *Poln. sobr. soch.: v 10 t. T. 3* [V. G. Korolenko. Full coll.: in 10 volumes. Vol. 3]. St. Petersburg: Izdanie Tov-va A. F. Marks. (In Russian).
11. Lotman, YU. M. (2003) *Pushkin* [Pushkin]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB Publ. (In Russian).
12. Proskurin, O. A. (1999) *Poeziya Pushkina, ili Podvizhnyj palimpsest* [Pushkin's Poetry, or Movable Palimpsest]. Moscow: New Literature Observer. (In Russian).
13. Pushkin A. S. (1950) *Polnoe sobranie sochinenij v desyati tomah. Tom 5. Evgenij Onegin. Dramaticheskie proizvedeniya* [Complete works in ten volumes. Vol. 5. Eugene Onegin. Dramatic works]. Moscow-Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR. (In Russian).

14. Ryzhova, E. A. (2009) Fenomen samozvanstva. Genezis i istoki. Istoriya izucheniya [Phenomenon of imposture. Genesis and origins. History of study]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities*. No. 10 (78). Pp. 205–208. (In Russian).

15. Smirnov, I. P. (2001) Samozvanstvo, ili Rolevaya revolyuciya [Imposture, or Role Revolution] *Zhurnal interpretacionnogo iskusstva – Journal of Interpretation Art*. No. 13. Pp. 33–58. (In Russian).

16. Tul'chinskij, G. L. (2018) *Fenomenologiya zla i metafizika svobody* [The Phenomenology of Evil and the Metaphysics of Freedom]. St. Petersburg: Aletejya Publ. (In Russian).

17. Turbin, V. N. (1994) Haraktery samozancev v tvorchestve Pushkina [Characters of impostors in the works of Pushkin]. *Nezadolgo do Vodoleya* [Shortly before Aquarius]. Moscow: Radiks Publ. Pp. 63–81. (In Russian).

18. Uspenskij, B. A. (1996) Car' i samozanec: samozvanchestvo v Rossii kak kul'turno-istoricheskij fenomen [Tsar and impostor: imposture in Russia as a cultural and historical phenomenon] *Izbrannye trudy*. [Selected works]. Moscow: SHkola «Yazyki russoj kul'tury» Publ. Pp. 142–183. (In Russian).

19. Fomichev, S. A. (1983) Rabochaya tetrad' Pushkina PD No. 835: (Iz tekstologicheskikh nablyudenij) [Pushkin's Workbook PD No. 835: (From textual observations)] *Pushkin: Issledovaniya i materialy; AN SSSR. In-t rus. lit. (Pushkin. Dom)* [Pushkin: Research and Materials; USSR Academy of Sciences. In-t rus. lit. (Pushkin. House)]. Leningrad: Nauka Publ. Vol. 11. Pp. 27–65. (In Russian).

20. Frejdenberg, O. M. (1997) *Poetika syuzheta i zhanra* [Poetics of plot and genre]. Moscow: Labirint Publ. (In Russian).

21. SHtepa, O. V. (2015) Venchal'nyj obryad v carskoj svad'be v Rossii XVII v. [Wedding ceremony in the royal wedding in Russia in the 17th century] *Materialy i issledovaniya. Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe uchrezhdenie kul'tury «gosudarstvennyj istoriko-kul'turnyj muzej-zapovednik "Moskovskij Kreml'"»* [Materials and research. Federal State Budgetary Institution of Culture «State Historical and Cultural Museum-Reserve "Moscow Kremlin"»]. Moscow. Issue 23. Pp. 66–82. (In Russian).

дата получения: 02.06.2023 г.
дата принятия: 15.06.2023 г.
дата публикации: 30.09.2023 г.

date of receiving: 02 June 2023
date of acceptance: 15 June 2023
date of publication: 30 September 2023

Е. А. Ерохина

Роль финала в контексте философско-этической проблематики повестей И. С. Тургенева

В статье анализируются финалы (чаще всего это эпилоги) некоторых повестей И. С. Тургенева 1840–1870-х годов в контексте философско-этической проблематики, которая была в центре внимания на протяжении всего творческого пути писателя. Финалы показывают своеобразный итог жизненных исканий героев. Зачастую этим итогом становится взгляд в прошлое из настоящего времени и переоценка событий, произошедших некогда с героями, и, как следствие, переоценка ценностей. Важное место отводится трем категориям: природа – вера – общество. Сквозь эту парадигму рассматриваются варианты бытования тургеневских героев. Исследования системы персонажей малой прозы писателя позволяют выделить два типа героев: гармоничную природную личность и болезненно-рефлектирующего героя. В повестях данного периода чаще представлен именно второй тип. Важным оказывается мировидение персонажа, его способы проживать жизнь. Тургенев показывает несколько возможных вариантов бытия человека: природный, религиозный и социальный. Все три пути находят отражение в описании заключительного периода жизни того или иного героя как некоего итога его внешнего (физического) и внутреннего (морального) существования и жизненных исканий. В статье предпринимается попытка проанализировать эти пути на конкретных примерах.

Ключевые слова: эпилог, функция, финал, философская этика, проблематика, повесть, И. С. Тургенев.

Для цитирования: Ерохина Е. А. Роль финала в контексте философско-этической проблематики повестей И. С. Тургенева // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 3. – С. 31–43. DOI: 10.35231/25419803_2023_3_31. EDN: JRCJXA

В мировой литературе И. С. Тургенев заслуженно занимает почетное место писателя, в художественной картине мира которого особое значение имеет философская составляющая, онтологический контекст. До сих пор парадоксальным кажется тот факт, что личность и творчество Тургенева так мало изучены историками философии. На это указывает то, что в справочниках по философии

мы крайне редко встретим фамилию Тургенева, в то время как некоторых писателей менее значительных – практически всегда. А ведь именно Тургенев получил классическое философское образование в Германии [10–11].

Многие исследователи, начиная с современников писателя, отмечали необычайное внимание Тургенева к вопросам устройства мира и к месту человека в этом мире. В настоящее время интерес к этой теме не угасает. И даже наоборот. В последнее время наблюдается тенденция рассматривать проблемы творчества Тургенева именно с философской точки зрения. Из современных работ особо хочется отметить исследования Г. А. Тиме [10–11], монографию В. М. Головки [4], в которой исследователь с уверенностью заявляет и блестяще доказывает, что «великий писатель-классик в пространстве культуры последующих эпох оставался и сегодня остается столь же актуальным, как и в то время, когда протекала его литературная деятельность» [4, с. 12]. Также большой интерес к философскому аспекту творчества писателя проявлен в коллективном труде 2021 года «Тургенев: на перекрестке эпох и культур» [12].

И даже сейчас, несмотря на многомерность и разноплановость интерпретаций взглядов и художественных принципов творчества Тургенева, некоторые исследователи, по словам В. М. Головки, эстетику Тургенева «готовы свести к “социальному реализму”, а “социальности” присвоить статус “сверхистины”, упрощая представление о художественной философии и человековедении писателя» [4, с. 7]. Мы же, вслед за М. М. Бахтиным, Б. Т. Удодовым, В. М. Головки и другими будем исходить из принципа внутренней диалогичности классической литературы, частью которой без каких-либо сомнений является творчество И. С. Тургенева, в том числе и его замечательная малая проза – повести и рассказы.

Материалы и методы

Конечно, философский аспект в произведениях И. С. Тургенева – объемная тема для исследователей творчества писателя, требующая глубоких специальных знаний. В рамках этого исследования обратим внимание на некоторые, возможно, и незначительные с научной точки зрения, и тем не менее

кажущиеся чрезвычайно интересными индивидуальные особенности стиля и поэтики Тургенева. Речь идет о способах организации финалов повестей писателя и особенно о роли этих финалов в контексте философско-этической проблематики.

Материалом исследования являются повести И. С. Тургенева 1840–70-х гг., в составе которых есть эпилог. В большинстве этих повестей эпилог идет вкуче с другим структурно-семантическим элементом – прологом. Вместе они составляют своеобразную композиционную (и не только) раму произведения, обрамляют текст основной части, дополняя и углубляя смыслы, идеи и образы повестей. Отметим, что проведенные нами ранее исследования показали, что более половины повестей И. С. Тургенева имеют в своей структуре пролог и/или эпилог. Это свидетельствует о системности и закономерности включения данных компонентов в произведения писателя на всех этапах его художественной деятельности.

Результаты

Под философской этикой обычно понимается «поведение человека в той мере, в какой оно зависит от него самого и поддается интеллектуально ответственному контролю, исследует и конструирует его совершенные формы. Если в своей гносеологической части философия имеет дело со сферой необходимости и отвечает на вопрос о том, что представляет собой мир сам по себе в его собственных основах, то в своей этической части она имеет дело с областью свободы и говорит о том, что должен делать человек, чтобы его жизнь сложилась наилучшим образом (курсив здесь и далее наш. – Е. Е.). Более того, она является родом познания именно в качестве образа жизни. Она сама есть моральная практика» [20, с. 11]. Таким образом, философская этика ставит перед человеком задачи как личного порядка, так и общественного, политического, даже исторического. Вопрос в том, как эти задачи будут соотноситься в человеческом сознании и выражаться в его поступках: что первостепенно? какие пути приведут к этому «наилучшим образом»?

Опираясь на некоторые ведущие принципы художественно-философской антропологии, нашедшие свое отражение в твор-

честве Тургенева, постараемся изучить «способы бытования философских смыслов» [4, с. 10] в повестях писателя, уделяя особое внимание их финалам. Взгляд наш будет направлен традиционно на три категории: *природа – вера – общество*.

Взгляды Тургенева в ипостасях «природа – вера – общество», как считает Г. А. Тиме, связаны с вопросом о человеческой индивидуальности и её «неистребимости». Пути её преодоления, по мнению исследовательницы, следующие: «1) природный (признать себя частью природы, точнее, обычным представителем рода); 2) религиозный (истребить своё Я молитвой, аскезой, ибо быть похожим на всех и каждого – значит, походить на Христа); 3) социальный (растворить своё Я в общественном сознании: стать “безымянным” или “серым”）」 [11, с. 164].

На протяжении всего творчества Тургенева тема *природы* играет, без сомнений, ведущую роль. Природа выступает «как символ гармонии и цельности, которым противостоит и к которым стремится рефлектирующий индивидуум» [11, с. 75]. Г. А. Тиме выделяет два типа тургеневских героев: «цельная природная натура (гармония как данность)» (по терминологии Шиллера, идеями которого в свое время был увлечен Тургенев, – «наивный» герой) и «герой с болезненно-разорванным сознанием, рефлектирующий (гармония как возможная цель)» [11, с. 75]. Исследователь М. Гершензон рассуждает по этому поводу: «Понять философию Тургенева <...> нельзя иначе, как сведя её всю к одному вопросу и ответу на этот вопрос: должен ли человек быть «природою» или личностью?» [3, с. 111].

«Наивный» тип человеческого бытия характерен в основном для ранних повестей Тургенева 1840–1850-х годов. Обычно такой герой без каких-либо альтернатив обречен на примитивное существование в реальной жизни. И даже Петушков из одноименной повести, внутренний мир которого предельно ограничен, не имеет выбора – «либо идеализм и одиночество, либо реальность и пошлость» [11, с. 89]. Герой не в состоянии вынести мук разлуки с Василисой и поэтому в эпилоге повести мы видим «человека худенького, с красненьким носиком, одетого в старый зеленый сюртучок с плюсовым засаленным воротником» [15, с. 165]. Петушков

оказывается приживалой в доме возлюбленной, «занимая небольшой чуланчик в булочной» [15, с. 165]. Наивность, безволие, слабость граничат с мелкой пошлостью, впрочем, герой вызывает у читателя, скорее, жалость, чем отвращение. Примечательно, что убежать от своей реальности Петушков пытается все теми же низменными способами: «За человеком в зеленом сюртучке водилась одна слабость: любил выпить, впрочем вел себя смирно» [15, с. 165].

Следует также обратить внимание на то, что «наивные» герои часто сравниваются Тургеневым с детьми. Так, в первых же строках повести читаем про Петушкова: «Вся жизнь Петушкова прошла чрезвычайно однообразно; под сорок лет он был еще молод и неопытен, как ребенок» [15, с. 124]. Смотрим дальше: «Ивана Афанасьевича разобрала сильная досада. В недоуменье отошел он на другую сторону улицы и предался весь, как дитя, своему неудовольствию» [15, с. 125]. На следующий день поход в булочную заканчивается следующим образом: «Иван Афанасьич постоял некоторое время под окошком, прошел по улице раза два, заглянул на двор и, наконец, устыдясь своего ребячества, вернулся домой с булкой в руке» [15, с. 126]. Одна из размолвок Петушкова и Василисы заканчивается фразой: «Засмеялась, душа, засмеялась! – закричал Петушков и запрыгал на месте, как ребенок...» [15, с. 142]. При встрече с Василисой на улице герой идет «семеня ножками» (См. об этом: [5]). Так обычно говорят о маленьких детях, которые учатся ходить. Подобное сравнение вполне объяснимо. Ребенок не берет ответственность за свою жизнь и за события, которые с ним происходят, за ребенка обычно решают взрослые. Опять же возникает противоречие: Петушков, выбирая реальность, в действительности не принимает никакие решения. Эта мысль подтверждается и другими примерами из текста. Так, Тургенев пишет, что люди, подобные Петушкову, осуждены «судьбою на жизнь одинокую и невеселую» [15, с. 124].

Мотив уничтожения, одичания человека проходит через весь текст, но в финале доведен до предела. Конечно, даже при «знакомстве» с Петушковым читатель вряд ли может отнести героя к «хозяевам жизни»: «взгляд робкий», жил «однообразно», «знакомых дичился», был «весьма кротким».

Даже слуга Онисим позволяет высказываться о хозяине в его же присутствии резко и фамильярно: «Какой вы господин? Вы, сударь, просто мокрая курица, Иван Афанасьич, помилуйте» [15, с. 128]. Однако в эпилоге повести Петушков доведен до предела во всех отношениях: социальном (общественном), моральном, даже физическом. В описании героя и его образа жизни автор использует исключительно слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами: «худенький», «с красненьким носиком», одетый в «сюртучок», занимал «небольшой чуланчик». Создается ощущение, что герой стремится уменьшиться, раствориться, исчезнуть. К слову, героев, стремящихся «самоуничтожиться», мы встречаем и во многих других повестях писателя. Так, герой повести «Дневник лишнего человека» (1849) Чулкатурин прямо заявляет перед смертью: «Уничтожаясь, я перестану быть лишним» [14, с. 215]. По словам Г. А. Тиме, «неизменным в тургеневской концепции остаётся одно: желание освободиться от страдающего рефлектирующего Я – либо путём признания безусловной ценности бесконечного (умерщвление плоти), либо же, наоборот, отказа от метафизической (бесконечной) сущности человека, утверждения его лишь как земного, конечного явления» [10, с. 37]. Это может быть, подобно Петушкову, незавидное существование «опустившихся» людей. Например, про жену главного героя Акима из «Постоялого двора» Тургенев пишет в эпилоге: «Авдотья живет по-прежнему на женской половине у Лизаветы Прохоровны, но опустилась еще несколькими ступенями ниже, одевается очень бедно, почти грязно, и от столичных замашек модной горничной, от привычек зажиточной дворничихи не осталось уже в ней и следа... Ее никто не замечает, и она сама рада, что ее не замечают» [16, с. 320].

Но не всегда понятие земного счастья соотносится у Тургенева с «уничтожением личности» и характеризуется как «пошлость». Для писателя имело место быть определение счастья как стремления к природной гармонии (Шиллер, Гете). Так, брак Верочки и Крупицына в эпилоге повести «Два приятеля» оказывается счастливым: «Петр Васильевич, его жена, все его домашние проводят время очень однообразно – мирно и тихо; они наслаждаются счастьем, ... потому что на земле другого

счастья нет» [13, с. 379]. Из последнего рассуждения автора (а оно принадлежит именно ему) становится ясно, что счастье заключается в спокойной семейной жизни, пусть она и выглядит иногда недостаточно яркой. Значение слова «однообразно» в данном случае равнозначно словам «мирно» и «тихо» и не включает в себе негативных коннотаций.

Философские воззрения Тургенева на протяжении всей его жизни и всего творчества неизбежно соприкасались с вопросами религии. И дело здесь было не только в образовании писателя, в его увлечении Гегелем, Шеллингом, Фейербахом и др. (хотя и это, несомненно, тоже), но в самой российской действительности 1840–1860-х годов и в развитии философской мысли. Речь, конечно же, идет о славянофилах и западниках.

В известном смысле Тургенев был западником, и в то же время «естественным образом впитал в себя особенности развития оригинальной русской мысли» [11, с. 67] и «исконных русских понятий, коренящихся, как правило, всё-таки в православном христианском сознании» [11, с. 67].

Популярное в то время утверждение Гегеля: «Когда говорят: Бог есть всё это, например, эта бумага и т. п., то это и есть пантеизм ...» [2; с. 278–279], – было далеким от тургеневского понимания веры. Для писателя чуждо видение любой вещи или явления действительности как части мировой идеи (Бога во всем). Как писал А. Б. Муратов в статье «О философских взглядах И. С. Тургенева», «в центре размышлений писателя все время оказывается индивидуальное сознание, которое тщится решить вопросы о высших причинах и значении жизни и, конечно же, не находит ответа, а поэтому сосредоточивается на ее конкретных бытовых проявлениях» [9; с. 76–77].

Религиозный путь преодоления своего личностного Я выбирает главный герой повести «Постоялый двор» Аким. Потеряв дом, жену, все сбережения и чуть не оказавшись под судом за попытку поджога, Аким отправляется странствовать по святым местам: «...везде, куда только стекаются богомольные русские люди, можно было увидеть его исхудавшее и постаревшее, но всё еще благообразное и стройное лицо: и у раки св. Сергия, и у Белых берегов, и в Оптиной пустыне, и в отдаленном Валааме; везде бывал он...» [16; с. 318–319].

Образ Акима в эпилоге приобретает в какой-то степени обобщенно-символическое значение и является олицетворением многоликой толпы набожных странников. Обобщающий смысл этого образа усиливается формой «вы»-повествования, т. е. обращением автора к читателю как участнику событий, встречающему ежедневно десятки, сотни других Акимов. Как пишет исследовательница И. А. Беляева, анализируя структуру финалов романов И. С. Тургенева, в дальнейшем мотив «бесприютного скитальчества», окажется «сложным символическим аккордом» тургеневского текста и обнаружит «разные горизонты понимания и интерпретации читателем всего текста», обнажая «неразрешимую широту» [1, с. 27].

Примерами третьего пути преодоления индивидуальности – социального – могут служить герои поздней повести Тургенева «Пунин и Бабурин» (1874). Эта повесть отличается от произведений Тургенева конца 1860 – начала 1870-х годов выбором нового типа главного героя – «“полезного” общественного деятеля» [19, с. 435], разночинца «на европейский манер» [8, с. 408].

Многочисленные отзывы, появившиеся после публикации повести, были весьма противоречивыми. Исследовательница М. А. Турьян в статье «“Пунин и Бабурин” в ряду поздних произведений Тургенева» обосновывает отрицательную оценку героя «в высшей степени странным» и идущим «вразрез с внутренней логикой образа» [18, с. 152] финалом повести, где герой, протестующий против крепостного права и произвола помещиков, в конце жизни с восторгом принимает реформу 1861 года и произносит здравницу в честь царя-освободителя.

По мнению же В. М. Головки, в финальной, четвертой, главе повести Бабурин воспринимает манифест 19 февраля как первый шаг к социальному преобразованию в стране, «в котором уже можно усматривать начало сближения естественного и “установленного” законов» [4, с. 98]: «Нет на Руси более рабов!» [7, с. 59]. Таким образом, финальная глава раскрывает последний этап идейной эволюции персонажа: попытку создания концепции социальной справедливости, а также его стремление к философско-этическому обоснованию своей активной гражданской позиции.

Темы и типы героев в повести «Пунин и Бабурин» новы, а вот принципы организации текста остаются прежними.

В повести есть пролог и эпилог. Именно здесь, в финале повести, еще ярке прослеживается идея «социальной собранности». «Хоровое начало» «безымянной Руси» [11, с. 153], бескорыстное служение идее народного освобождения – вот к чему приходит (а может быть, возвращается) Тургенев в поздний период своего творчества. Г. А. Тиме видит в этом стремление миновать «индивидуализм свободного западного сознания» [11, с. 156]. По сути, многие герои «нового типа» у Тургенева – в данном случае Муза Павловна – несчастливы в любви. Понятия «личного» и «общественного» в этих людях расходятся, и второе чаще всего вытесняет первое. Даже сама потребность в личном счастье проявляется через общественное, политическое. В результате в эпилоге повести мы видим, что яркая, насыщенная жизнь утратила для Музы Павловны свое значение, осталось только «дело». По воспоминаниям современников, Тургенев говорил: «Ах, с каким удовольствием я изобразил бы “безымянного человека”, это полное отречение от себя и от всего, чем люди дорожат и во все века дорожили. Правда, только русский человек может выдумать и быть способным на такую штуку» [6, с. 240]. Г. А. Тиме приходит к выводу, что «здесь нельзя не заметить аналогии со стремлением слиться с сознанием природным, с самой Природой, роль которых в данном случае как будто выполняет идея общественная, само общество, устремлённое к нравственному идеалу» [11; с. 153–154].

В повести «Пунин и Бабурин» Тургенев остается верен и другому приему организации структуры текста – форме «рассказ в рассказе». И здесь далеко не последнюю роль играет образ самого рассказчика – Петра Петровича Б. В его образе также находят отражение не только одна из возможных политических позиций того времени, но и мысли самого автора. В целом очевидно, что активная общественная позиция близка позднему Тургеневу.

Обсуждение и выводы

Несомненным остается тот факт, что в повестях Тургенева, как и в любой другой части его творчества, нашли отражение философские искания писателя. Используя в большинстве текстов своей малой прозы определенные

повторяющиеся элементы и приемы поэтики (наличие пролога/эпилога, ретроспективный характер изложения, форму «рассказ в рассказе» и др.), художник достиг художественного совершенства в этом жанре. Особое значение Тургенев отводит финалам своих произведений, показывая своеобразный итог жизненных исканий своих героев. Зачастую этим итогом становится взгляд в прошлое из настоящего времени и переоценка событий, произошедших некогда с героями, и, как следствие, переоценка ценностей.

Мотивы, неразрывно связанные с философско-этическими воззрениями самого Тургенева, нашли отражение в частных историях, описанных в повестях. Это темы счастья и его хрупкости, трагической и порабошающей силы любви, скоротечности и беспечности молодости и т. д. При всем этом Тургенев, как выразилась Г. М. Ребель, «не приемлет философствование внутри художества как таковое, более того, он вообще не верит в способность какой бы то ни было умозрительной системы удовлетворительно ответить на насущные вопросы бытия и тем более стать однозначным жизненным ориентиром»¹. Именно поэтому мы не найдем у писателя нарочито поучающих текстов, навязывания позиции по тому или иному вопросу, особенно, если это вопросы бытия, так как они по природе своей неразрешимы. Тургенев лишь подталкивает читателя к размышлениям о сущности вещей.

Конечно, возможности жанра повести были весьма ограниченными для личности такого масштаба, как Тургенев. Часто искания писателя «оставались в рамках частных и почти отвлеченных категорий, несмотря на реальное содержание изображаемого» [10, с. 53]. Более конкретную основу сложное философское мировоззрение Тургенева получило в его романах, где стремление выйти в «сферу всеобщего» [7, с. 53] происходило уже совершенно на другом уровне.

¹ Ребель Г. М. «Бьющаяся в плену мысль – печальное зрелище!»: Философия в оценках и в творчестве И. С. Тургенева // Филолог. Пермь: Пермский государственный педагогический университет. 2010. Вып. 10. Электронный ресурс. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_10_195 (дата обращения 05.05.2023).

Список литературы

1. Беляева И. А. «Помни мои последние три слова»: к вопросу о структуре финалов в романах Тургенева // Филологический класс. – 2018. – № 3 (53). – С. 25–32. EDN: YMRALJ
2. Гегель Г. В. Ф. Философия религии: В 2-х т. – М.: Мысль, 1975. – Т. 1. – 531 с. EDN: SIOLQH
3. Гершензон М. О. Мечта и мысль Тургенева. – М.: Книгоиздательство писателей, 1919. – 169 с.
4. Головкин В. М. И. С. Тургенев: искусство художественного философствования. – М.: Флинта, 2018. – 344 с. EDN: OUQOYZ
5. Дубовиков А. Н., Дунаева Е. Н. Комментарии: И. С. Тургенев. Петушков // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. – М.: Наука, 1980. – Т. 4. – С. 582.
6. И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников. Ред и введ. Н. К. Пиксанова. – М.; Л.: Academia, 1930. – 338 с.
7. Курляндская Г. Б. Структура повести и романа И. С. Тургенева 1850-х годов. – Тула: Приокское книжное издательство, 1977. – 269 с.
8. Михайловский Н. К. Литературные и журнальные заметки // Отечественные записки. – 1874. – Т. 36, № 4. – С. 408.
9. Муратов А. Б. О философских взглядах И. С. Тургенева // *Zeszyty naukowe. Nauki humanistyczne*, S. A., Z. - III. – Siedlce, 1977. – S. 74–92.
10. Тиме Г. А. Немецкая литературно-философская мысль XVIII–XIX веков в контексте творчества И. С. Тургенева (генетические и типологические аспекты). – München: Sagner, 1997. – 140 с.
11. Тиме Г. А. Россия и Германия: философский дискурс в русской литературе XIX–XX веков. – СПб.: Нестор-История, 2011. – 455 с. EDN: RUHIGV
12. Тургенев: на перекрестке эпох и культур / Одесская М. М., Фурманн К., Куденис В. и др.; отв. ред. М. М. Одесская и др. – М.: РГГУ, 2021. – 441 с. EDN: ASGJKZ
13. Тургенев И. С. Два приятеля // Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. – М.: Наука, 1980. – Т. 4. – С. 321–379.
14. Тургенев И. С. Дневник лишнего человека // Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. – М.: Наука, 1980. – Т. 4. – С. 166–216.
15. Тургенев И. С. Петушков // Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. – М.: Наука, 1980. – Т. 4. – С. 124–165.
16. Тургенев И. С. Постоялый двор // Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. – М.: Наука, 1980. – Т. 4. – С. 273–320.
17. Тургенев И. С. Пунин и Бабурин // Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. – М.: Наука, 1982. – Т. 9. – С. 7–59.
18. Турьян М. А. «Пунин и Бабурин» в ряду поздних произведений Тургенева // Русская литература. – 1965. – № 4. – С. 148–155.
19. Турьян М. А. Комментарии: И. С. Тургенев. Пунин и Бабурин // И. С. Тургенев. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. – М.: Наука, 1982. – Т. 9. – С. 430–446.
20. Философская этика и ее перспективы в современном мире (Круглый стол к 10-летию ежегодника «Этическая мысль»: А. А. Гусейнов, А. В. Разин, А. И. Бродский, В. О. Лобовиков, Р. Г. Апресян, М. Л. Гельфонд) // Этическая мысль. – М.: Институт философии РАН. – 2012. – Вып. 12. – 71 с. EDN: PUZTGI

Ekaterina A. Erokhina

The Role of the Finale in the Context of the Philosophical and Ethical Problems of the Novels by I. S. Turgenev

The article analyzes the finales (most often epilogues) some novels of I. S. Turgenev of the 1840-1870s in the context of philosophical and ethical problems, which were in the center of attention throughout the writer's creative path. Three categories are in the center: nature – faith – society. It is through this paradigm that the variants of the existence of Turgenev's heroes can be considered. The research of the character system of the writer's small prose allows us to distinguish two types of heroes: a harmonious natural personality and a painfully reflective hero. In the novels of this period it is the second type that is more often represented. Worldview of character and his ways of living life are important here. Turgenev shows several possible ways of being a human being: natural, religious and social. All three ways are reflected in the description of the final period of the hero's life as a certain outcome of his external (physical) and internal (moral) existence, the result of his life quest. The article attempts to analyze these paths using specific examples.

Key words: epilogue, function, finale, philosophical ethics, problems, novel, Turgenev.

For citation: Erokhina, E. A. (2023) Rol' finala v kontekste filozofsko-eticheskoj problematiki povestej I. S. Turgenjeva [The Role of the Finale in the Context of the Philosophical and Ethical Problems of the Novels of I. S. Turgenev]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 31-43. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2023_3_31. EDN: JRCJXA

References

1. Belyaeva, I. A. (2018) «Pomni moi poslednie tri slova»: k voprosu o strukture finalov v romanah Turgenjeva [«Remember my last three words»: on the issue of the structure of finals in Turgenev's novels]. *Filologicheskij klass – Philological class*. No. 3 (53). Pp. 25–32. EDN: YMRALJ (In Russian).
2. Gegel, G. V. F. (1975) *Filosofiya religii*. V 2-h t. [Philosophy of religion]. Vol. 1. Moscow: Thought Publ. EDN: SIOLQH (In Russian).
3. Gershenzon, M. O. (1919) *Mechta i mysl Turgenjeva* [Turgenev's dream and thought]. Moscow: Knigoizdatel'stvo pisatelej Publ. (In Russian).
4. Golovko, V. M. (2018) *I. S. Turgenjev: iskusstvo hudozhestvennogo filozofstvovaniya* [I. S. Turgenev: the art of artistic philosophizing]. Moscow: Flinta Publ. EDN: OUQOYZ (In Russian).
5. Dubovikov, A. N., Dunaeva, E. N. (1980) *Kommentarii: I. S. Turgenjev. Petushkov* [Comments: I. S. Turgenev. Petushkov]. *Turgenjev I. S. Polnoe sobranie sochinenii: V 30 t.* [Complete works in 30 volumes]. Moscow: Nauka Publ. Vol. 4. P. 582. (In Russian).
6. Piksanov, N. K. (1930) (ed.) *I. S. Turgenjev v vospominaniyah revolyucionerov semidesyatinikov* [I. S. Turgenev in the memoirs of the revolutionaries of the seventies]. ed. N. K. Piksanova. Moscow, Leningrad: Academia Publ. (In Russian).
7. Kurlyandskaya, G. B. (1977) *Struktura povesti i romana i s turgenjeva 1850-h godov* [The structure of the story and novel by I. S. Turgenev in the 1850s.]. Tula: Priokskoye Book Publishing House. (In Russian).
8. Mihajlovskij, N. K. (1874) *Literaturnye i zhurnalnye zametki* [Literary and journal notes]. *Otechestvennye zapiski – Domestic notes*. Vol. 36. No. 4. P. 408. (In Russian).
9. Muratov, A. B. (1977) *O filozofskih vzglyadah I. S. Turgenjeva* [On the philosophical views of I. S. Turgenev]. *Zeszyty naukowe. Nauki humanistyczne*, S. A., Z. III. Siedlce, Pp. 74–92. (In Russian).

10. Time, A. G. (1997) *Nemeckaya literaturno-filosofskaya mysl XVIII–XIX vekov v kontekste tvorchestva I. S. Turgeneva (geneticheskie i tipologicheskie aspekty)* [German literary and philosophical thought of the XVIII–XIX centuries in the context of the work of I. S. Turgenev (genetic and typological aspects)]. München: Sagner Publ. (In Russian).

11. Time, A. G. (2011) *Rossiya i germaniya: filosofskij diskurs v russkoj literature XIX–XX vekov* [Russia and Germany: philosophical discourse in Russian literature of the XIX–XX centuries]. St. Petersburg: Nestor-History Publ. EDN: RUHIGV (In Russian).

12. Odesskaya, M. M. (2021) (ed.) *Turgenev: na perekrestke ehpor i kultur* [Turgenev: at the crossroads of eras and cultures]. Odesskaya, M. M., Furmann K., Kudenis V. and etc. Moscow: RGGU Publ. EDN: ASGJKZ (In Russian).

13. Turgenev, I. S. (1980) Dva priyatelya [Two friends] *Polnoe sobranie sochinenii: V 30 t.* [Complete works in 30 volumes], Moscow: Nauka Publ. Vol. 4. Pp. 321–379. (In Russian).

14. Turgenev, I. S. (1980) Dnevnik lishnego cheloveka [Diary of a superfluous person] *Polnoe sobranie sochinenii: V 30 t.* [Complete works in 30 volumes]. Moscow: Nauka Publ. Vol. 4. Pp. 166–216. (In Russian).

15. Turgenev, I. S. (1980) Petushkov [Petushkov]. *Polnoe sobranie sochinenii: V 30 t.* [Complete works in 30 volumes]. Moscow: Nauka Publ. Vol. 4. Pp. 124–165. (In Russian).

16. Turgenev, I. S. (1980) Postoyalj dvor [Coaching inn]. *Polnoe sobranie sochinenii: V 30 t.* [Complete works in 30 volumes]. Moscow: Nauka Publ. Vol. 4. Pp. 273–320. (In Russian).

17. Turgenev, I. S. (1982) Punin and Baburin [Punin and Baburin]. *Polnoe sobranie sochinenii: V 30 t.* [Complete works in 30 volumes]. Moscow: Nauka Publ. Vol. 9. Pp. 7–59. (In Russian).

18. Turyan, M. A. (1965) "Punin i Baburin" v ryadu pozdnih proizvedenij Turgeneva ["Punin and Baburin" among the late works of Turgenev]. *Russkaja literatura – Russian literature*. No. 4. Pp. 148–155. (In Russian).

19. Turyan, M. A. (1982) Kommentarii: I. S. Turgenev. Punin and Baburin [Comments: I. S. Turgenev. Punin and Baburin]. *Turgenev I. S. Polnoe sobranie sochinenii: V 30 t.* [Complete works in 30 volumes]. Moscow: Nauka Publ. Vol. 9. Pp. 430–446. (In Russian).

20. *Filosofskaya ehтика i ee perspektivy v sovremennom mire* (2012) [Philosophical ethics and its prospects in the modern world] (Kruglyj stol k 10-letiju ezhegodnika "Ehticheskaya mysl": A. A. Gusejnov, A. V. Razin, A. I. Brodskij, V. O. Lobovikov, R. G. Apresyan, M. L. Gelfond) [Round table on the 10th anniversary of the yearbook "Ethical Thought": A. A. Huseynov, A. V. Razin, A. I. Brodsky, V. O. Lobovikov, R. G. Apresyan, M. L. Gelfond]. *Eticheskaya mysl' – Ethical thought*. Vol. 12. Moscow: Institute of Philosophy RAN. EDN: PUZTGT (In Russian).

дата получения: 25.06.2023 г.
дата принятия: 15.07.2023 г.
дата публикации: 30.09.2023 г.

date of receiving: 25 June 2023
date of acceptance: 15 July 2023
date of publication: 30 September 2023

Л. С. Старикова

Художественное воплощение принципов новой прозы В. Шаламова в цикле «Воскрешение лиственницы»

Цель статьи – сравнить обозначенные В. Т. Шаламовым принципы новой прозы с их непосредственным воплощением в цикле «Воскрешение лиственницы». Материалом послужили эссе «О прозе» (1965) и «О <новой> прозе» (б.г.) и цикл рассказов «Воскрешение лиственницы» (1965–1967). Применен компаративистский метод с включением герменевтического подхода для интерпретации художественных образов и мотивных структур. Обозначены и прокомментированы основные принципы новой прозы писателя: достоверность; деталь-символ, деталь-знак; изображение/исследование новых психологических закономерностей; сюжетная законченность, композиционная цельность; отказ от дидактизма; связь жизни и литературы (искусства, культуры); а также прием анти-катарсис, или пуант. Для демонстрации указанных принципов новой прозы проанализирован рассказ «Тишина». Сделан вывод, что все принципы новой прозы В. Т. Шаламова в той или иной мере реализовались на практике в цикле «Воскрешение лиственницы». Установлено, что своим методом писатель приближается в некотором смысле к мемуарной и документальной прозе. При этом его рассказы остаются художественными произведениями, выполненными в особом авторском стиле, совместившем эффект присутствия личного документа и его психологическое переживание через автобиографическое повествование.

Ключевые слова: принципы новой прозы, лагерная проза, творческий метод, психологизм, документальность, Варлам Шаламов, цикл «Воскрешение лиственницы».

Для цитирования: Старикова Л. С. Художественное воплощение принципов новой прозы В. Шаламова в цикле «Воскрешение лиственницы» // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 3. – С. 44–59. DOI: 10.35231/25419803_2023_3_44. EDN: JYLSHK

Соотнесение теории и ее реализации в художественном творчестве создателя – весьма интересный и не теряющий актуальности вектор литературоведческих исследований. И. Н. Сухих, рассуждая о теории и практике новой прозы В. Т. Шаламова, пишет, что текст и его автометаинтерпретация не обязательно должны соотноситься, их контрапункт требует исследовательского внимания [18].

Цикл «Воскрешение лиственницы» как объект исследования интересен своим замыслом, быстрым воплощением, а также метафоричностью названия: мотив воскрешения и образ лиственницы являются одними из центральных в цикле. В момент написания рассказов В. Т. Шаламов уже рефлексировал, осмыслял, интерпретировал как свой жизненный опыт, так и свое творчество. Эссе «О прозе» автор создает в 1965 г. – в год начала создания «Воскрешения лиственницы» (один рассказ из цикла – 1965 г., остальные 1966–1967 гг.), и можно предположить, что в данном цикле он максимально по времени придерживался выдвинутых им принципов.

Е. В. Волкова, анализируя цельность и вариативность циклов В. Т. Шаламова, отмечает, что цикл «Воскрешение лиственницы» отличается от предыдущих, содержит принципиально новое, прежние мотивы углубляются и варьируются, появляются образы русской истории за последние триста лет [4]. А именно, писатель стал не так категоричен и более свободен в оценках времени и реальных людей, например, Э. Берзина (рассказ «У стремени» рассмотрен В. В. Есиповым [10]), появился полемизм, возникают уподобления, не свойственные прежним новеллам, входит тема связи библейской тайны с современностью. Наряду с прежними мотивами, такими как взаимообратимость жизни и смерти, появляются мотивы воскрешения души, близости ко всему живому, мысли о близости конкретного и уходящего в вечность. Как свойство большого художника, «слушавшего не рационально-теоретические выкладки, а живую жизнь и ее тайны», Е. В. Волкова отмечает шаламовскую поразительную противоречивость, антиномичность, амбивалентность и поливалентность [4].

Цель данной статьи – сравнить обозначенные В. Т. Шаламовым принципы новой прозы с их непосредственным воплощением в цикле «Воскрешение лиственницы».

Материалы и методы

Материалом послужили эссе В. Т. Шаламова «О прозе» (1965) и «О <новой> прозе» (б. г.) и цикл рассказов «Воскрешение лиственницы» (1965–1967). В работе применен компаративистский метод с включением герменевтического подхода для интерпретации художественных образов и мотивных структур.

Результаты

Метод В. Т. Шаламова называли по-разному: документальный реализм, экзистенциальный документализм, документ собственной души [11]; новая стратегия письма, новая эстетика прозы, письмо, которое рождается в мире «пост» [2]; документ литературного новаторства [15]; литература факта [24]; философская проза [16]. Превалируют такие характеристики, как новаторство и документальность, последнюю сам писатель назвал главной в новой прозе, которая повлияла в дальнейшем на развитие «другой» прозы и постмодернизма.

Исследователи признают новаторский художественный метод В. Т. Шаламова, хотя при этом не раз фиксировали противоречия между теорией писателя и воплощением ее в художественных формах. Писатель создал литературу как документ, чтобы ярче отразить в ней «живую жизнь» (выражение В. Т. Шаламова). Его рассказы – не исторический документ архива, они являются художественной литературой, но все в них – достоверные факты того времени, поэтому мы видим мало дат или хронологии. Но это не важно, так как он отразил суть времени, его ауру, рассказал правду о человеке, как он жил и справлялся в той ситуации, в которую поставило его время лагерей. По выражению М. А. Золотоносова, чтобы сообщить о людях с вывернутым наизнанку, экстериоризованным подсознанием, писатель пытался создать новую эстетику, исключая всякие элементы вымысла и фантазии [12].

Исследователи уже обращались к анализу метода писателя, который, по мнению Е. Михайлик, произвел незамеченную революцию в литературе [14]. Как отмечают В. П. Римский и О. Н. Римская, «Шаламов прозрел будущий успех в начале нового столетия жанра нон-фикшн (без вымысла)» [16, с. 51]. Так, Н. В. Ганущак и М. В. Цветкова отмечают пять особенностей новой прозы: 1) искусство лишено права на проповедь; 2) текст должен создаваться по принципу «сразу набело»; 3) содержание и форма есть одно и то же; 4) чувство – определяющая категория новой прозы; 5) новая проза как рассказ, не отличимый от документа [5]. И. Н. Сухих упоминает сюжетность; краткость; новизну и точность подробностей; деталь-символ, деталь-знак, переводящие весь рассказ в иной план, дающие подтекст; новеллу как жанровую доминанту новой прозы [18].

Логичны рассуждения Д. В. Грицаенко о лагерной и новой прозе (Варлам Шаламов – «лагерная» или «новая» проза) [7]. Но, на наш взгляд, не стоит ставить «или», их соотношение уместилось в циклах рассказов В. Шаламова: лагерная тематика – это материал (как и отмечал писатель), а новая проза – тот метод, который он привнес в литературу, и он не обязательно должен быть только в лагерной прозе.

Обратимся к эссе В. Т. Шаламова «О прозе» [22] и последовательно отметим признаки новой прозы и их отражение в цикле «Воскрешение лиственницы».

1. Достоверность [22, с. 149]. Автор – не свидетель, а участник «живой жизни» [22, с. 144], «драмы жизни» [22, с. 151]. «Эффектом присутствия» он завоевывает доверие читателя, а правда («собственная кровь, собственная судьба» [22, с. 146]) – основа новой прозы, «преображенная действительность, преобразенный документ» [22, с. 153] и, соответственно, преодоление лагерного материала.

Это особое понимание достоверности как достоверности *пережитых ощущений* [6]. Переживания, личный опыт запредельных испытаний становятся документом чувств для читателей [11], что неразрывно связано с адекватным выбором художественного воплощения и сюжета жизненного материала. С. М. Соловьев отмечает: «Сам Шаламов не раз писал о документальности своей прозы, но понимал он ее не как скрупулезное описание фактов, а как основанную на реальных событиях демонстрацию чудовищного положения человека в нечеловеческой ситуации» [17, с. 141].

Данный принцип находит свое продолжение уже в интерпретации исследователей как соединение документальности и художественности, что соотносит его стиль с жанрами мемуаров и автобиографий. По выражению В. В. Есипова, это обусловило художественную неповторимость прозы В. Т. Шаламова, синтез non-fiction и fiction – документа и одновременно за-документа [9]. Продолжением воплощения предшествующих литературных традиций и стремления к их преодолению [1, с. 35] является взаимовлияние литературы и жизни, что отражается, по нашему мнению, в используемых автором метатекстовых приемах (в художественном хронотопе, тексте в тексте) и богатых интертекстуальных отсылках.

Помня о почти параллельности написания эссе «О прозе» и цикла «Воскрешение лиственницы», неслучайным считаем то, что весь цикл завершается главной формулой о живой жизни в новой прозе. Произведение тем самым становится данью не только памяти о погибших, но и данью самой жизни. А в последней фразе – «не как память о прошлом, но как живую жизнь» [20, с. 280] – звучит почти то же самое значение, заложенное В. Шаламовым в теории: «Новая проза – само событие, бой, а не его описание» [23, с. 157].

2. Деталь-символ, деталь-знак. Образы-символы пронизывают весь цикл «Воскрешение лиственницы», многие рассказы названы одним словом-знаком, соотносящимся с заглавием рассказа: тропа, лиственница, графит. За ними следует комплекс мотивов и значений. Тропа – дорога жизни и дорога творчества. Лиственница – образ воскрешения, чуда жизни и вечности, она тоже свидетельница событий и хранитель памяти. Графит – способ сохранить память и способ творить (записывать стихи), нетленный инструмент (изготовленный из лиственницы), призванный сохранить память обо всем живом: «Искусственный карандаш, химический карандаш не годится для записей о вечности, о бессмертии. Но графит... может записать все, что знал и видел... Большее чудо, чем алмаз, хотя химическая природа и графита, и алмаза – одна» [20; с. 107–108] (рассказ «Графит»).

Даже одна небольшая деталь подчинена большому замыслу писателя и вскрывает целый пласт значений: «Бирка на ноге – это признак культуры» [20, с. 110]. На бирке – имя человека (в противоположность этому ставится безымянность многих людей в лагере, как и самих героев, о чем упоминается и в эссе «О прозе»), это память о человеке (память – один из важнейших мотивов в цикле), это тайна смерти (на бирке написана ее причина). И прежде всего бирка – документ, свидетельство с номером, который написан графитом. Образ одновременно конкретный, личный (в восприятии) и общий, универсальный. Многие образы конкретны, как графит и лиственница, но при этом ведут за собой мотивную структуру цикла: мотивы памяти, чуда и воскрешения. Относительно этой цитаты можно вспомнить и особое свойство творчества В. Т. Шаламова – проверку культуры и человечности лагерем.

3. Изображение/исследование новых психологических закономерностей, нового в поведении человека, низведенного до уровня животного [22; с. 147–148]. Данный принцип – важнейший в предлагаемой писателем эстетике и реализуется в каждом рассказе. Поэтому есть рассказы, не вписанные в лагерную хронологию, где пространство – не лагерь. Ведь сама ситуация подразумевает весь мир, лагерь – образ мира, а лагерная тема – лишь материал.

Принцип психологизма отмечают и многие исследователи, анализируя экзистенциальные условия описания человека, его опыта и поведения на границе жизни/смерти, в частности, мы также видим это как философское осмысление человека в ситуации несвободы (экзистенциальная ситуация), событий постфактум, рефлексивность творчества, способ пережить их через творчество. К данному пункту стоит отнести и то особое эмоциональное воздействие на читателя, которое оказывает проза В. Т. Шаламова [24]. Это психологизм, направленный на читателя, тот отклик, который у него должна вызвать новая проза. Параллель с мотивами цикла «Воскрешение лиственницы» видится в цитате из эссе «О прозе»: «Важно воскресить чувство. Чувство должно вернуться, побеждая контроль времени, изменение оценок. Только при этом условии возможно воскресить жизнь» [22, с. 152]. В этом контексте интересно выглядит мысль И. Н. Сухих: «Постоянно обнаруживая событийность в этом мертвом мире, Шаламов-новеллист корректирует собственные воспоминания и сентенции. Живая жизнь пульсирует и в этом мертвом мире» [18]. Своей рефлексией и переосмыслением прошлого писатель тем самым воскрешает мертвый мир лагеря. Здесь можно вспомнить упоминавшийся ранее полемизм и отход от категоричности в цикле «Воскрешение лиственницы».

4. Сюжетная законченность, композиционная цельность [22, с. 149, 153]. Варлам Шаламов отмечал, что всё в его рассказах связано (даже повторы), любое слово – там, где оно необходимо. У исследователей это отмечается на уровне цикла как циклизация. Действительно, при анализе одного аспекта новой прозы или отдельного мотива из организации цикла за ним в тесной связи следуют другие символы, образы и мотивы.

В год начала работы над циклом В. Т. Шаламов пишет: «Воспоминания – вечны, их воскрешает память» [21]. Он актуализирует тему памяти: рассказы написаны для того, чтобы воспоминания, воскрешенные памятью, были прочтены и не забыты. Двумя первыми рассказами («Тропа» и «Графит») писатель не прямо, но отвечает читателю на вопрос – зачем пишет этот цикл: чтобы запечатлеть всё случившееся графитом и сохранить память о людях, напомнить, что даже в братских могилах сохраняются бирки с именами, которые подписаны нетленным, как и сами тела мертвых, простым графитным карандашом. И в последнем рассказе («Воскрешение лиственницы») опять возникают мотивы памяти, воскрешения, творчества, чуда и мотив живое/мертвое. А. С. Богданенков и А. Е. Оксенчук рассматривают воскрешение как концептуальную мета-метафору, интертекстуально связанную с базовой протоситуацией религиозно-христианского дискурса – воскрешением Христа [3].

Мотив памяти является ключевым в цикле с точки зрения рефлексивности творчества. Писатель вспоминает и интерпретирует свой прошлый опыт, память становится основой, ключом к восприятию. Герой возвращается из ада и создает рассказы как документ памяти о пережитом на собственном опыте. Сам факт творчества писателя становится подтверждением его постулатов и преодолением экзистенциального опыта. По мысли Е. Михайлик, новая проза образует зону билингвизма, обеспечивающего контакт между несовместимыми мирами, транслирует распад через распад – и свободу через свободу [13].

5. Отказ от дидактизма. «Как и мемуаристы, писатели новой прозы не должны ставить себя выше всех, умнее всех, претендовать на роль судьи» [22, с. 151]. О жизненно важных темах «должно быть рассказано ровно, без декламации» [22, с. 152]. В эссе «О прозе» писатель утверждает главную потребность в новой прозе именно у читателей, которым нужна правда, которым надоело читать нравоучительные рассказы о том, как надо правильно жить. Теперь людям требуется реальность, и они верят в документ. Как свидетель реальных событий он имеет право судить, но не прибегает к этому в своих рас-

сказах прямо, только художественно. Именно сами рассказы, факт их написания и издания – вердикт времени и людям.

6. Связь жизни и литературы (искусства, культуры) является последним принципом, выделенным с опорой на эссе «О прозе». В. Т. Шаламов отмечал, что в XX в. литература и реальность связаны теснее, чем когда-либо, так как «любые сказки, любые мифы встречаются в живой жизни» [22, с. 149]. По В. Т. Шаламову, одна из задач писателя – «перекинуть мост» через «зияющую пропасть между жизнью и литературой» [22, с. 144].

Творчество становится определяющим вектором для главного героя и для самого писателя, переживающего лагерный период своей жизни с помощью его воплощения на бумаге. В «Воскрешении лиственницы» только люди творческие, создающие нечто новое, оказываются способны сопротивляться разрушению. К тому же в центре повествования оказываются образованные люди, интеллигенты, что влечет за собой определенные отсылки и связи.

Этот принцип неразрывно связан с интертекстуальностью, которая пронизывает весь цикл. Например, в рассказе «Марсель Пруст» (о том, как украли книгу М. Пруста «Германт») дается литературный анализ, характеристика литературы: «Кто будет читать эту странную прозу, почти невесомую, как бы готовую к полету в космос, где сдвинуты, смещены все масштабы, где нет большого и малого? Перед памятью, как перед смертью, – все равны, и право автора запомнить платье прислуги и забыть драгоценности госпожи. Горизонты словесного искусства раздвинуты этим романом необычайно» [20, с. 139]. Фрагмент показывает нам одновременно и самого героя (интеллигента), способного оценить творчество другого писателя, и метод постоянного взаимопроникновения литературы в жизнь, а также связь мотивов памяти и творчества. В этом же рассказе возникает имя Джека Лондона. В цикле встречается множество отсылок к разным писателям: А. Данте, Ф. М. Достоевскому, Гомеру, Э. Ростану, В. В. Маяковскому, Л. Н. Толстому, А. П. Чехову и т. д., что создает новые смыслы и надстройки через интертекстуальность. Ярким примером абсурдного воплощения литературного сюжета в жизнь является рассказ «Боль».

Схожесть рассказа «Марсель Пруст» и романа «В поисках утраченного времени» М. Пруста проанализировал А. Н. Таганов, отметив построение на перебивке временных пластов («по прустовскому рецепту»), значимость материальных объектов для В. Т. Шаламова, которые часто являются хранителями «пластов прошлого, важных моментов личностного бытия» [19, с. 325]. В итоге материальный объект – книга Пруста – «приобретает здесь особый художественно-функциональный статус: она – лишь предлог для восстановления через воспоминания "внутренней жизни" рассказчика» [19, с. 325], что значимо и показательно для принципа связи жизни и литературы через культурный объект.

К выделенным шести принципам мы хотим присоединить еще один, отмечаемый исследователями и характерный для цикла «Воскрешение лиственницы», т. к. не раз находит в нем отражение, например, в рассказах «Тишина», «Термометр Гришки Логуна», «Марсель Пруст», «Боль» и др.

7. Прием *анти-катарсис* [15], пуант [8]. В целом можно определить этот прием как столкновение привычной нормы, морали (характерных для культурного общества) и нормы лагерной, нормы абсурда реальности. *Анти-катарсис* связан с эффектом присутствия (и героя, и читателя), т. к. заставляет читателя испытывать эмоции – неловкость и стыд за героя, некоторое непонимание, диссонанс между важностью такого события, как смерть, и обыденными мыслями героя, не способного в тот момент осознать эту важность. Рассказчик даже в какой-то степени радуется, что событие произошло не с ним, или даже находит плюсы в этом. По выражению Е. Михайлик, В. Т. Шаламов превращает читателя в со-свидетеля, в со-ответственного, в со-временника [13].

Для понимания приведем пример из уже упомянутого рассказа «Марсель Пруст»: «У меня родилась двойня. Не жильцы были. Умерли.

– Дети умерли? Это твое счастье, Нина.

– Да. Теперь я вольная птица» [20; с. 141–142].

Мы видим здесь несоответствие обычным моральным критериям, которые у читателя вызывают эмоции (возмущение, боль, ужас), но в абсурде лагеря – реальность, норма. Пуант также является структурной основой новеллы (как жанровой

доминанты новой прозы, эстетическим ядром «Колымских рассказов»), ее кульминацией [18].

Для демонстрации выделенных принципов новой прозы рассмотрим подробнее рассказ «Тишина». Уже само название как деталь-символ указывает на один из принципов, т. к. рассказ не про тишину, но эта деталь, это состояние становится главным для героя. Принцип достоверности отражается в сюжете рассказа на реальном прииске «Партизан». Сюжет рассказа полностью завершен как отдельная история и связан с экспериментом, проводимым новым начальником, старшим воспитателем, логика которого проста и опирается на правила гуманизма А. С. Макаренко: чтобы отстающая бригада лучше работала, нужно ее больше кормить, и они начнут давать план. Подробно описан сам прием пищи – чудесный и не ожидаемый доходягами, к числу которых принадлежит и главный герой, и его напарник, и вся бригада, частью которой они являются.

Главный герой – изможденный до крайности человек, у которого не осталось никаких чувств, кроме ненависти. Его состояние можно проиллюстрировать через описание рассказчиком людей как предметов, он называет их «полутрупам», и далее низводит человека до одной детали – «комоч рваного бушлата» [20, с. 113]. И только напрягшись, может вспомнить, что за каждым из них – личность с его историей. Мы видим сознание, обессиленное голодом и нечеловеческими условиями существования. Его напарник – сектант, который надоед всем, он бесконечно поет какие-то гимны, псалмы, стихи. Холод и голод вызывают неприязнь и ненависть ко всему. Возмущение от несправедливости жизни выражается через ненависть к надоедливому сектанту. Принцип психологизма раскрывается в восприятии героем действительности. Эксперимент (единичный), проведенный новым воспитателем, провалился: дополнительный паек привел лишь к самоубийству сектанта, еда дала ему силы на смерть, силы отойти и быть застреленным. Финал «Тишины» обнажает нечеловеческие изменения в человеке. Рассказчик рад смерти сектанта. Смерть другого дает возможность рассказчику обрести индивидуальный покой, наступившая в бараке тишина (не-

кому больше петь псалмы и гимны) – тот минимальный комфорт, что еще может себе позволить раб и заключенный, даже ценой жизни другого.

Рассказ завершается двумя абзацами, в предпоследнем описывается, как на героя сходит озарение, понимание, почему сектант совершил самоубийство: «И, холодея от догадки, я понял, что этот ночной обед дал силы сектанту для самоубийства. Это была та порция каши, которой не доставало моему напарнику, чтобы решиться умереть, – иногда человеку надо спешить, чтобы не потерять воли на смерть» [20; с. 118–119]. А затем после этой вспышки рефлексии (и одновременно признака его культурности) сразу идет развенчание обыденностью: «Как всегда, мы окружили печку. Только гимнов сегодня некому было петь. И, пожалуй, я даже был рад, что теперь – тишина» [20, с. 119].

Состояние рассказчика (радуется тишине) вскрывает прием *анти*-катарсис. Рассказчик не переживает момент смерти, она и так обыденна для героев лагерной прозы. В заглавие вынесено состояние главного героя, желаемое следствие, хотя за этим стоит смерть человека. Но мозг лагерника затуманен заботами, которые на первом плане (тепло, еда, сон и т. д.), поэтому все, что дальше этого, не воспринимается здесь и сейчас, а лишь может быть отрефлексировано потом рассказчиком, когда он пишет об этом, но не героем. В этом отражен и принцип психологизма: в лагере смешиваются понятия духовные и физические, т. к. голод ослабляет волю человека, и духовных сил оказывается недостаточно для поддержания в себе морали и человеческих качеств.

В рассказе мы также видим и отсылку к А. С. Макаренку, которая демонстрирует сразу два принципа – и отказ от дидактизма, и культурный контекст. Возможно, педагог упоминается как горькая насмешка, ирония пишущего: о каких методах воспитания и взывания к совести, морали или тем более культурности может идти речь, если у людей уже нет этой культурной надстройки. Если, по пирамиде А. Маслоу, не удовлетворена даже первая ступень – удовлетворение физиологических потребностей, то можно не вспоминать и вторую – о безопасности и отсутствии страха.

Обсуждение и выводы

Метод новой прозы В. Т. Шаламова представляет в произведении крайнюю близость к обыденному, к себе лично как физическому Я, к физическим первостепенным нуждам. Разум в таких экзистенциальных условиях способен на осознание лишь самых необходимых потребностей, а чувства – сострадание, любовь – уходят постепенно даже не на второй план, а вообще отсекаются в сознании героя лагерной прозы. По сути, показывая читателю абсурд происходящего, низость падения человека, писатель призывает понять, что это неотвратимо в подобных условиях. Принципы новой прозы (теория В. Т. Шаламова) воплотились в цикле «Воскрешение лиственницы», своим методом писатель приближается в некотором смысле и к мемуарам, и к воспоминаниям, и к документальным очеркам. Но все-таки его рассказы остаются художественными произведениями, выполненными в его особом авторском стиле, совместившем эффект присутствия личного документа и его психологическое переживание через автобиографическое повествование. Особенность эстетики новой прозы состоит в значимой роли рефлексии (рефлексии писателя, что также связано с мотивами творчества и слова): факты показаны через призму восприятия, что в перспективе исследования выводит анализ его творчества на метатекстовый уровень.

Список литературы

1. Антипов А. А. Жанровая диалектика «Колымских рассказов» В. Т. Шаламова // Э. М. Ремарк и лагерная литература: сб. научных статей. – Магадан: Кордис, 2003. – С. 35–45.
2. Артамошкина Л. Е. «Пределный опыт» и эстетика «новой прозы» // EINAL: Философия. Религия. Культура. – 2017. – Т. 6, № 1. – С. 67–77.
3. Богданенков А. С., Оксенчук А. Е. Специфика развёртывания концептуальной метафоры «воскрешение» в рассказе В. Шаламова «Воскрешение лиственницы» // Ученые записки УО ВГУ им. П. М. Машерова. – 2022. – Т. 36. – С. 95–101.
4. Волкова Е. В. Цельность и вариативность книг-циклов // Шаламовский сборник. Вып. 2: сб. научных статей. – Вологда: Грифон, 1997. – С. 130–157.
5. Ганушак Н. В., Цветкова М. В. Варлам Шаламов: «Я летописец собственной души, не более» // Литература в школе. – 2018. – № 8. – С. 17–21.
6. Горбачевский Ч. А. Творческий метод В. Т. Шаламова глазами узников-колымчан // Новый филологический вестник. – 2017. – № 3. – С. 172–184. DOI: 10.24411/2072-9316-2017-00006.

7. Грицаенко Д. В. Варлам Шаламов – «лагерная» или «новая» проза // Шаламов глазами молодых. Материалы международной молодежной научной конференции «Я различаю – где добро, где зло», посвященной творчеству В. Т. Шаламова. – Вологда: Сад-огород, 2021. – С. 29–38.
8. Джагалов Р. Варлам Шаламов и пути советского экзистенциализма // К столетию со дня рождения Варлама Шаламова. Материалы международной научной конференции. – М.: [б. и.], 2007. – С. 55–72.
9. Есипов В. В. Об историзме «Колымских рассказов» // Варлам Шаламов в контексте мировой литературы и советской истории: сб. научных статей. – М.: Литера, 2013. – С. 131–140.
10. Есипов В. В. Предисловие // Шаламов В. Т. Вишера: рассказы, очерки, стихи. – Пермь: ИП Худяков С. А., 2021. – С. 5–34.
11. Зайцева А. Р. Документальный реализм В. Шаламова // Язык и культура (Новосибирск). – 2013. – № 9. – С. 165–169.
12. Золотоносов М. А. Последствия Шаламова // Шаламовский сборник. – Вологда: ПФ Полиграфист, 1994. – Вып. 1: сб. научных статей. – С. 176–182.
13. Михайлик Е. «Колымские рассказы» – зона двуязычия // Закон сопротивления распаду. Особенности прозы и поэзии Варлама Шаламова и их восприятие в начале XXI века: сб. научных трудов. – Прага: Нац. б-ка Чешской Республики – Славянская б-ка; М.: Веб-сайт Shalakov.ru, 2017. – С. 53–66.
14. Михайлик Е. Незамеченная революция // Антропология революции: сб. научных статей. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – С. 178–204.
15. Михеев М. Ю. О «новой» прозе Варлама Шаламова // Вопросы литературы. – 2011. – № 4. – С. 183–214.
16. Римский В. П., Римская О. Н. Философская проза Варлама Шаламова // Наука. Искусство. Культура. – 2020. – № 4. – С. 45–63.
17. Соловьев С. М. Неизбежность одиночества. Варлам Шаламов и идеологическая традиция // Человек. – 2012. – № 3. – С. 140–148.
18. Сухих И. Н. «Новая проза» Варлама Шаламова: теория и практика // Варлам Шаламов в контексте мировой литературы и советской истории: сб. научных статей. – М.: Литера, 2013. – С. 222–227.
19. Таганов А. Н. Марсель Пруст и проблема «внутреннего человека» в русской литературе // Статьи о французской литературе: сб. научных статей. – М.: Литфакт, 2022. – С. 317–330.
20. Шаламов В. Т. Воскрешение лиственницы // Шаламов В. Т. Собрание сочинений: в 6 т. + т. 7, доп. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. – Т. 2: Очерки преступного мира; Воскрешение лиственницы; Перчатка, или КР-2; Анна Ивановна: Пьеса. – С. 105–280.
21. Шаламов В. Т. Новая книга: Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела. – М.: Эксмо, 2004. – 1072 с.
22. Шаламов В. Т. О прозе // Шаламов В. Т. Собрание сочинений: в 6 т. + т. 7, доп. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. – Т. 5: Эссе и заметки; Записные книжки 1954–1979 гг. – С. 144–157.
23. Шаламов В. Т. «О <новой> прозе» // Шаламов В. Т. Собрание сочинений: в 6 т. + т. 7, доп. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. – Т. 5: Эссе и заметки; Записные книжки 1954–1979 гг. – С. 157–160.
24. Chubarov I. Literature of Fact and the Left Movement. Sergei Tret'iaikov, Walter Benjamin and Varlam Shalakov // Russian literature. – 2019. – Vols. 103–105. – Pp. 305–321. DOI: 10.1016/j.ruslit.2019.04.013.

Lyudmila S. Starikova

Artistic Implementation of Principles of Varlam Shalamov's New Prose in the Cycle "The Resurrection of the Larch"

The research objective was to compare the principles of new prose outlined by V. T. Shalamov with their direct embodiment in the cycle "The Resurrection of the Larch". The essays "On Prose" (1965) and "On «New» Prose" (without year) and the cycle of stories "The Resurrection of the Larch" (1965–1967) served as the material. Methods: a comparative method with the inclusion of a hermeneutical approach for the interpretation of artistic images and motive structures. The main principles of the writer's new prose are outlined and commented on: authenticity; detail-symbol, detail-sign; depiction/study of new psychological patterns; plot completeness, compositional integrity; rejection of didacticism; connection between life and literature (art, culture); the anti-catharsis technique, poente. To demonstrate the highlighted principles of the new prose, the story "Silence" is considered in detail. It is concluded that all the principles of the new prose (V. T. Shalamov's theory) were implemented to one degree or another in the cycle "The Resurrection of the Larch" (practice), with his method the writer approaches, in a sense, both memoirs, memoirs, and documentaries. essays. But his stories remain works of art, made in his special authorial style, combining the effect of the presence of a personal document and his psychological experience through an autobiographical narrative.

Key words: principles of new prose, camp prose, creative method, psychologism, documentary, Varlam Shalamov, in the cycle "The Resurrection of the Larch".

For citation: Starikova, L. S. (2023) Khudozhestvennoe voploshhenie principov novoj prozy V. Shalamova v cikle "Voskreshenie listvennicy" [Artistic Implementation of Principles of Varlam Shalamov's New Prose in the Cycle "The Resurrection of the Larch"]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 44–59. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2023_3_44. EDN: JYLSHK

References

1. Antipov, A. A. (2003) Zhanrovaja dialektika «Kolymskih rasskazov» V. T. Shalamova [Genre dialectics of "Kolyma stories" by V. T. Shalamov]. *Eh. M. Remark i lagernaja literatura* [E. M. Remarque and camp literature]. Magadan: Kordis Publ. Pp. 35–45. (In Russian).
2. Artamoshkina, L. E. (2017) «Predel'nyj opyt» i ehstetika «novoj prozy» [“Ultimate experience” and aesthetics of “new prose”]. *EINAI: Filosofija. Religija. Kul'tura – EINAI: Philosophy. Religion. Culture*. Vol. 6. No. 1. Pp. 67–77. (In Russian).
3. Bogdanenkov, A. S., Oksenchuk, A. E. (2022) Specifika razvjortyvanija konceptual'noj metametafory «voskreshenie» v rasskaze V. Shalamova «Voskreshenie listvennicy» [The specificity of the explication of the conceptual meta-metaphor of resurrection in V. Shalamov's story "The Resurrection of the Larch"]. *Uchenye zapiski UO VGU im. P. M. Masherova – Scientific notes of the UO VSU n.a. P. M. Masherova*. Vol. 36. Pp. 95–101. (In Russian).
4. Volkova, E. V. (1997) Cel'nost' i variativnost' knig-ciklov [Integrity and variability of books-cycles]. *Shalamovskij sbornik*. Vyp. 2 [Shalamovsky collection. Issue 2]. Vologda: Grifon Publ. Pp. 130–157. (In Russian).
5. Ganushhak, N. V., Tsvetkova, M. V. (2018) Varlam Shalamov: «Ja letopisec sobstvennoj dushi, ne bolee» [Varlam Shalamov: "I am a chronicler of my own soul, no more"]. *Literatura v shkole – Literature at school*. No. 8. Pp. 17–21. (In Russian).

6. Gorbachevsky, Ch. A. (2017) Tvorcheskij metod V. T. Shalamova glazami uznikovykolyman [Varlam T. Shalamov and His Creative Method in Kolyma Convicts Interpretations]. *Novyj filologicheskij vestnik – New Philological Bulletin*. No. 3. Pp. 172–184. DOI: 10.24411/2072-9316-2017-00006. (In Russian).

7. Gricenko, D. V. (2021) Varlam Shalamov – «lagernaja» ili «novaja» proza [Varlam Shalamov – “camp” or “new” prose]. *Shalamov glazami molodykh* [Shalamov through the eyes of the young. Proceedings of the international scientific conference]. Vologda: Sad-ogorod Publ. Pp. 29–38. (In Russian).

8. Dzhagalov, R. (2007) Varlam Shalamov i puti sovetского ehkzistencializma [Varlam Shalamov and the ways of Soviet existentialism]. *K stoletiju so dnja rozhdenija Varlama Shalamova* [On the centenary of the birth of Varlam Shalamov. Proceedings of the international scientific conference]. Moscow. Pp. 55–72. (In Russian).

9. Esipov, V. V. (2013) Ob istorizme «Kolymskih rasskazov» [On the historicism of the Kolyma stories]. *Varlam Shalamov v kontekste mirovoj literatury i sovetской istorii* [Varlam Shalamov in the context of world literature and Soviet history]. Moscow: Litera Publ. Pp. 131–140. (In Russian).

10. Esipov, V. V. (2021) Predislovie [Preface] Shalamov, V. T. *Vishera: rasskazy, ocherki, stikhi* [Vishera: stories, essays, poems]. Perm: Khudjakov S. A. Publ. Pp. 5–34. (In Russian).

11. Zajceva, A. R. (2013) Dokumental'nyj realizm V. Shalamova [Documentary realism of V. Shalamov]. *Jazyk i kul'tura (Novosibirsk) – Language and Culture (Novosibirsk)*. No. 9. Pp. 165–169. (In Russian).

12. Zolotonosov, M. A. (1994) Posledstvija Shalamova [Shalamov's Consequences]. *Shalamovskij sbornik. Vyp. 1* [Shalamov Collection. Issue 1]. Vologda: PF Poligrafist Publ. Pp. 176–182. (In Russian).

13. Mikhailik, E. (2017) «Kolymskie rasskazy» – zona dvujazyčija [“Kolyma stories” – a zone of bilingualism]. *Zakon soprotivlenija raspadu. Osobnosti prozy i poehzii Varlama Shalamova i ikh vosprijatie v nachale XXI veka* [Law of resistance to decay. Features of the prose and poetry of Varlam Shalamov and their perception at the beginning of the 21st century]. Praga: National Library of the Czech Republic – Slavic Library Publ.; Moscow: Website Shalamov.ru Publ. Pp. 53–66. (In Russian).

14. Mikhailik, E. (2009) Nezamečennaja revoljucija [Unnoticed revolution]. *Antropologija revoljucii* [Anthropology of the revolution]. Moscow: New Literary Observer Publ. Pp. 178–204. (In Russian).

15. Mikheev, M. Y. (2011) O «novoj» proze Varlama Shalamova [On the “new” prose of Varlam Shalamov]. *Voprosy literatury – Questions of Literature*. No. 4. Pp. 183–214. (In Russian).

16. Rimsky, V. P., Rimskaya, O. N. (2020) Filozofskaja proza Varlama Shalamova [The philosophical prose of Varlam Shalamov]. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura – The science. Art. Culture*. No. 4. Pp. 45–63. (In Russian).

17. Soloviev, S. M. (2012) Neizbežnost' odinočestva. Varlam Shalamov i ideologičeskaja tradicija [The loneliness inevitable: Varlam Shalamov and the ideology tradition]. *Chelovek – Human*. No. 3. Pp. 140–148. (In Russian).

18. Sukhikh, I. N. (2013) «Novaja proza» Varlama Shalamova: teorija i praktika [“New prose” by Varlam Shalamov: theory and practice]. *Varlam Shalamov v kontekste mirovoj literatury i sovetской istorii* [Varlam Shalamov in the context of world literature and Soviet history]. Moscow: Litera Publ. Pp. 222–227. (In Russian).

19. Taganov, A. N. (2022) Marsel' Prust i problema «vnutrennego čeloveka» v russskoj literature [Marcel Proust and the problem of the “inner man” in Russian literature]. *Stat'i o francuzskoj literature* [Articles on French literature]. Moscow: Litfakt Publ. Pp. 317–330. (In Russian).

20. Shalamov, V. T. (2013) Voskreshenie listvennicy [The Resurrection of the Larch] Shalamov, V. T. *Sobranie sočinenij: v 6 t. + t. 7, dop. T. 2: Očerki prestupnogo mira; Voskreshenie listvennicy; Perchatka, ili KR-2; Anna Ivanovna: Pesa* [Collected works: in 6 volumes + v. 7, add. Vol. 2: Essays on the underworld; Resurrection of larch; Glove, or KR-2; Anna Ivanovna: A play]. Moscow: Knizhnyj Klub Knigovek Publ. Pp. 105–280. (In Russian).

21. Shalamov, V. T. (2004) *Novaja kniga: Vospominanija. Zapisnye knizhki. Perepiska. Sledstvennye dela* [New book: Memoirs. Notebooks. Correspondence. Investigative cases]. Moscow: Eksmo Publ. (In Russian).

22. Shalamov, V. T. (2013) O proze [About prose] Shalamov, V. T. *Sobranie sochinenij: v 6 t. + t. 7, dop. T. 5: Ehsse i zametki; Zapisnye knizhki 1954–1979 gg.* [Collected works: in 6 volumes + v. 7, add. Vol. 5: Essays and notes; Notebooks 1954–1979]. Moscow: Knizhnyj Klub Knigovek Publ. Pp. 144–157. (In Russian).

23. Shalamov, V. T. (2013) «O <novoj> proze» ["On <new> prose"] Shalamov, V. T. *Sobranie sochinenij: v 6 t. + t. 7, dop. T. 5: Ehsse i zametki; Zapisnye knizhki 1954–1979 gg.* [Collected works: in 6 volumes + v. 7, add. Vol. 5: Essays and notes; Notebooks 1954–1979]. Moscow: Knizhnyj Klub Knigovek Publ. Pp. 157–160. (In Russian).

24. Chubarov, I. (2019) Literature of Fact and the Left Movement. Sergei Tret'jakov, Walter Benjamin and Varlam Shalamov. *Russkaja literatura – Russian literature*. Vols. 103–105. Pp. 305–321. DOI: 10.1016/j.ruslit.2019.04.013.

дата получения: 05.07.2023 г.
дата принятия: 15.07.2023 г.
дата публикации: 30.09.2023 г.

date of receiving: 05 July 2023
date of acceptance: 15 July 2023
date of publication: 30 September 2023

Н. В. Константинова

Сюжет о путешествии в Сибирь в документальных травелогах XIX века (на материале путевых записок Н. В. Шелгунова «Сибирь. По большой дороге»)

В статье рассматривается специфика сюжета о путешествии в Сибирь в контексте изучения эволюции документального травелога XIX века и «сибирского текста» русской литературы. Новизной исследования является выявление способов построения сюжета в документальном травелоге в аспекте проблемы автора. Анализ сочетания разных авторских стратегий позволяет определить специфику сюжета о путешествии в Сибирь на фоне общей традиции («общих мест»). Объект исследования – путевые записки Н. В. Шелгунова «Сибирь. По большой дороге», опубликованные в журнале «Русское слово» в 1863 г. Благодаря привлечению не только литературных источников, но и биографических сведений об авторе, записок его жены Л. П. Шелгуновой и общественно-политического контекста были выявлены авторские стратегии, формирующие имплицитный сюжет травелога о Сибири. Обнаружено, что, на первый взгляд, традиционная история о путешествии в Сибирь туриста и наблюдателя, позиционированное субъектом повествования в начале травелога, включает в себя сюжет, подобный сюжету романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?»: повествование о Сибири как «другой» России, нуждающейся в преобразованиях, «новых людях», способных реализовать новые задачи развития общества, воззвания к читателю с целью актуализировать в массовом сознании идею о необходимости перемен и сопричастности каждого к общей судьбе России. Отмечается, что в документальном травелоге Н. В. Шелгунова как на уровне эксплицитного сюжета, так и на уровне имплицитно выраженной истории о путешествии в Сибирь воплощается идея о невозможности личного возрождения, глобального обновления общественной жизни.

Ключевые слова: сюжет о путешествии в Сибирь, документальный травелог, «сибирский текст», авторская стратегия, субъект повествования, Н. В. Шелгунов.

Для цитирования: Константинова Н. В. Сюжет о путешествии в Сибирь в документальных травелогах XIX века (на материале путевых записок Н. В. Шелгунова «Сибирь. По большой дороге») // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 3. – С. 60–78. DOI: 10.35231/25419803_2023_3_60. EDN: KGYMDZ

Сибирская тема неоднократно становилась предметом исследований в разных аспектах. Наиболее продуктивными предметами изучения в современной науке являются «сибирский текст» и его локальные составляющие в произведениях русской литературы, литературные образы «сибирского ландшафта», эволюция концепта Сибири в историко-

литературном процессе XIX–XX веков. Этим и другим более частным вопросам посвящены коллективные труды начала XXI века [1–3; 18–22]. Так, в наиболее концептуальной коллективной монографии «Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве» [17] К. В. Анисимов [4, с. 56] выделяет два взаимодополняющих подхода к пониманию проблемы изучения сложной структуры «сибирского текста» в составе русской литературы. В качестве первого он выделяет точку зрения В. И. Тюпы, который, следуя идее Ю. М. Лотмана [9], характеризует «комплекс сибирских мифологем в классических произведениях литературы XIX в. как трансформацию архетипов инициационной обрядности» [24, с. 28]. Другой взгляд выявляется в трудах Н. В. Серебренникова и свидетельствует о «понимании сибирского текста как аутентичной локальной словесности, катализатором к формированию которой служит территориальная идентичность (в случае с Сибирью – областничество XIX–XX вв. и его рефлексy в советской словесности и культуре диаспоры)» [17, с. 3].

Безусловно, именно географическое положение Сибири часто определяет и ракурс исследования, и семантику концепта. В связи с этим в исследованиях актуализируются и оппозиции столица/провинция [6], свое/чужое [13], и в новейших очерках российского колониализма вопросы о месте Сибири в составе империи [26], и создаются примеры «геограмм» локальных мифов в структуре образа «сибирского ландшафта» [6; 15], и русский концепт Сибири определяется на основе положения о неустойчивости ее границ [18]. Например, обращение к теме «ментальных карт» и «воображаемой географии» открывает широкие перспективы в деле изучения колонизации восточных окраин империи, выявляет две противоречивые характеристики Сибири в составе России: отдельность и интегрированность [26]. Кроме того, в качестве ключевых задач изучения «сибирского текста» выступают описание и систематизация имплицитированных в художественные и публицистические тексты сибирских писателей XIX–XXI вв. образных, мотивных и дискурсивных конструктов, связанных с идентичностью локальной культуры и ее создателей [18–19]. При этом следует отметить, что одним из наиболее популярных источников для исследований «сибирского тек-

ста» становится текст о путешествии, описывающий не только специфику ландшафта, но и личные переживания субъекта повествования. Чаще, конечно, объектами изучения в этом случае становятся литературные произведения, которые позволяют определить индивидуально-авторские стратегии восприятия региона, его локальных составляющих, выделить семантику образов «сибирского ландшафта» и наиболее популярные сюжеты, формирующие структуру и типологию «сибирского текста» [18–19]. Изучению документальных травелогов в этих аспектах уделяется значительно меньшее внимание, что и определяет новизну настоящего исследования. В связи с этим стоит указать наиболее продуктивные подходы к описанию специфики документальных травелогов о Сибири. К. В. Анисимов, исследуя восточный травелог (на примере текстов П. И. Небольсина) как дискурсивный опыт территориальной интеграции, отмечает, во-первых, пограничное положение жанра, стоящего на границе художественной беллетристики и наукообразной non-fiction, а, во-вторых, выделяет две фактически противоположные задачи: «И если наукообразие этих текстов соприкасалось скорее с экзотизацией <...>, то литературно-беллетристический инструментальный призван был сыграть прямо противоположную роль: дать читателю возможность установить сходство со знакомой ему Россией, узнать знакомое в далеком и незнакомом» [4, с. 38]. На «литературность» документальных травелогов указывает и Н. В. Иванова, отмечая, что, благодаря этому жанру, который создавал «нациестроительный фундамент», «русская культура, напряженно всматриваясь в давно обретенный, отчасти познанный, но так и не ставший своим (курсив автора. – Н. К.) мир, начала опробовать на нем разнообразные практики интеграции, словно “переписывая” чужое в свое (курсив автора. – Н. К.)» [7, с. 188]. Продуктивным видится и подход к изучению документальных травелогов с позиций компаративистского источниковедения, представленный в работах Т. В. Медведевой, посвященных анализу текстов Н. Д. Свербеева, созданных в процессе его путешествий по Сибири и непосредственно после поездок. Сопоставительный анализ официальных публикаций и частных писем родным и знакомым одного автора позволяет выяснить, как цели повествования влияют на отбор

и описание материала о путешествии, способы ориентации на читателя, маркеры изменения образа рассказчика [11, с. 7].

Материалы и методы

Таким образом, можно констатировать, что Сибирь является актуальным предметом исследования и в процессе анализа документальных травелогов XIX века. Путевые очерки и заметки о Сибири, мемуары и отчеты о путешествиях в восточные окраины расширяли представления жителей «внутренней России» о чужой и малоизвестной территории. Безусловно, важную роль в популяризации сюжета о путешествии в Сибирь сыграли так называемые «прецедентные тексты» известных писателей, появившиеся в разные периоды XIX века. Например, Е. Е. Анисимова отмечает: «Поведенческие и дневниковые стратегии Жуковского, реализованные им во время путешествия 1837 года, обнаружили закономерность многих будущих “сибирских травелогов” XIX века <...>, в частности, выделяются “этнографические” сибирские травелоги И. А. Гончарова и А. П. Чехова, демонстрирующие отход от чистой литературности» [5, с. 10]. Сравнение документальных текстов и литературных позволяет выделить некоторые «общие места» сибирских травелогов: популярные сюжеты, мотивы, образы, на которые мы будем ориентироваться в настоящем исследовании.

Кроме того, в исследованиях (в большей степени историков) отмечается, что важную роль в процессе коллективного представления о Сибири играли «толстые» журналы, являвшиеся одним из основных источников формирования, структурирования и трансляции общественного мнения во второй половине XIX века, так как в них публиковались тексты о путешествии, ими осуществлялась финансовая поддержка известных писателей, отправлявшихся в Сибирь, они информировали читателя о результатах таких «литературных экспедиций». Методологической основой настоящего исследования является концептуальная и масштабная монография Н. Н. Родигиной, посвященная конкретно-исторической характеристике разноликого образа Сибири, представленного в толстых журналах периода 1850-х-1904 гг., которые были основой формирования и отражения общественного мнения пореформенной России [16, с. 8].

Кроме того, на наш взгляд, перспективным методом изучения документального травелога о Сибири является анализ материалов, представленных в контексте сибирской мемуаристики. Так, Н. П. Матханова в составе сибирской мемуаристики XIX века выделяет путевые записки, которые представляют собой сочетание дневника и путевых впечатлений автора, определяет наиболее устойчивые элементы сюжета текстов о путешествии в Сибирь: постоянные сетования на трудности, а порой и опасности пути, на тяжелые климатические условия, плохое состояние дорог, неразвитость инфраструктуры классифицирует травелоги на несколько групп: записки «в чистом виде», традиционные сочинения, представляющие собственные впечатления автора, записки, примыкающие к научным и деловым отчетам, записки, сочетающие беллетристические и публицистические элементы, путеводители, описывает и процесс эволюции жанра на протяжении XIX века [10, с. 77].

Таким образом, в сибирских травелогах постепенно формируются «общие места», выражающие повторяющиеся стереотипные представления о регионе в контексте литературной традиции. В настоящем исследовании мы ориентируемся на подобную логику изучения, учитывая, что в период 1850–1870-х годов с Сибирью соотносился концепт «страна» и повторяющиеся формулы «отдаленная страна», «далекие страны Сибири», «страна, сравнительно богатая от природы», «страна изгнания и забвения», «холодная, мрачная пустыня». Наблюдения В. И. Тюпы [24–25], сделанные на материале русской классической литературы, о том, что хронотопический образ Сибири интерпретировался как образ страны холода (зимы), ночи (луны), т. е. смерти в мифологическом ее понимании вполне, на наш взгляд, могут быть применимы и к документальным травелогам. Раскрывая содержательные характеристики «сибирского текста русской культуры», В. И. Тюпа акцентировал внимание на том, что «уникальное взаимоналожение геополитических, культурно-исторических и природных факторов привело к мифологизации Сибири как края лиминальной полусмерти, открывающей проблематичную возможность личного возрождения в новом качестве и соответствующего обновления жизни» [24, с. 35].

Рассказы «от первого лица» о необычной природе и ландшафтах Сибири, как правило, сравниваемой с известными читателям европейской части страны окрестностями «средней полосы»; повествование о тяжелых путевых условиях, компенсирующихся, тем не менее, сильными впечатлениями от «новых мест»; описание нетривиальных для повседневности поступков путешественников или мемуаристов, с одной стороны, отражали, а с другой – создавали в общественном мнении романтизированный образ региона, в котором есть шанс проявить свои лучшие человеческие качества и принести славу отечеству, где есть место для открытий и отваги. Так, например, в статье Н. Е. Меднис «Кавказ и Сибирь как два топоса русской литературы и культуры XIX века» выявляются причины переноса характеристики Кавказа на характеристику Сибири по законам романтической поэтики [12]. Отмечается, что в последней трети XIX века актуализируется романтическое изображение Сибири, которая воспринимается через оппозицию свое/чужое, с помощью образов, связанных с нетронутой, дикой, величественной, прекрасной природой.

Новизной настоящего исследования является обращение к материалам «толстых журналов», которые имели важное значение в культурной и литературной жизни России второй половины XIX века. Так, в первые десятилетия издания «Русского вестника», «Вестника Европы» знакомство читателей с малоизвестным, окутанным мифологемами, а потому особенно притягательным регионом происходило в том числе и посредством публикации мемуаров и путевых очерков. Среди авторов путевых очерков о Сибири, публиковавшихся в «толстых» журналах 1850–1870-х гг., встречаются, как правило, не профессиональные литераторы, а исследователи и путешественники, офицеры и жены офицеров и чиновников, дочери золотопромышленников, что свидетельствует о популярности жанра и об актуальности темы Сибири.

В статье подробнее будет представлен материал о путешествии в Сибирь, опубликованный в трех номерах журнала «Русское слово» за 1863 год. Как отмечает Т. И. Печерская, «у многих авторов “Русского слова” к Сибири было, безусловно, личное отношение. Сибирь для них или их товарищей была местом ссылки, прошлой или возможной в недалеком

будущем» [14, с. 496]. К таким авторам относится и Николай Васильевич Шелгунов, опубликовавший в нескольких номерах свои записки о путешествии в Сибирь – «Сибирь. По большой дороге» (1863, январь, февраль, март) [27–29]. Предметом исследования в данном случае является специфика сюжета о путешествии в Сибирь, способы выражения авторского присутствия в тексте, ориентация на читателя. В качестве материалов для сопоставительного анализа привлекаются также записки жены Н. В. Шелгунова Л. П. Шелгуновой, опубликованные отдельным изданием уже в конце XIX века [30].

Результаты

Публикации Н. В. Шелгунова, с одной стороны, воспроизводят наиболее распространенные «общие места» сибирских травелогов этого периода. Так, при описании первой части маршрута (Тверь – Пермь – Екатеринбург – Казань) очевидно воплощается идея о том, что провинция значительно уступает столице, в ней наблюдается путешественником застой, экономическая неразвитость, отсутствие общественных интересов, нищета населения. Кроме того, традиционно выражается оппозиция Сибирь//Россия, что обозначается как на уровне номинаций, так и характеристик. Сибирь получает у Шелгунова привычное определение – «самая холодная из всех частей земного шара» страна, которая всем внушает ужас. К негативным характеристикам относится и отсутствие в Сибири торговли из-за удаленности и плохих дорог, низкий уровень культуры местных жителей. Такой фокус характеристики пространства в травелогe воспроизводит традиционный сюжет об освоении малоизвестного края путешественником, описывающим последовательно ключевые точки пути с целью познакомить читателя с трудностями перемещения по сложному ландшафту, дополнить массовое представление о «другой» России.

С другой стороны, травелог Н. В. Шелгунова содержит, помимо подробного описания маршрута путешествия по Сибири, авторских субъективных впечатлений, имплицитный сюжет, который раскрывает и истинную цель поездки, и особую индивидуальную точку зрения на чужое пространство. В первой части травелога уже в названии субъект повествова-

ния объясняет, почему «Нам полезнее теперь путешествовать по России, чем за границей»:

В настоящее время я не только предпочитаю путешествие по России – как оно ни скучно и грустно – путешествию за границей, но нахожу его в высшей степени поучительным <...> Но наблюдателю гораздо легче изучить ту жизнь, которая ещё не вошла в замкнутые рамки и каждым новым поворотом дает нам чувствовать свою нелепость или хорошую сторону <...> С чего бы мы ни начали, все для нас ново, и всякий хорошо выслеженный факт дает новую идею и приводит к новому знанию. В этом я вполне убедился, проехав в качестве туриста от центра России до глубокого северо-востока Сибири [27, с. 1].

Обращает на себя внимание явная противопоставленность двух типов путешествия – по России и за границей, что выражается в семантических оппозициях скучно, грустно/интересно, новое/старое. Привычное отношение к путешествию по России как к негативному, тривиальному, напротив, опровергается и провозглашается его ценность, сформулированная субъектом повествования как «поучение», «новизна». Именно на этой характеристике особенно педалируется: «новым поворотом дает нам чувствовать», «все для нас ново», «дает новую идею и приводит к новому знанию». Установка на новое знание становится главным аргументом автора-путешественника в воображаемом споре с читателем, для которого путешествие по России «скучно и грустно». Выделенный же в этом фрагменте статус повествователя записок – наблюдатель, турист – воспринимается странно и вызывает вопрос у исследователя, так как в Сибирь в то время туристами не ездили, а только по казенной надобности или в научные экспедиции. И, действительно, в монографии Ф. Кузнецова «Круг Д. И. Писарева» упоминается иная цель поездки Н. В. Шелгунова как воспитанника и сподвижника Н. Г. Чернышевского [8; с. 207–208]. В частности, исследователем отмечается, что Шелгуновым были написаны прокламации «К молодому поколению» и «К солдатам», призывающие народ к революции. В 1862 году Н. В. Шелгунов уходит со службы и вместе с женой Л. П. Шелгуновой отправляется в Сибирь, чтобы организовать побег своего близкого друга М. Л. Михайлова, который взял вину составления прокла-

мации «К молодому поколению» на себя и был приговорен к каторге. В сентябре 1862 года Шелгуновы были в Сибири арестованы и в марте 1863 года, в связи с известным доносом Костомарова на Чернышевского и Шелгунова, привезены в Петербург, где Шелгунов с 15 апреля до 24 ноября 1863 года находился в Алексеевском равелине, а потом был выслан в Вологодскую губернию и провел в ссылке 13 лет. Все статьи Шелгунова в «Русском слове» 1863–1866 гг. написаны им в заключении, в том числе и травелог «Сибирь. По большой дороге» 1863 года. Кроме того, важно указать, что отношения между Шелгуновым, Михайловым и Шелгуновой представляли собой тройственный союз по Чернышевскому, союз новых людей без предрассудков. Михайлов был фактически гражданским мужем Шелгуновой, в связи с чем поездка в Сибирь имела ещё и сугубо личные цели (любовный сюжет о «новых людях»), которым тоже не удалось осуществиться.

Учитывая указанные выше обстоятельства, следует прокомментировать, как сюжет о путешествии в Сибирь по-иному описывает Людмила Петровна Шелгунова в своих воспоминаниях, опубликованных уже в конце XIX века, в 1899 году. В большей степени в ее записках описывается не поездка, не обстоятельства пути, а встречи с людьми, их характеристики, ситуация взаимодействия с Михайловым и результат этой встречи. Важно отметить, что в тексте жены неоднократно подчеркивается особое влияние Чернышевского на мировоззрение и действия Шелгунова, что еще раз подтверждает наличие иной причины путешествия в Сибирь и иного сюжета травелога. Так, в одном фрагменте записок Л. П. Шелгуновой можно обнаружить прямое доказательство истинных, но тщательно скрываемых автором в своем травелоге причин поездки:

Чернышевский поддерживал наше намерение ехать в Сибирь. Он очень любил Николая Васильевича и понимал состояние его духа. Чтобы достать средства для отправки Михайлова со всеми удобствами и для обеспечения его жизни в каторге, мы пустили в лотерею часть его очень большой библиотеки, а другую часть отправили к нему в Сибирь. Весною мы уехали в Сибирь. Ехали мы два месяца, и Шелгунов описал эту поездку в статьях, помещенных в «Русском слове» под заглавием: "Сибирь по большой дороге" [30, с. 125].

Интересно при этом обратить внимание на тот факт, что в записках Л. П. Шелгуновой, в свою очередь, тщательно скрывается ее связь с Михайловым. Михайлов описан ею крайне объективно, как обычный знакомый, друг Шелгунова, «молодой офицер»: «Когда мы подошли к дому, на крыльце стоял Михайлов. Он жил, как частный человек, у брата. В доме, очень небольшом, все мы и поместились и, конечно, стеснили хозяйина, но на это он не жаловался <...> мы внесли большое разнообразие в жизнь молодого офицера, жившего на уединенном прииске» [30, с. 130]. Однако, безусловно, по косвенным характеристикам в описании ситуаций можно выделить и этот имплицитный любовный сюжет. После смерти Михайлова Шелгунова получает его бумаги от брата и в своих записках очевидно романтизирует образ возлюбленного: «За несколько дней до смерти к нему приехал его брат Петр, и больной сказал ему, чтобы он взял с полки связанные и приготовленные бумаги и передал их мне в руки. Брат дал ему слово, что бумаги будут переданы мне, и слово это сдержал, хотя из комнаты покойника ему пришлось выйти с револьвером в руках. И вот этот добрый, этот хороший человек, способный на высокие подвиги самопожертвования, лежит теперь в далекой Сибири под простым крестом» [30, с. 138].

Таким образом, травелог Н. В. Шелгунова о путешествии в Сибирь становится выражением определенной точки зрения – «новых людей», воспринимающих новое пространство в контексте личных и общественно-политических событий, а также в сопоставлении с романом Чернышевского «Что делать?», что и определяет специфику имплицитного сюжета. Показательно, что Чернышевский писал свой роман фактически в то же время, что и Шелгунов свой травелог о Сибири, находясь также в одиночной камере Петропавловской крепости с 14 декабря 1862 по 4 апреля 1863 года. Впоследствии его роман частями был опубликован в журнале «Современник» в 1863 году (№ 3–5). Совпадений оказывается очень много, что свидетельствует о популярности определенного типа сюжета, повествования о «новых людях», о значимости преобразований в России.

Уже в начале записок Н. В. Шелгунова акцентируется внимание на необходимости получения нового знания, нового

опыта: «С чего бы мы ни начали, все для нас ново, и всякий хорошо выслеженный факт дает новую идею и приводит к новому знанию» [27, с. 1]. В процессе освоения нового пространства России повествователь-путешественник, притворяющийся простым наблюдателем и туристом, тем не менее задает важные экономические и политические вопросы, делает концептуальные выводы о необходимости перемен, обновления: «Чем же живут эти люди?»; «При всем своем громадном пространстве Россия бедна обработанною землей, и крестьяне многих губерний в ней нуждаются. Не для них ли подготавливаются эти пустыри, происходящие от беспорядочных рубок и лесных пожаров? В таком случае не лучше ли отдать половину наших глухих и болотистых лесов нуждающимся крестьянам теперь же?» [28, с. 28] Особое внимание в записках уделяется размышлениям о новом поколении, которое должно изменить старый уклад, о необходимости формирования новых условий для жизни: «Что будет с новым поколением? Но и с новым выйдет то же самое, если оно останется на той же степени образования, как его почтенные предки. Нужно, чтобы целое поколение привыкло жить иначе и воспиталось в новых условиях и гражданского и экономического положения» [28, с. 31]. Отдельная глава (восьмая) посвящается фактически обсуждению реальных проектов, позволяющих ответить на главный вопрос: кто поможет? Такой вариант в полной мере соотносится с вопросом Чернышевского «Что делать?» и демонстрирует очевидную связь с ключевыми идеями романа и сюжетными ходами. Так, например, размышления субъекта повествования о возможных выходах из сложной экономической ситуации для местных жителей коррелирует с утопическими проектами (о мастерских Веры Павловны) из романа Чернышевского: «Если нашим сельским и городским промышленникам не помочь, они сами не встанут на ноги, потому что у них нет для этого ни знаний, ни денег; будут они биться, как бьются нынче, пока не подвернется предприимчивый и денежный человек и, устроив фабрики и мастерские, не заберет их всех к себе в рабочие» [28, с. 33]. Размышления повествователя о Сибири как новом мире превращаются последовательно в сюжете записок в выявле-

ние общепринятых общественных заблуждений о специфике этого пространства. Территориальная изолированность/удаленность Сибири метафорически выражает удаленность современного человека, живущего замкнуто, от тех «новых людей», готовых ему помочь, изменить кардинально способ существования: «Здесь как будто видишь совсем новую страну, только что явившуюся после геологического переворота и с только что созданным человеком. Человек этот начинает строиться и улаживать свой гражданский и общественный быт. Он ещё не знает, что там, за тысячу верст от него, живут уже люди; что люди эти могут помочь ему; что у них есть знания, культура» [29, с. 24]. Обращает на себя внимание и специфика номинаций «человек»/«люди», что свидетельствует о понимании массовости нового движения в сознании автора-повествователя, необходимости включения каждого в этот процесс. Сибирь фактически в травелоге Н. В. Шелгунова становится аналогом всей России, о судьбе которой ближе к финалу все больше рассуждает повествователь, пытаясь ответить на важные вопросы, используя местоимения МЫ, НАШИ, ощущая личную сопричастность глобальным событиям:

Разумеется, если с числом фактов, опубликованных Европой, сравнивать число опубликованных фактов из русской жизни, Россия окажется земным раем, где неизвестны ни пороки, ни преступления, ни печали, ни страдания. Но кого мы обманываем? Смотри на совершающиеся факты без самообольщения и самоунижения, разумеется, придешь к тому заключению, которого и миновать невозможно <...> Перестанешь видеть Аркадию там, где еще нужно много труда и много образования, чтобы поднять хоть несколько и личную, и гражданскую нравственность [29, с. 56].

Постепенно в имплицитном сюжете разрушается утопическая идея о быстром изменении современного состояния жизни в «другой» России, скорее демонстрируется новый фокус видения проблем, которые необходимо срочно решать. Стиль повествования травелога Н. В. Шелгунова, заданная уже с названия диалоговая форма взаимодействия с читателем все более и более превращается в своеобразное воззвание (прокламацию) к действию в соответствии с новыми установками, к преобразованию сознания человека нового поколения.

Финальное же разочарование путешественника, обманутого в своих ожиданиях, демонстрирует, с одной стороны, крушение надежд на изменение личной судьбы (что воспроизводит итог «биографического сюжета» о тройственном союзе Шелгунова, его жены и Михайлова), с другой стороны, о невозможности глобальных изменений/обновлений в общественной жизни России. Важно отметить, что в этом фрагменте выделяется Я субъекта повествования как знак личной сопричастности автора описываемым событиям, как способ самоидентификации личности внутри сюжета о путешествии: «Так думал и я, когда, наслышавшись в Петербурге о громадных сибирских селах, о сибирской дешевизне, о патриархальности и чистоте сибирских нравов, подъезжал к границе Сибири с особенным радостным чувством, с надеждой увидеть что-то небывало-новое, иные нравы, иные обычаи, а главное молодую, свежую силу и жизнь» [29, с. 61]. Символическим в этом отношении становится и название последней главы – «Сибирь как золотое дно», выражающее нереализованный потенциал новых сил, способный изменить положение России.

Обсуждение и выводы

Таким образом, в документальном травелогe о Сибири Н. В. Шелгунова сочетаются разные авторские стратегии, которые формируют специфику сюжета о путешествии. Традиционная точка зрения туриста, наблюдателя, изучающего новое пространство и описывающего его характеристики (географические, экономические, социальные), провозглашается эксплицитно, что позволяет создать сюжет, в котором последовательно, от пункта к пункту, комментируются субъектом повествования трудности пути, особенности жизни местных жителей, приводятся статистические данные, выявляются наиболее популярные («общие места») элементы «сибирского текста», хорошо знакомые читателю по литературным произведениям XIX века. В этом отношении травелог Н. В. Шелгунова о Сибири отличается полнотой описания, масштабностью географических объектов («от центра России до глубокого северо-востока Сибири»), разнообразием сведений о каждом локальном элементе региона, что было

свойственно для документальных травелогов этого периода. По классификации Н. П. Матхановой [10; с. 77–78], записки автора, скорее, соответствуют второй группе: запискам, примыкающим к научным и деловым отчетам, сочетающим личные впечатления путешественника с результатами научных исследований. Как отмечает исследователь сибирской мемуаристики, именно в таких травелогах основное внимание уделяется описанию трудности пути и открыто выражается личностное начало. Однако, в результате обращения к биографическим сведениям об авторе, запискам его жены, изучению литературного и общественно-политического контекста создания текста были выявлены другие авторские стратегии, формирующие имплицитный сюжет травелога о Сибири. Ключевыми составляющими этого сюжета являются следующие элементы: повествование о Сибири как «другой» России, в которой также необходимы преобразования, обновления, рассуждения о возможных способах нововведений, «новых людях», способных практически реализовать новые задачи развития общества, воззвания к читателю с целью актуализировать в массовом сознании идею о необходимости перемен, мысль о сопричастности каждого к общей судьбе России. Развитие имплицитного сюжета (особенно финал травелога) демонстрирует в определенной степени мысль автора о невозможности реализации этих идей внутри «сибирского ландшафта», что соотносится с указанными выводами В. И. Тюпы о мифологеме «сибирского текста»: Сибирь характеризуется как край лиминальной полусмерти, «открывающей проблематичную возможность личного возрождения в новом качестве и соответствующего обновления жизни» [24, с. 35]. В травелоге Н. В. Шелгунова как на уровне эксплицитного сюжета, так и на уровне имплицитно выраженной истории о путешествии в Сибирь воплощается идея о невозможности личного возрождения (трагический финал «любовного сюжета», арест и смерть Михайлова, арест Н. В. Шелгунова), глобального обновления общественной жизни (фиксируется отсутствие связи населения Сибири с идеями «новых людей»).

Список литературы

1. Алтайский текст в русской культуре. Материалы научного семинара / под ред. Т. Г. Черняевой. – Барнаул, 2002. – Вып. 1. – 131 с.
2. Алтайский текст в русской культуре. Материалы второго научного семинара / отв. ред. Т. Г. Черняева. – Барнаул, 2004. – Вып. 2. – 214 с.
3. Алтайский текст в русской культуре. Материалы третьей региональной научно-практической конференции / ред. Т. Г. Черняева, Н. В. Халина. – Барнаул, 2006. – Вып. 3. – 236 с.
4. Анисимов К. В. Русская литература и Сибирь в XIX веке: восточный травелог как дискурсивный опыт территориальной интеграции (записки путешествий П. И. Небольсина) // Сибирская идентичность в зеркале литературного текста: тропы, топосы, жанровые формы XIX–XXI веков. Серия Универсалии культуры. Вып. VI: монография / отв. ред. Н. В. Ковтун. – М.: Флинта: Наука, 2015. – С. 37–56.
5. Анисимова Е. Е. «Сибирские главы» путешествия В. А. Жуковского с цесаревичем Александром Николаевичем по России в 1837 г.: документ, биография, литература // Сибирская идентичность в зеркале литературного текста: тропы, топосы, жанровые формы XIX–XXI веков. Серия Универсалии культуры. Вып. VI: монография / отв. ред. Н. В. Ковтун. – М.: Флинта: Наука, 2015. – С. 9–37.
6. Замятин Д. Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. – СПб.: Алетейя, 2003. – 331 с.
7. Иванова Н. В. «Литературные путешествия» в Сибирь: поэтика «Писем с берегов Лены» Н. С. Щукина и «Писем из Сибири» П. А. Словова // Вестник Московского гос. областного ун-та. – Сер. Русская филология. – 2010. – № 1. – С. 186–192.
8. Кузнецов Ф. Круг Д. И. Писарева. – М.: Художественная литература, 1990. – 927 с.
9. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов, Гоголь. – М., 1988. – С. 338–340.
10. Матханова Н. П. Сибирская мемуаристика XIX века. – Новосибирск: СО РАН, 2010. – 551 с.
11. Медведева Т. В. Путешествия Н. Д. Свербеева по Сибири (1852–1854) в эпистолярном и литературном отражении // Русский травелог XVIII–XX веков: Между литературой и документом: коллективная монография. – Новосибирск: НГПУ, 2019. – С. 7–52.
12. Меднис Н. Е. Кавказ и Сибирь как два топоса русской литературы и культуры XIX века // Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы / Под ред. Т. И. Печерской, Н. В. Константиновой. – Новосибирск: НГПУ, 2016. – С. 20–36.
13. Митин И. И. Мифогеография: пространственные мифы и множественные реальности // *Communitas*. – 2005. – № 2. – С. 13.
14. Печерская Т. И. Травелог в «Русском слове»: к вопросу о редакционной тактике журнала // Русский травелог XVIII–XX веков. Коллективная монография. – Новосибирск: НГПУ, 2015. – С. 486–503.
15. Ремнев А. Вдвинуть Россию в Сибирь. Империя и русская колонизация второй половины XIX – начала XX века // Новая имперская история постсоветского пространства. – Казань, 2004. – С. 223–242.
16. Родигина Н. Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX века. – Новосибирск: НГПУ, 2006. – 343 с.
17. Серебренников Н. В. Опыт формирования областнической литературы. – Томск, 2004. – 308 с.
18. Сибирская идентичность в зеркале литературного текста: тропы, топосы, жанровые формы XIX–XXI веков. Серия Универсалии культуры. Вып. VI: монография / отв. ред. Н. В. Ковтун. – М.: Флинта: Наука, 2015. – 382 с.
19. Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: коллективная монография / отв. ред. Анисимов К. В. – Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2010. – 237 с.
20. Сибирский текст в русской культуре: к 400-летию Томска и 125-летию первого университета Сибири: [сборник статей] / Том. гос. ун-т; ред. – сост. А. П. Казаркин. – Томск: Сибирика, 2002. – 270 с.
21. Сибирский текст в русской культуре: Сб. ст. / ред. А. П. Казаркин, Н. В. Серебренников. – Томск, 2002. – Вып. 1. – 276 с.

22. Сибирь в контексте мировой культуры: Опыт самоописания: коллективная монография / научн. ред. А. П. Казаркин. – Томск, 2003. – 216 с.

23. Сибирь: взгляд извне и изнутри, духовные измерения пространства / научн. ред. И. И. Плеханова. – Иркутск, 2004. – 327 с.

24. Тюпа В. И. Мифологема Сибири: К вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филол. журнал. – Новосибирск, 2002. – № 1. – С. 27–35.

25. Тюпа В. И. Сибирский интертекст русской литературы // Тюпа В. И. Анализ художественного текста. – М., 2009. С. 254–263.

26. Чуркин М. К. Сибирь в «воображаемой географии»: к вопросу о современном научно-исследовательском дискурсе // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2014. – № 2 (2). – С. 81–85.

27. Шелгунов Н. В. Сибирь. По большой дороге // Русское слово. – 1863. – Январь. – Ч. I–VI. – С. 1–48.

28. Шелгунов Н. В. Сибирь. По большой дороге // Русское слово. – 1863. – Февраль. – Ч. VII–XII. – С. 1–39.

29. Шелгунов Н. В. Сибирь. По большой дороге // Русское слово. – 1863. – Март. – Ч. XIII–XIX. – С. 1–62.

30. Шелгунова Л. П. Из далекого прошлого // Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания: в 2-х т. – М.: Художественная литература, 1967. – Т. 2. – С. 7–257.

Natalia V. Konstantinova

The Plot of the Journey to Siberia in the Documentary Travelogues of the XIX century (Based on the Material of N. V. Shelgunov's Travel Notes "Siberia. On the High Road")

The article examines the specifics of the story of a journey to Siberia in the context of studying the evolution of the documentary travelogue of the XIX century and the "Siberian text" of Russian literature. The novelty of the research is to identify ways of plotting in a documentary travelogue in the aspect of the author's problem. The analysis of the combination of different author's strategies allows us to determine the specifics of the plot about a trip to Siberia against the background of a common tradition ("common places"). The object of the study is N. V. Shelgunov's travel notes "Siberia. On the high road", published in three issues of the magazine "Russian Word" in 1863. Thanks to the involvement of not only literary sources, but also biographical information about the author, the notes of his wife L. P. Shelgunova and the socio-political context of the creation of the text, the author's strategies that form the implicit plot of the travelogue about Siberia were revealed. By this method, it was found that, at first glance, the traditional story of a tourist and an observer traveling to Siberia, positioned by the subject of the narrative at the beginning of the travelogue, includes a plot similar to the involvement of not only literary sources, but also biographical information about the author, the notes of his wife L. P. Shelgunova and the socio-political context of the creation of the text, the author's strategies that form the implicit plot of the travelogue about Siberia were revealed. By this method, it was found that, at first glance, the traditional story of a tourist and an observer traveling to Siberia, positioned by the subject of the narrative at the beginning of the travelogue, includes a plot similar to the plot of N. G. Chernyshevsky's novel "What to do?", a narrative about Siberia as "another" Russia, in which the following are also necessary transformations, updates, discussions about possible ways of innovations, "new people" who are able to practically implement new tasks for the development of society, appeals to the reader in order to actualize in the mass consciousness the idea of the need for change, the idea of everyone's involvement in the common fate of Russia.

Key words: story about a trip to Siberia, documentary travelogue, "Siberian text", author's strategy, subject of the narrative, N. V. Shelgunov.

For citation: Konstantinova, N. V. (2023) Syuzhet o puteshestvii v Sibir' v dokumental'nykh travelogakh XIX veka (na materiale putevykh zapisok N. V. Shelgunova «Sibir'. Po bol'shoj dorozhe») [The Plot of the Journey to Siberia in the Documentary Travelogues of the XIX century (Based on the Material of N. V. Shelgunov's Travel Notes "Siberia. On the High Road")]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 60–78. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2023_3_60. EDN: KGYMDZ

References

1. CHernyaeva, T. G. (2002) (ed.) *Altajskij tekst v russkoj kul'ture. Materialy nauchnogo seminaru* [Altaic text in Russian culture. Materials of the scientific seminar]. Issue 1. Barnaul. (In Russian).
2. CHernyaeva, T. G. (2004) (ed.) *Altajskij tekst v russkoj kul'ture. Materialy vtorogo nauchnogo seminaru* [Altaic text in Russian culture. Materials of the second scientific seminar]. Issue 2. Barnaul. (In Russian).
3. CHernyaeva, T. G., Halina, N. V. (2006) (eds.) *Altajskij tekst v russkoj kul'ture. Materialy tret'ej regional'noj nauchno-praktičeskoj konferencii* [Altaic text in Russian culture. Materials of the third regional scientific and practical conference]. Issue 3. Barnaul. (In Russian).
4. Anisimov, K. V. (2015) *Russkaya literatura i Sibir' v XIX veke: vostochnyj travelog kak diskursivnyj opyt territorial'noj integracii (zapiski puteshestvij P. I. Nebolsina)* [Russian Literature and Siberia in the XIX century: Oriental travelogue as a discursive experience of territorial integration (travel notes by P. I. Nebolsin)]. *Sibirskaya identičnost' v zerkale literaturnogo teksta: tropy, toposy, zhanrovye formy XIX–XXI vekov. Seriya Universalii kul'tury. Vyp. VI: monografiya / otv. red. N. V. Kovtun* [Siberian identity in the mirror of a literary text: trails, topos, genre forms of the XIX–XXI centuries. The Universals of Culture series. Issue VI: monograph; ed. N. V. Kovtun]. Moscow: Flinta: Nauka Publ. Pp. 37–56. (In Russian).
5. Anisimova, E. E. (2015) «Sibirskie glavy» puteshestviya V. A. Zhukovskogo s cesarevičem Aleksandrom Nikolaevičem po Rossii v 1837 g.: dokument, biografiya, literatura ["Siberian chapters" of V. A. Zhukovsky's travels with Tsarevich Alexander Nikolaevich in Russia in 1837: document, biography, literature]. *Sibirskaya identičnost' v zerkale literaturnogo teksta: tropy, toposy, zhanrovye formy XIX–XXI vekov. Seriya Universalii kul'tury. Vyp. VI: monografiya / otv. red. N. V. Kovtun* [Siberian identity in the mirror of a literary text: trails, topos, genre forms of the XIX–XXI centuries. The Universals of Culture series. Issue VI: monograph / ed. N. V. Kovtun]. Moscow: Flinta: Nauka Publ. Pp. 9–37. (In Russian).
6. Zamyatin, D. N. (2003) *Gumanitarnaya geografiya: Prostranstvo i yazyk geograficheskikh obrazov* [Humanitarian geography: Space and language of geographical images]. St. Petersburg: Aleteya Publ. (In Russian).
7. Ivanova, N. V. (2010) «Literaturnye puteshestviya v Sibir': poetika «Pisem s beregov Leny» N. S. SHCHukina i «Pisem iz Sibiri» P. A. Slovcova ["Literary Travels" to Siberia: poetics of N. S. Shchukin's "Letters from the Shores of Lena" and P. A. Slovtsov's "Letters from Siberia"]. *Vestnik Moskovskogo gos. oblastnogo un-ta – Bulletin of the Moscow State Regional University. Ser. Russian philology*. No. 1. Pp. 186–192. (In Russian).
8. Kuznetsov, F. (1990) *Krug D. I. Pisareva* [Circle of D. I. Pisarev]. Moscow: Fiction Publ. (In Russian).
9. Lotman, Yu. M. (1988) *V shkole poetičeskogo slova: Pushkin. Lermontov, Gogol* [At the school of the poetic word: Pushkin. Lermontov, Gogol]. Moscow. Pp. 338–340. (In Russian).
10. Matkhanova, N. P. (2010) *Sibirskaya memuaristika XIX veka* [Siberian memoiristics of the XIX century]. Novosibirsk: SB RAS Publ. (In Russian).
11. Medvedeva, T. V. (2019) *Puteshestviya N. D. Sverbeeva po Sibiri (1852–1854) v epistolarnom i literaturnom otrazheniyah* [N. D. Sverbeev's travels in Siberia (1852–1854) in epistolary and literary reflections] *Russkij travelog XVIII–XX vekov: Mezhdz literaturoj i dokumentom*:

kollektivnaya monografiya [Russian travelogue of the XVIII–XX centuries: Between literature and document: a collective monograph]. Novosibirsk: NGPU Publ. Pp. 7–52. (In Russian).

12. Mednis, N. E. (2016) Kavkaz i Sibir' kak dva toposa russkoj literatury i kul'tury XIX veka [Caucasus and Siberia as two toposes of Russian literature and culture of the XIX century]. *Russkij travelog XVIII–XX vekov: marshruty, toposy, zhanry i narrativy. Pod red. T. I. Pecherskoj, N. V. Konstantinovoj* [Russian travelogue of the XVIII–XX centuries: routes, toposes, genres and narratives. Edited by T. I. Pecherskaya, N. V. Konstantinova]. Novosibirsk: NGPU Publ. Pp. 20–36. (In Russian).

13. Mitin, I. I. (2005) Mifogeografiya: prostranstvennye mify i mnozhestvennye real'nosti [Mythogeography: spatial myths and multiple realities]. *Communitas – Communitas*. No. 2. P. 13. (In Russian).

14. Pecherskaya, T. I. (2015) Travelog v «Russkom slove»: k voprosu o redakcionnoj taktike zhurnala [Travelogue in the "Russian Word": on the issue of editorial tactics of the journal]. *Russkij travelog XVIII–XX vekov. Kollektivnaya monografiya Russkij travelog XVIII–XX vekov. Kollektivnaya monografiya* [Russian Travelogue of the XVIII–XX centuries. Collective monograph]. Novosibirsk: NGPU Publ. Pp. 486–503. (In Russian).

15. Remnev, A. (2004) Vdvinut' Rossiya v Sibir'. Imperiya i russkaya kolonizaciya vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka [Push Siberia into Siberia. Empire and Russian colonization of the second half of the XIX – early XX century]. *Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva* [New Imperial history of the post-Soviet space]. Kazan. Pp. 223–242. (In Russian).

16. Rodigina, N. N. (2006) «Drugaya Rossiya»: obraz Sibiri v russkoj zhurnal'noj presse vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka [“Other Russia”: the image of Siberia in the Russian magazine press of the second half of the XIX – early XX century]. Novosibirsk: NGPU Publ. (In Russian).

17. Serebrennikov, N. V. (2004) Opyt formirovaniya oblastniceskoj literatury [Experience in the formation of regional literature]. Tomsk. (In Russian).

18. Kovtun, N. V. (2015) (ed.) *Sibirskaya identichnost' v zerkale literaturnogo teksta: toposy, toposy, zhanrovye formy XIX–XXI vekov. Seriya Universalii kul'tury. Vyp. VI: monografiya, otv. red. N. V. Kovtun* [Siberian identity in the mirror of a literary text: toposes, toposes, genre forms of the XIX–XXI centuries. The Universals of Culture series. Issue VI: monograph]. Moscow: Flinta: Nauka Publ. (In Russian).

19. Anisimov, K. V. (2010) (ed.) *Sibirskij tekst v nacional'nom syuzhetnom prostranstve: kollektivnaya monografiya. Otv. red. Anisimov K. V.* [The Siberian text in the national plot space: a collective monograph]. Krasnoyarsk: Sib. Federal University Publ. (In Russian).

20. Kazarkin, A. P. (2002) (ed.) *Sibirskij tekst v russkoj kul'ture: k 400-letiyu Tomska i 125-letiyu pervogo universiteta Sibiri: [sbornik statej] Tom. gos. un-t; red. – sost. A. P. Kazarkin* [Siberian text in Russian culture: to the 400th anniversary of Tomsk and the 125th anniversary of the first University of Siberia: collection of articles. Tomsk State University]. Tomsk: Sibirika Publ. (In Russian).

21. Kazarkin, A. P., Serebrennikov, N. V. (2002) (eds.) *Sibirskij tekst v russkoj kul'ture: Sb. st. Vyp. 1* [Siberian text in Russian culture: Collection of Articles. Issue 1]. Tomsk. (In Russian).

22. Kazarkin, A. P., Serebrennikov, N. V. (2003) (eds.) *Sibir' v kontekste mirovoj kul'tury: Opyt samoopisaniya* [Siberia in the context of world culture: The experience of self-description]. Tomsk. (In Russian).

23. Plechanova, I. I. (2004) (ed.) *Sibir': vzglyad izvne i iznutri, duhovnye izmereniya prostranstva* [Siberia: a view from the outside and from the inside, spiritual dimensions of space]. Irkutsk. (In Russian).

24. Tyupa, V. I. (2002) Mifologema Sibiri: K voprosu o «sibirskom tekste» russkoj literatury [The Mythologeme of Siberia: On the question of the "Siberian text" of Russian literature]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal – Siberian Philological Journal*. No. 1. Pp. 27–35. (In Russian).

25. Tyupa, V. I. (2009) Sibirskij intertekst russkoj literatury [Siberian intertext of Russian literature] Tyupa V. I. *Analiz hudozhestvennogo teksta* [Tyupa V. I. Analysis of a literary text]. Moscow. Pp. 254–263. (In Russian).

26. Churkin, M. K. (2014) Sibir' v «voobrazhaemoj geografii»: k voprosu o sovremennom nauchno-issledovatel'skom diskurse [Siberia in "imaginary geography": on the question of modern scientific research discourse]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie*

nauki» – *Bulletin of Omsk University. The series "Historical Sciences"*. No. 2 (2). Pp. 81–85. (In Russian).

27. Shelgunov, N. V. (1863) Sibir'. Po bol'shoj doroge [Siberia. On the high road] *Russkoe slovo – Russian word*. January. P. I–VI. Pp. 1–48. (In Russian).

28. Shelgunov, N. V. (1863) Sibir'. Po bol'shoj doroge [Siberia. On the high road] *Russkoe slovo – Russian word*. February. P. VII–XII. Pp. 1–39. (In Russian).

29. Shelgunov, N. V. (1863) Sibir'. Po bol'shoj doroge [Siberia. On the high road] *Russkoe slovo – Russian word*. March. P. XIII–XIX. Pp. 1–62. (In Russian).

30. Shelgunova, L. P. (1967) Iz dalekogo proshlogo [From the distant past] SHelgunov, N. V., SHelgunova, L. P., Mihajlov, M. L. *Vospominaniya: v 2-h t.* [Shelgunov, N. V., Shelgunova, L. P., Mikhailov, M. L. *Memoirs: in 2 volumes*]. Moscow: Fiction Publ. Vol. 2. Pp. 7–257. (In Russian).

дата получения: 27.06.2023 г.

дата принятия: 15.07.2023 г.

дата публикации: 30.09.2023 г.

date of receiving: 27 June 2023

date of acceptance: 15 July 2023

date of publication: 30 September 2023

Т. В. Мальцева

Стратегия топонимической номинации чужого пространства в восточном посольском дискурсе

В статье представлен анализ номинаций ландшафтных объектов чужого пространства в путевых документах российского императорского посольства в Персию 1816–1817 годов под руководством генерала А. П. Ермолова. Материал статьи – путевые тревелогии сотрудников посольства А. Е. Соколова («Дневные записки о путешествии русского императорского посольства в Персии в 1816 и 1817 годах, веденные советником этого посольства А. Е. Соколовым») и В. П. Бороздны («Краткое описание путешествия российско-императорского посольства в Персию в 1817 году»). Эти документы восточного посольского дискурса рассматриваются как часть такого тематического единства, как восточный текст русской литературы. Важнейшей константой посольского текста является фиксация иноязычных топонимических номинаций чужого пространства. Для описания географических номинаций применены средства топонимического анализа. Топоним рассматривается в статье как языковой знак для обозначения вида ландшафтного (природного или рукотворного) объекта и как элемент поэтики произведений, характеризующий текстовый топос/локус. Анализ номинаций ландшафтных объектов чужого пространства в путевых документах показал, что выбор способа фиксации топонимических номинаций и их сопровождения является стратегией автора, демонстрируя его функциональную роль в служебном посольском тексте с помощью «я»-повествования и включения личных комментариев к названиям географических объектов.

Ключевые слова: документальная проза, восточный текст, посольский дискурс, топонимическая номинация, топос, авторская стратегия.

Для цитирования: Мальцева Т. В. Стратегия топонимической номинации чужого пространства в восточном посольском дискурсе // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 3. – С. 79–95. DOI: 10.35231/ 25419803_2023_3_79. EDN: KPJBDE

Дипломатические связи России с ближневосточными соседями – Персией и Османской империей – имеют длительную историю¹ [9; 8; 18]. Так, исследователь К. А. Жуков отмечает, что «обмен посольствами и гонцами между Москвой и Царьградом на протяжении XVI–XVII веков был довольно интенсивным» [9, с. 148], а с Персией, по материалам Л. М. Ку-

¹ См., например: Андропова Е. В. Русско-иранские торгово-экономические и дипломатические отношения в XVII – первой половине XVIII века: дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. 292 с.
© Мальцева Т. В., 2023

лагиной, с конца XVI века Россия стала постоянно «обмениваться посольствами» [10, с. 7]. О стабильности и желательной долгосрочности этих связей свидетельствует тот факт, что в 1720 году в Коллегии иностранных дел Петром I была создана специальная «Ориентальная экспедиция»¹, так как политические, военные, торговые интересы России в Закавказье и на Ближнем Востоке подталкивали к постоянным контактам, регулярным посещениям интересующих Россию территорий посольскими служащими, купцами, военными еще со времен Петра I, мечтавшего найти торговый путь через Астрахань и Кавказ в Индию [21, с. 7]. Такие контакты имели письменную фиксацию в записках, путевых журналах, путевых дневниках. Этот пласт материалов, имеющих ценность как первоисточник сведений о юго-восточных приграничных странах, практически не изучен. Такие материалы представляют интерес и как документальные, и как литературные источники, поскольку являются частью такого текстового единства, как восточный текст русской литературы, «идентификационный потенциал» которого еще «не до конца оценен»². Следует отметить, что ближневосточные травелоги уже рассматривались исследователями, но материалом изучения являлись по большей части литературные и беллетристические «кавказские» травелоги³ [2; 6; 7; 14; 17 и др.]. В плане изучения документального путевого травелога следует отметить работу М. В. Строганова и Е. Г. Милутиной [15] и научного коллектива Новосибирского государственного педагогического университета по систематизации травелогов, в том числе и документальных [20].

В данной статье мы обратимся к документам русских посольств в Персию, которые рассматриваем как примеры документальной и документально-публицистической прозы восточного текста. Частично эти тексты рассматривались историками как исторические документы⁴ [5; 11; 24 и др.],

¹ Дипломатический словарь. Гл. ред. А. С. Вышинский, А. С. Лозновский. М., 1948 // Вспомогательный проект портала Хронос. Посольский приказ. Электронный ресурс. URL: <http://ponjatija.ru/node/13591> (дата обращения: 01.04.2023).

² Алексеев П. В. Восток и восточный текст русской литературы первой половины XIX века: концептосфера русского ориентализма: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2015. С. 3.

³ См., например, диссертационные исследования: Савченко Т. Д. Литература путешествий о Кавказе второй половины XX века: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2009. 200 с.; Степанова Е. А. Кавказская фабула в русской литературе XIX–XX веков: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2004. 186 с.; Романенко С. М. Кавказский миф в русском романтизме и его эволюция в творчестве Я. П. Полонского: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006. 201 с.; Нурбагандова Л. А. Кавказская публицистика А. А. Бестужева-Марлинского: дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2008. 202 с.

⁴ См., например: Миклухо-Маклай И. Д. «Записки» С. Аврамова об Иране как исторический источник // Ученые записки ЛГУ. 1952. Электронный ресурс. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XVIII/1720-1740/Avramov_S/fragment1.htm (дата обращения: 01.04.2023).

но до настоящего времени объектом литературоведческого интереса такие тексты не были. Считаем, что тексты посольского дискурса находятся на стыке документа и литературы, имеют сюжетное ядро, важной частью которого является топонимическая номинация как способ освоения чужого пространства. Топоним в них является не только языковым знаком для обозначения ландшафтного объекта, но и элементом поэтики, в описании которого проявляется авторское начало. Выбор способа фиксации топонимической номинации и ее сопровождения является прерогативой автора, демонстрируя его функциональную роль в служебном посольском тексте: авторы включают в текст личные комментарии и описания самого ландшафтного объекта. Цель исследования – выявить формы проявления авторского начала в сопровождении топонимических номинаций чужого ландшафта в восточных посольских путевых журналах.

Материалы и методы

Материалом исследования служат тексты участников русско-персидских дипломатических миссий, представляющих описание Востока в соответствии с профессиональными задачами авторов. Речь в статье пойдет о документах первого масштабного восточного посольства – российского императорского посольства в Персию 1816–1817 годов под руководством генерала А. П. Ермолова. Цель посольства – закрепление результатов войны 1806–1812 гг. между Персией и Россией. Завершилась война Гюлистанским мирным договором 1813 года, в котором Персия признавала переход к России большей части своих восточных провинций. Позже персидская сторона просила императора Александра I вернуть часть пограничных территорий. Для ответа было отправлено посольство во главе с Ермоловым с целью «не поддаваться ни в какой мере на домогательства двора Персидского о уступке земель» [23, с. 8] и установить точные территориальные границы договора.

В данной статье представлен анализ способов фиксации номинаций ландшафтных объектов чужого пространства в путевых документах, которые велись сотрудниками посольства. В статье будет использован следующий материал: «Дневные записки о путешествии русского императорского

посольства в Персии в 1816 и 1817 годах, веденные советником этого посольства А. Е. Соколовым» и «Краткое описание путешествия российско-императорского посольства в Персию в 1817 году», составленное советником канцелярии посольства Василием Петровичем Бороздной.

Методика анализа текстов посольского дискурса, к которым мы причисляем указанные тексты, предложена нами в статье «Образ Востока в посольском дискурсе (введение в тему)» [13]. В рамках этой методики важнейшим элементом посольского дискурса является «топонимическая номинация как способ картографирования чужого пространства» [13, с. 106]. Особенности материала вызывают необходимость обращения к средствам топонимического анализа. Такой инструментарий разработан в рамках этнолингвистики, при исследовании межкультурных связей и национальных языковых картин мира, так как топонимический лексикон целиком определяется особенностями материальных условий и истории развития соответствующего этноса. Также применены средства анализа топонимов-иранизмов, предложенные в исследовании Н. Абдалтаджедини [1]. Мы также согласны с мнением исследователя Е. Ф. Котлас, что топонимическая номинация окружающего мира «представляет собой один из системообразующих способов вербализации действительности, отражает корреляцию историко-социальных, языковых и этнокультурных аспектов развития народов»¹, поэтому, с нашей точки зрения, топоним обозначает не только географический фрагмент ландшафта, но включает его в систему связей национальной картины мира. Топоним рассматривается в статье как языковой знак для обозначения вида ландшафтного (природного или рукотворного) объекта и как элемент поэтики произведения, характеризующий текстовый топос/локус и определяющий роль автора.

Топонимическая номинация как способ освоения чужого пространства

Точных карт местности, по которой должен был проходить маршрут посольства А. П. Ермолова, еще не было, хотя в Воен-

¹ Ковлас Е. Ф. Особенности формирования топонимической картины мира: лексико-прагматический и этнокультурный аспекты: дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2009. С. 5. Электронный ресурс. URL: <https://www.disscat.com/content/osobennosti-formirovaniya-toponimicheskoi-kartiny-mira-leksiko-pragmaticheskii-i-etnokulturn> (дата обращения: 14.04.2023).

ном ведомстве с 1796 года уже действовало Депо карт¹. Первая официальная «Столистовая» карта 1816 года включала северные территории России, западные территории до Польши, восточные до Тобольска и южные до Хивы². Не было и карт границ обретенных территорий. Первая карта прикаспийских земель была составлена А. И. Хатовым³ в 1819 году (напечатана в 1828 г.), поэтому необходимо было описание границы и самих новых территорий, так как, по свидетельству управляющего Иностранной коллегией К. В. Нессельроде, «все сведения о сей границе заключаются в одной только черте, означенной на весьма неверных картах через места, кои поименованы в статьях договора»⁴ [З, с. 117]. Таким образом, одной из задач посольской миссии Ермолова было тщательное изучение новых земель, в том числе документирование маршрута, приобретение «достоверных сведений о числе ханств, городов, селений, дорогах, особенно, ведущих в Индию, Бухару и Хиву»⁵. Впрочем, эта задача сопровождала Ермолова всю пору его наместничества на Кавказе (см. об этом: [24]).

Сам А. П. Ермолов в письме другу А. А. Закревскому 22 октября 1817 года уже по итогам посольства отмечал, какие трудности его поджидали: «С тобою как с другом я могу говорить откровенно: вообрази положение мое! Совсем не знаю дело, никогда не входит в голову военного человека приготовлять себя на подобное препоручение. Отправляюсь в такую землю, о которой ни малейшего понятия не имею; получаю инструкцию, против которой должен поступать с самого первого шагу, ибо она основана на том же самом незнании о земле» [22, с. 245]. Исправление «незнания о земле» представлялось актуальной задачей, и этому

¹ Глушков В. В. Становление и развитие военной картографии в России: XVIII – начало XX в.: дис. ...д-ра геогр. наук. М., 2003. 450 с. Электронный ресурс. URL: <https://www.dissercat.com/content/stanovlenie-i-razvitiye-voennoi-kartografi-v-rossii-xviii-nachalo-xx-v/read> (дата обращения: 14.05.2023).

² Подробная карта Российской империи и близлежащих заграничных владений. Сочинена, гравирована и печатана при Собственном Его Императорского Величества Депо карт. СПб., 1816. Электронный ресурс. URL: <https://geoportals.rgo.ru/catalog/topograficheskie-karty/podrobnaia-karta-rossiyskoy-imperii-i-blizlezhashchih-zagranichnykh> (дата обращения: 14.05.2023).

³ Хатов А. И. Генеральная карта земель, между Черным и Каспийским морями лежащих, с означением новой границы России с Персией. Датирована по обозначенной границе Российской империи с Персией по Туркманчайскому мирному договору 1828 г. СПб. Военно-топографическое депо, 1828. Электронный ресурс. URL: <https://elck.ru/ZP6N2> (дата обращения: 14.05.2023).

⁴ По Гюлистанскому договору России отходили следующие территории восточных провинций Персии: ханства Карабахское, Гянджинское, Ширванское, Шекинское, Дербентское, Кубинское, Бакинское, Талышское, часть Лянкаранского, Дагестан, Карли, Кахетия, Мегрелия, Имеретия, Гурия, Абхазия.

⁵ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис: Тип. гл. упр. Наместника Кавказа, 1866–1904. Т. 6. Ч. 2: [Кавказ и Закавказье за время управления генерал от инфантерии Алексея Петровича Ермолова, 1816–1827] / под ред. Ад. Берже, 1875. Электронный ресурс. URL: <http://elb.shpl.ru/ru/nodes/1761-t-6-ch-2-kavkaz-i-zakavkazie-za-vremya-upravleniya-general-ot-infanterii-alekseya-petrovicha-ermolova-1816-1827-1875#mode/inspect/page/57/zoom/5> (дата обращения: 03.05.2023).

должна была способствовать точная фиксация маршрута, в том числе и топонимических обозначений.

В маршруте посольства сразу же были заложены границы трех территорий: своей, условно своей (новообретенной) и чужой. И само посольство было разделено на три этапа: инспекция внутренних границ отошедших по договору территорий, маршрут до границы с Персией и маршрут по Персии до Султаннии (летней резиденции шаха. – Т. М.). Маркируют эти территории хоронимы¹ Тифлис (это пограничье между своей и новообретенной территорией) и крепость Талынь, за которой начиналась Персия. Хороним Тифлис маркирует границу между своей и условно своей территорией указанием на возможность военной угрозы с новообретенных земель. Как отмечал А. Е. Соколов, «из Грузии в Персию есть несколько путей, более или менее затруднительных, ибо все идут чрез горы и ущелья» [23, с. 9]. Выбор был возможен между «кратчайшей» и «удобнейшей» дорогой. Удобство заключалось не в физических преимуществах дороги, а в возможных «вспоможениях» воинских приграничных команд на случай набегов. Из Тифлиса перед выездом в Персию Ермолов и его служащие объехали внутренние границы перешедших по Гюлистанскому договору бывших персидских территорий: «Отдельного Грузинского корпуса обер-квартирмейстер полковник Иванов и гвардейского генерального штаба штабс-капитан Муравьев 2-й, первый в Талышинское ханство, а второй на дистанцию областей: Барчалинской, Бамбакской, Шуррагельской, Шамшиадильской и Казахской. Сам же 2-й генерал Ермолов отправился на главнейшие пункты границ в области Елисаветопольскую и Карабагскую» [23, с. 7].

Хороним Талынь маркирует условно свою и чужую территорию не только как разное по государственной принадлежности, но и ментально различное пространство: границей своего и чужого миров служит православный Эчьмиадзинский монастырь за крепостью Талынь, «всегдашнее место пребывания Армянского патриарха». Далее простирается мусульманский мир. Физической границей между своим и чужим пространством является речка Арпачай: здесь сходятся границы Грузии, Турции, Ериванской области и Персии.

¹ Хороним (от греч. *ὄρος* – межевой знак, граница) – топоним, являющийся названием пограничной местности.

«Дневные записки» и «Краткое описание путешествия» являются путевыми журналами и представляют собой динамический текст, фиксирующий перемещение в пространстве и времени. Маршрут служит основным приемом организации текста, способом развертывания сюжета путешествия. При этом ведение посольского путевого журнала – обязательная служебная процедура с фиксацией мест и времени стоянки посольской миссии.

Путешествия на Восток были длительные и опасные, поэтому в первую очередь отмечаются сами географические объекты, расстояния между ними и время перемещения из одного пункта в другой. Время движения исчисляется в местных единицах времени или пространства, но в исследуемых текстах авторы переводят их и в привычные национальные, например: «Персияне считают от Эч-Миадзина до города Эривани не более трех фарсангов (то есть трех часов езды; или 18 верст); в сей переход сделали два фарсанга [4, с. 37]; «От Тавриза до Тегерана считается более 80 агачей, или около 600 верст. От Тавриза же до Уджана агачей 7 или с небольшим 40 верст; а из Султани в Тегеран 24 агача, или около 150 верст, следовательно от Тавриза до Султаши предстояло еще верст с 450» (орфография оригинала. – Т. М.) [23, с. 14].

Фиксация топонимических номинаций является важной составляющей посольского травелога как способ описания чужого географического пространства. Точность и узнаваемость здесь очень важны, поэтому новая территория документируется в обильной топонимике осваиваемого пространства, как только недавно вошедшего в состав России, так и чужого. В текстах отмечаются все географические точки местности по ходу движения посольского обоза, привязанные к срокам пребывания в этих местах. Так, в исследуемых текстах обнаружено более 100 топонимов. Большинство из них представляют собой ландшафтные топонимы, например: «Главные пункты, чрез которые шла дорога от Коды, суть: переправа вброд чрез реку Храм или Кцию, Емир Айвазлы, ущелье у моста чрез речку Ахкерти, Ахзы Беюк, переправа чрез речку Джемал-Оглу или Каменную в долине Ларийской горы и ущелья Безабдальские до Караклиса, а из сей крепости до Гумри» [23, с. 11].

Сложный рельеф местности дает возможность включить в текст разные виды ландшафтных географических объектов, среди которых гидронимы: река Аджи-Чай, река Кизиль Узун, речка Джемал-Оглу, река Кция/Кция, речка Арпачай, Арагва, Зенган, речка Гяныр, речка Нахичевани-Чай, речка Гюзагат, речка Васмич, речка Джам-чай, речка Ям-чай, речка Зелулу; оронимы: гора Аз-Беюк/Агзы-Беюк/Ахзы Беюк, горы Кафланку, урочище Караван-Сарай-Халагу, Ларийская гора, ущелья Безабдальские, урочище Акзы-Беюк, гора Безабдал; ойконимы: Талынь, Девалу, Норошан/Норошена/Норашена, Маранд, Софиана, Саглан, Тавриз/Таврис, Астабад, Синджил-Абад/Синджил-Аббад/Синджил-Абат, Харзан, Аванлык, Варзаган, Туркманчай, Джамал-Абат, Миана, Енгидж, Зенган, Саман-Архи, Каравансарай, Кыблеи-Алем, Зенган, Тавриз (по-тамашинскому Тебриз), Джульфа, Маранд, Дюгюн/Дюгун, Сиодоун, Султанйэ/Султанья; а также кратонимы, часть из которых являются историческими названиями: Ирак (по-персидски Араз), Турция (Туреция, Порта, Порта Оттоманская, Оттоманская империя), Азербиджан/Азербейджан. (Способы ландшафтных описаний в восточной документальной прозе см. также в статье: [12, с. 7–29]).

Следует отметить, что авторы впервые фиксируют персонифицированные названия топонимических объектов на русском языке, избирая определенную стратегию и формируя топонимическую норму и стандарт картографической топонимики в посольском тексте. Избранная стратегия способов топонимической номинации закрепится в большинстве текстов, а именно: тщательная побуквенная передача иноязычных названий в русской транскрипции, выбор транскрипции и формы записи иноязычного названия, возможное/желательное сопровождение топонима переводом на русский язык, передача вариантов персидских топонимов как фонетических, так и графических. Как совершенно новые слова топонимы часто выделяются авторами в тексте жирным шрифтом, курсивом или подчеркиванием. В топонимических номинациях пока нет четкости, но авторы к ней стремятся в желании добиться максимально правильной передачи структуры слова и фонем, непривычных русскому слуху. Отсюда варианты слитного и раздельного написания (например, слитное или

раздельное написание морфа 'чай' в составе гидронима; или написание морфа 'сарай' в составе ойконима).

Отметим, что топонимы не всегда точно передают звучание иноязычных географических объектов, авторы колеблются и дают несколько вариантов их записи, например: *Енгидже/Иенгидже, Саман-Арх/Саман-Архи/Саманархи, Эговерт/Эгварт, Норошан/Норошена, Аз-Беюк/Агзы-Беюк/Ахзы Беюк, Синджил-Абад/Синджил-Аббад/Синджил-Абат* и др. В текстах дается несколько вариантов названия для выбора более точного именованя места при последующем описании события или для картографирования, поскольку эта проблема не будет решена в течение всего XIX века¹. Так, археографическая комиссия при наместнике Кавказа при подготовке к печати документов, собранных комиссией, отмечала, что у разных авторов, писавших документы, встречается различное написание имен собственных, и «устранение подобных неточностей становилось иногда положительно невозможно <...> преимущественно в отношении географических имен, так как названия местностей, урочищ, гор и т. п., о которых упоминалось в документах, весьма часто не оказывалось ни на старых, ни на новейших картах» [3, с. 1]. Еще одним фактором, усложняющим процесс фиксации географических имен, является вариативная адаптация персоязычных географических наименований местным населением, проживающим на территориях, подвластных Персии, но говорящим на родных языках (см. об этом: [1, с. 164]). Так что документы посольства дали обильный материал для уточнения географических названий земель Восточного Кавказа и Персии.

Служебную задачу фиксации ландшафтных наименований дополняет авторская стратегия их описания, так как выбор способа сопровождения топонима является прерогативой автора, демонстрируя его функциональную роль даже в служебном тексте. В авторских комментариях к топонимам ак-

¹ Каждый издатель применял свои правила передачи топонимов в документальных текстах. Так, при перепечатке в «Русской старине» одного из первых русских путевых журналов – «Журнала путешествия по Германии, Голландии и Италии в 1697–1699 г., веденного советником при Великом посольстве русском к владетелям разных стран Европы» (напечатан малым тиражом в 1699 г. и стал библиографической редкостью) – составитель и автор комментариев к документу И. Ф. Горбунов отмечал: «При печатании <...> дневника <...> не обращалось вовсе внимания на названия местностей <...> страшно искаженные!» Издатель принял такую стратегию передачи географических названий: «...принято нами искаженное название сохранить, но в скобках подле проставить латинским шрифтом подлинное географическое имя местности. Через это читатель получает возможность следить за путешествием и приурочивать описания к своим местам, без изменения поправок рукописи, с которой может совсем стереться характер эпохи, если принятая изменять малопонятное, может быть, весьма своеобразное слово автора, более вразумительными, новыми» [19, с. 105].

тивно присутствует личностное начало. Так, топонимическая запись в документах посольства часто сопровождается переводами местных названий на русский язык, например: «На самой вершине горы по обоим сторонам дороги лежат два больших камня и представляют как бы пасть отверстую; почему называется гора сия Агзы-Беюк, что в переводе означает большая пасть. Русские же называют место сие Волчьими воротами» [4, с. 19–20]; «Озеро Кара-су (черная вода)» [4, с. 33]; «Гора Илан Даго (то есть змеиная)» [4, с. 52]; «Спуск ведет к реке Кизил-Озук, или Золотой Перстень» [4, с. 134]; «Мы остановились у Ах-Корни, или бабьего моста» [4; с. 13–14].

Иногда авторы дают комментарии к топонимам, указывая на природные особенности ландшафтных объектов: «Сия переправа, называемая Джелал-Оглу, достойна того, чтобы сказать о ней пространнее. Берега каменной речки представляют совершенную бездну: они состоят из скал и больших отдельных камней. Дорога вниз проведена излучинами; огромные камни, ужасными громадами тут лежащие, заставляют лошадь на каждом шагу спотыкаться. Мы ехали вдоль каменной речки, коей берега по мере возвышения земли, час от часу становились крутее, так что, стоя на самом берегу речки, мы не могли видеть воды, ибо речка узка, и противный берег закрывал от нас ужасную пропасть» (орфография оригинала. – Т. М.) [4, с. 17]; «Гора Безабдал усеяна роцями и ограничивается во многих местах большими оврагами, что представляет родные картины» [4, с. 32].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что авторы стремятся не только точно зафиксировать новое пространство в топонимическом лексиконе, но и принять его ментально, с особенностями и места, и нравов. Об этом свидетельствует, например, следующий фрагмент: «Мы пробыли в Эривани три дня. Сей город, как один из значимых в Персии, давал нам понятие и о других городах; он знакомил нас несколько с жителями, их обычаями и образом жизни и первый представил нам любопытную картину, которую обзрели мы сначала поверхностно, дабы в продолжение времени рассмотреть подробнее» (подчеркнуто здесь и далее в цитатах нами. – Т. М.) [4, с. 50]. Отметим явное любопытство автора и желание узнать больше об этом месте. Более

того, необычная природа чужого края принуждает авторов намеренно отойти от правил ведения служебного путевого журнала, насыщая его подробностями чужого ландшафта и быта, показать свое «лицо», включив в текст личные комментарии, что свидетельствует о беллетризации документального текста: *«Отступив от порядка журнала нашего, желал я удовлетворить сколько можно читателя на счет предметов, кои, так сказать, первые представляются путешественнику. Хотя по сущности своей они маловажны, но по новости довольно любопытны»* [4, с. 45].

Авторы описывают практически каждую точку чужого географического пространства: описания иногда лапидарны, иногда пространны, сопряжены с климатическими и ландшафтными характеристиками, которые строятся на противопоставлении «здесь» и «там» (у себя на родине). Парадоксально, но в этих описаниях постепенно исчезает дихотомия «свой»/«чужой», появляется иное отношение к чужому месту, даже чувство слиянности с ним: *«Я пошел в рощу; несколько фруктовых деревьев манили своей тенью, близтекущий ручеек разливал прохладу; прекрасная муравья, изобилующая клевером, наполняла воздух благоуханием; пение разных, не известных мне птиц и дыхание весны придавали природе еще более жизни. Какое-то необыкновенное чувство овладело мною; увидев камень, окруженный высокою травой, я сел и предался размышлению. Мысленный взор мой обратился на то ужасное расстояние, которое отделяло меня от родины; тысяча неизъяснимых ощущений наполнили душу; воображение переносило меня от знойного полдня на хладный север, оно останавливалось на каждом предмете, имевшем на меня влияние, занимавшем место в моем сердце* [4; с. 51–52]. Понятно, что автор грустит вдали от дома, но «необыкновенное чувство» навеяно местной природой, которая становится эстетическим эквивалентом родных просторов, выступающих в качестве эталона¹. Форма перволичного высказывания свидетельствует об открытой авторской позиции.

В исследуемых текстах описываются особенности рукотворного ландшафта, обусловленного условиями местно-

¹ Василий Петрович Бороздна принадлежал к роду черниговских дворян. Родился в д. Медведково Стародубского уезда Черниговской губернии – местности, отличающейся плодородием земель и богатой природой.

го домостроения: бассейны, открытые террасы, зеркальные и стеклянные украшения интерьеров, например: «Пространная долина, горами окруженная, на которой на некотором возвышении Аббас-мирза выстроил дворец изрядно отделанный, но еще не совсем законченный. Пред главною оною фасадою обширный террас и пред сим регулярный четырех-угольник во всю ширину терраса и с отводами в обе стороны, деревьями обсаженными (орфография оригинала. – Т. М.) [23, с. 26].

Таким образом, топонимическое освоение местности сопровождается достаточно подробными натурными описаниями как географических, так и рукотворных объектов, которые вызывают любопытство и удивление как не похожие на «свое». В неизбежный в посольском травелоге документализм точной фиксации включается эстетический код идеального ландшафта, сопоставляемого по шкале похожее/не похожее на пейзаж родины: через «свое» осознается «чужое».

Обсуждение и выводы

В статье рассмотрены тексты участников русско-персидских дипломатических миссий, представляющих специфическое описание Востока в соответствии с профессиональными задачами авторов, в частности, документы первого масштабного российского императорского посольства в Персию 1816–1817 годов под руководством генерала А. П. Ермолова. Материалом статьи являются служебные документы сотрудников посольства А. Е. Соколова («Дневные записки о путешествии русского императорского посольства в Персии в 1816 и 1817 годах, веденные советником этого посольства А. Е. Соколовым») и В. П. Бороздны («Краткое описание путешествия российско-императорского посольства в Персию в 1817 году»). Эти документы восточного посольского дискурса входят в тематическое единство восточного текста русской литературы. Как показал анализ, фиксация топонимических номинаций является важной составляющей посольского травелога как способ освоения чужого пространства. Она формирует топонимическую культуру и создает топонимическую норму. Топоним становится не просто языковым знаком для обозначения вида ландшафтного (природного или рукотворного) объекта, но и элементом поэтики произведения, ха-

рактизирующим текстовый топос/локус. Сопровождение топонима в тексте проявляет образ автора. Анализ номинаций ландшафтных объектов чужого пространства в путевых документах показал, что выбор способа фиксации топонимов и их сопровождения является прерогативой автора, демонстрируя его функциональную роль в служебном посольском тексте с помощью «я»-повествования и включения личных комментариев к названиям природных и рукотворных ландшафтных объектов. В результате иноязычные топонимы, созданные средствами языка-номинатора, входят в общенациональный русский топонимический лексикон, то есть осваиваются как единицы языка и единицы ментального пространства. Описания, сопровождающие топонимическую номинацию, сопряжены с климатическими и ландшафтными характеристиками, которые строятся на авторском противопоставлении «свой»/«чужой», «здесь»/«там» (у себя на родине). Необычная природа чужого края подталкивает авторов насытить путевой посольский журнал подробностями чужого ландшафта и быта, показать свое «лицо», включив в текст личные комментарии, свидетельствующие о беллетризации документального текста.

Список литературы

1. Абдалтаджедини Н. Топонимы-иранизмы в «Путевых заметках» и письмах А. С. Грибоедова: к норме картографической топонимики Кавказа XIX в. // Вестник СПбГУ. Сер. 9. – 2014. – Вып. 3. – С. 163–167.
2. Алексеев П. В. Русский ориентальный травелог как жанр путевой прозы конца XVIII – первой трети XIX века // Филология и человек. – 2014. – № 2. – С. 34–46.
3. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией /Археографическое главное управление Наместника Кавказского. – Тифлис: Типография гл. управления Наместника Кавказского, 1866–1904. – Т. 6., Ч. 2: [Кавказ и Закавказье за время управления генерала от инфантерии Алексея Петровича Ермолова. 1816–1827] / под ред. Ад. Берже, 1875. – [2], II, 950 с.
4. [Бороздна В.] Краткое описание путешествия российско-императорского посольства в Персию в 1817 году, Василия Бороздны. – СПб.: при императорской Академии наук, 1821. – 280 с.
5. Бушев П. П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586–1612 гг. (по русским архивам). – М.: Наука, 1976. – 280 с.
6. Виноградов Б. С. Кавказ в русской литературе 30-х годов XIX века (Очерки). – Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1966. – 286 с.
7. Гаджиев А. Кавказ в русской литературе первой половины XIX века. – Баку: Язычы, 1982. – 158 с.

8. Данциг Б. М. Ближний Восток в русской науке и литературе. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1973. – 440 с.

9. Жуков К. А. Отношения России и Османский Турция в конце XV – начале XX вв. // Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время. – СПб.: Студия НП-Принт, 2011. – С. 117–136.

10. Кулагина Л. М. Россия и Иран (XIX – начало XX века) / Российская академия наук; Институт востоковедения. – М.: Ключ-С., 2010. – 271 с.

11. Курукин И. В. «Ориентальных дел секретарь» Семен Аврамов. Дипломат Петра I в Иране и на Кавказе // Ориенталистика. – 2023. – № 6 (1). – С. 87–96.

12. Мальцева Т. В. Изображение природы в русской документальной прозе второй половины XIX века // Природа в художественном слове. Идеи и стиль. Сборник научных статей / под ред. Гринфельд-Зингурс Т. Я. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкин, 2008. С. 7–29.

13. Мальцева Т. В. Образ Востока в посольском дискурсе (введение в тему) // Исследовательский журнал русского языка и литературы. – 2022. – Т. 10., Вып. 2. – С. 97–117.

14. Меднис Н. Е. Кавказ и Сибирь как два топоса русской литературы и культуры XIX века // Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы: коллективная монография / под ред. Т. И. Печерской, Н. В. Константиновой. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. – С. 20–37.

15. Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Русская культура в зеркале путешествий: монография. – Тверь, 2013. – 176 с.

16. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / Веселовский Н. И. – Т. 1–3. – СПб., 1890–18098.

17. Пономарева А. А. Деромантизация Кавказа в «кавказских» травелогах XIX века // Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы: коллективная монография / под ред. Т. И. Печерской, Н. В. Константиновой. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. – С. 69–91.

18. Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время / Под редакцией Н. Н. Дьякова и Н. А. Самойлова. – СПб.: Студия НП-Принт, 2011. – 392 с.

19. Журнал путешествия по Германии, Голландии и Италии в 1697–1699 г., веденный советником при Великом посольстве русском к владетелям разных стран Европы / сост. и прим. И. Ф. Горбунова // Русская старина. – 1879. – Т. XXV. – С. 101–132.

20. Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы: коллективная монография / под ред. Т. И. Печерской, Н. В. Константиновой. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. – 461 с.

21. Саймонов С. И. Описание Каспийского моря и чиненых на оных российских завоеваний, яко часть истории государя императора Петра Великого. – СПб.: при Императорской Академии наук, 1763. – 380 с.

22. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. – СПб., 1867–1916. – Т. 73: Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского: Ч. 1. / Изд. под ред. Н. Ф. Дубровина. – 1890. – XVIII, XVI, 616 с.

23. Соколов А. Е. Дневные записки о путешествии русского императорского посольства в Персии в 1816 и 1817 годах, веденные советником этого посольства А. Е. Соколовым. – М.: Императорское общество истории и древностей российских, 1910. – 48 с.

24. Ткаченко Д. С. Организация изучения сопредельных Кавказу земель А. П. Ермоловым в 1816–1823 гг. // Вестник Армави́рского государственного технического университета. – 2020. – № 2. – С. 69–76.

Tatiana V. Maltseva

The Strategy of Toponymic Nomination of Foreign Space in the Eastern Embassy Discourse

The article presents an analysis of the nominations of landscape objects of alien space in travel documents Russian imperial embassy to Persia in 1816–1817 under the leadership of General A. P. Yermolov. The material of the article is official documents of the embassy staff: "Daytime notes on the journey of the Russian imperial embassy in Persia in 1816 and 1817, kept by the adviser of this embassy A. E. Sokolov" and "A brief description of the journey of the Russian-imperial embassy to Persia in 1817". These documents of the Eastern ambassadorial discourse are considered as part of such a thematic unity as the Eastern text of Russian literature. The entry of the author's embassy subtext into such a unity implies the study of these texts within the thematic context, literary and cultural tradition. The most important constant of the ambassadorial text is the toponymic nomination of a foreign space, which forms the toponymic culture. To describe it, the means of toponymic analysis were used. The toponym is considered in the article as a linguistic sign to indicate the type of landscape (natural or man-made) object and as an element of the poetics of the work, characterizing the text topos/locus.

Key words: documentary prose, oriental text, ambassadorial discourse, toponymy, topos.

For citation: Maltseva, T. V. (2023) Strategiya toponimicheskoy nominatsii chuzhogo prostranstva v vostochnom posol'skom diskurse [The Strategy of Toponymic Nomination of Foreign Space in the Eastern Embassy Discourse]. *Art Logos. – Art of the Word*. No. 3. Pp. 79–95. DOI: 10.35231/25419803_2023_3_79. EDN: KPJBDE

References

1. Abdaltadzhedini, N. (2014) *Toponimy-iranizmy v «Putevyh zametkah» i pis'mah A. S. Griboedova: k norme kartograficheskoy toponimiki Kavkaza XIX v.* [Toponyms-Iranisms in the "Travel Notes" and letters of A. S. Griboedov: to the norm of the cartographic toponymy of the Caucasus in the XIX century]. *Vestnik SPbGU. Ser. 9 – Bulletin of St. Petersburg State University. Ser. 9. Issue 3*. Pp. 163–167 (In Russian).
2. Alekseev, P. V. (2014) *Russkij oriental'nyj travelog kak zhanr putevoj prozy konca XVIII – pervoj treti XIX veka* [Russian oriental travelogue as a genre of travel prose of the late 18th – first third of the 19th century]. *Filologiya i chelovek – Philology and Man*. No. 2. Pp. 34–46 (In Russian).
3. Berzhe, Ad. (1875) (ed.) *Akty, sobrannyye Kavkazskoy arheograficheskoy komissiej /Arheograficheskoe glavnoe upravlenie Namestnika Kavkazskogo* [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. Tiflis: Tipografiya gl. upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1866–1904. Vol. 6. CH. 2: [Kavkaz i Zakavkaz'e za vremya upravleniya generala ot infanterii Alekseya Petrovicha Ermolova. 1816–1827]. (In Russian).
4. [Borozdna, V.] (1821) *Kratkoe opisaniye puteshestviya rossijsko-imperatorskogo posol'stva v Persiyu v 1817 godu, Vasiliya Borozdny* [Brief description of the journey of the Russian-imperial embassy to Persia in 1817, Vasily Borozdna]. St. Petersburg: pri imperatorskoj Akademii nauk (In Russian).
5. Bushev, P. P. (1976) *Istoriya posol'stv i diplomaticheskikh otnoshenij Russkogo i Iranskogo gosudarstv v 1586–1612 gg. (po russkim arhivam)* [History of embassies and diplomatic relations of the Russian and Iranian states in 1586–1612. (according to Russian archives)]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

6. Vinogradov, B. S. (1966) *Kavkaz v russoj literature 30-h godov XIX veka (Ocherki)* [The Caucasus in Russian literature of the 30s of the XIX century (Essays)]. Groznyj: CHecheno-Ingushskoe knizhnoe izd-vo (In Russian).

7. Gadzhiev, A. (1982) *Kavkaz v russoj literature pervoj poloviny XIX veka* [The Caucasus in Russian literature of the first half of the 19th century]. Baku: YAzychy Publ. (In Russian).

8. Dancig, B. M. (1973) *Bližnij Vostok v russoj nauke i literature* [Middle East in Russian science and literature]. Moscow: Nauka, Glavnaya redakciya vostočnoj literatury Publ. (In Russian).

9. Zhukov, K. A. (2011) *Otnosheniya Rossii i Osmanskij Turcii v konce XV – nachale XX vv. [Relations between Russia and Ottoman Turkey in the late XV – early XX centuries]. Rossiya i Vostok: fenomenologiya vzaimodejstviya i identifikacii v Novoe vremya* [Russia and the East: phenomenology of interaction and identification in modern times]. St. Petersburg: Studiya NP-Print Publ. Pp. 117–136 (In Russian).

10. Kulagina, L. M. (2010) *Rossiya i Iran (XIX – nachalo XX veka)* [Russia and Iran (XIX – early XX century)] Rossijskaya akademiya nauk; Institut vostokovedeniya. Moscow: Klyuch- S. Publ. (In Russian).

11. Kurukin, I. V. (2023) «Oriental'nyh del sekretar'» Semen Avramov. *Diplomat Petra I v Irane i na Kavkaze* [“Oriental Affairs Secretary” Semyon Avramov. Diplomat of Peter I in Iran and the Caucasus]. *Orientalistika – Orientalistics*. No. 6 (1). Pp. 87–96 (In Russian).

12. Maltseva, T. V. (2008) *Izobrazhenie prirody v russoj dokumental'noj proze vtoroj poloviny XIX veka* [Image of nature in Russian documentary prose of the second half of the 19th century]. *Priroda v hudozhestvennom slove. Idei i stil'. Sbornik nauchnyh statej pod red. Grinfel'd-Zingurs T. Ya.* [Nature in the artistic word. Ideas and style. Collection of scientific articles, ed. Grinfeld-Zingurs T. Ya.]. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University Publ. Pp. 7–29. (In Russian).

13. Maltseva, T. V. (2022) *Obraz Vostoka v posol'skom diskurse (vvedenie v temu)* [The image of the East in the embassy discourse (introduction to the topic)]. *Issledovatel'skij zhurnal russkogo yazyka i literature – Research Journal of the Russian Language and Literature*. Vol. 10. Issue 2. Pp. 97–117 (In Russian).

14. Mednis, N. E. (2016) *Kavkaz i Sibir' kak dva toposa russoj literatury i kul'tury XIX veka* [The Caucasus and Siberia as two topoi of Russian literature and culture of the 19th century]. *Russkij travelog XVIII–XX vekov: marshruty, toposy, zhanry i narrativy: kollektivnaya monografiya, pod red. T. I. Pecherskoj, N. V. Konstantinovoj* [Russian travelogue of the 18th–20th centuries: routes, topoi, genres and narratives: a collective monograph, ed. T. I. Pecherskaya, N. V. Konstantinova]. Novosibirsk: NGPU Publ. Pp. 20–37 (In Russian).

15. Milyugina, E. G., Stroganov, M. V. (2013) *Russkaya kul'tura v zerkale puteshestvij: monografiya* [Russian culture in the mirror of travel: monograph]. Tver': Tver State University Publ. (In Russian).

16. Veselovskij, N. I. (1890–1898) (ed.) *Pamyatniki diplomaticheskij i torgovyh snoshenij Moskovskoj Rusi s Persiej* [Monuments of diplomatic and trade relations of Moscow Rus' with Persia] Vols. 1–3. St. Petersburg. (In Russian).

17. Ponomareva, A. A. (2016) *Deromantizaciya Kavkaza v «kavkazskih» travelogah XIX veka* [Deromanticization of the Caucasus in the “Caucasian” travelogues of the 19th century] *Russkij travelog XVIII–XX vekov: marshruty, toposy, zhanry i narrativy: kollektivnaya monografiya / pod red. T. I. Pecherskoj, N. V. Konstantinovoj* [Russian travelogue of the 18th–20th centuries: routes, topoi, genres and narratives: a collective monograph, ed. T. I. Pecherskaya, N. V. Konstantinova]. Novosibirsk: NGPU Publ. Pp. 69–91. (In Russian).

18. D'yakov, N. N., Samojlov, N. A. (2011) (eds.) *Rossiya i Vostok: fenomenologiya vzaimodejstviya i identifikacii v Novoe vremya* [Russia and the East: the phenomenology of interaction and identification in modern times]. St. Petersburg: Studiya NP-Print Publ. (In Russian).

19. Gorbunov, I. F. (1879) (ed.) *ZHurnal puteshestviya po Germanii, Gollandii i Italii v 1697–1699 g., vedennyj sovetnikom pri Velikom posol'stve russkom k vladetelyam raznyh stran Evropy* [Journal of travel in Germany, Holland and Italy in 1697–1699, run by an adviser at the Great Russian Embassy to the rulers of different European countries]. *Russkaya starina – Russian Antiquity*. Vol. XXV. Pp. 101–132. (In Russian).

20. Pecherskaja, T. I., Konstantinova, N. V. (2016) (eds.) *Russkij travelog XVIII–XX vekov: marshruty, topozy, zhanry i narrativy: kollektivnaya monografiya* [Russian travelogue of the 18th–20th centuries: routes, topoi, genres and narratives: collective monograph]. Novosibirsk: NGPU Publ. (In Russian).

21. Sajmonov, S. I. (1763) *Opisanie Kaspijskogo morya i chinenyh na onyh rossijskikh zavevanij, yako chast' istorii gosudarya imperatora Petra Velikogo* [Description of the Caspian Sea and the Russian conquests made for them, as part of the history of the Emperor Peter the Great]. St. Petersburg: pri Imperatorskoj Akademii nauk (In Russian).

22. Dubrovin, N. F. (1890) (ed.) *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. St. Petersburg, 1867–1916. Vol. 73: Bumagi grafa Arseniya Andreevicha Zakrevskogo: CH. 1. (In Russian).

23. Sokolov, A. E. (1910) *Dnevnye zapiski o puteshestvii russkogo imperatorskogo posol'stva v Persii v 1816 i 1817 godah, vedennyye sovetnikom etogo posol'stva A. E. Sokolovym* [Day notes about the journey of the Russian imperial embassy in Persia in 1816 and 1817, conducted by the adviser of this embassy A. E. Sokolov]. Moscow: Imperatorskoe obshchestvo istorii i drevnostej rossijskikh Publ. (In Russian).

24. Tkachenko, D. S. (2020) *Organizaciya izucheniya sopredel'nyh Kavkazu zemel' A. P. Ermolovym v 1816–1823 gg.* [Organization of the study of the lands adjacent to the Caucasus by A. P. Ermolov in 1816–1823]. *Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta – Bulletin of Armavir State Technical University*. No. 2. Pp. 69–76. (In Russian).

дата получения: 16.05.2023 г.
дата принятия: 15.06.2023 г.
дата публикации: 30.09.2023 г.

date of receiving: 16 May 2023
date of acceptance: 15 June 2023
date of publication: 30 September 2023

Л ИНГВИСТИКА.
ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО
КОММУНИКАЦИИ

Н. В. Козловская, А. С. Мусаева, Ю. В. Сложеникина

Транстерминологизация в сфере искусственного интеллекта: к постановке вопроса о субтерминологии*

На материале ГОСТов, регламентирующих применение программного обеспечения, использующего технологии искусственного интеллекта, в сферах клинической медицины, образования, сельского хозяйства, транспорта и других отраслей деятельности, проанализирована стандартизированная терминология научно-практической области «искусственный интеллект»; впервые предложено понятие субтерминологии. Под субтерминологией авторы понимают специальную лексику, обслуживающую междисциплинарные профессиональные поля, возникшие на стыке наук. Основные способы создания таких терминологий – транстерминологизация, то есть заимствование и ассимиляция терминов и понятий смежных отраслей, и привлечение, то есть заимствование без переосмысления, с сохранением понятийного объема специальной лексемы. К субтерминологии авторы относят стандартизированную терминологию искусственного интеллекта, в которой только 12 процентов терминов квалифицируются как собственные. В статье указаны терминологии-доноры, описаны семантические механизмы приспособления иных терминологий для целей описания искусственного интеллекта. Намечены перспективы исследования нестандартизированной терминологии ИИ, в которой наблюдается схожая тенденция, а именно активное заимствование терминов тех областей знания, в которые проникают методы, системы и программы ИИ.

Ключевые слова: терминология, субтерминология, искусственный интеллект, транстерминологизация, привлечение, междисциплинарная терминология.

Для цитирования: Козловская Н. В., Мусаева А. С., Сложеникина Ю. В. Транстерминологизация в сфере искусственного интеллекта: к постановке вопроса о субтерминологии // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 3. – С. 98–118. DOI: 10.35231/25419803_2023_3_98. EDN: CHFIVF

Конец второго десятилетия XXI века в России ознаменовался резким возрастанием интереса к теории и практическому применению искусственного интеллекта (далее – ИИ). Импульс движения был задан решением президента сформировать перечень поручений по развитию в России технологий ИИ, вследствие чего в октябре 2019 г. была разработана «Национальная стратегия развития искус-

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда № 23–28–01284 «Термин внутри и вне специального дискурса: механизмы переходности». Электронный ресурс. URL: <https://rscf.ru/project/23-28-01284/>
© Козловская Н. В., Мусаева А. С., Сложеникина Ю. В., 2023

ственного интеллекта на период до 2030 года». Искусственный интеллект определяется как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека и получать результаты, сопоставимые с интеллектуальными достижениями людей [1, с. 81].

В 2020 г. в паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» был добавлен седьмой федеральный проект – «Искусственный интеллект». Текст национальной стратегии определил 12 ключевых терминов и понятий данной отрасли. В декабре 2020 г. была утверждена «Перспективная программа стандартизации по приоритетному направлению “Искусственный интеллект” на период 2021–2024 гг.», в соответствии с которой в настоящее время проводится разработка стандартов в области ИИ.

Материалы и методы

Методологию исследования составили апробированные методы:

а) метод сплошной выборки, который заключается в сборе языкового материала из утвержденных в Российской Федерации ГОСТов по искусственному интеллекту с целью составления словника исследования;

б) метод компонентного анализа, с помощью которого дефиниция термина раскладывается на минимальные семантические составляющие с целью представления значения специального слова в виде дискретной структуры;

в) метод оппозиций, позволяющий осуществить семиотическое противопоставление лексем;

г) сравнительный метод, заключающийся в сопоставлении слов и словосочетаний литературного языка и омонимичных им терминов с выделением специфики последних;

д) количественный метод, т. е. использование подсчетов и статистических измерений при изучении терминов;

е) метод аналитического изучения источников разных жанров (текстов ГОСТов по разным отраслям знаний и лексикографических справочников).

Методом сплошной выборки из утвержденных стандартов был составлен словник актуальной терминологии ИИ, который включает 449 терминологических единиц, среди которых

преобладают подчинительные словосочетания со специальным значением: *автоматическое распознавание речи, аналитическая валидация, клиническая валидация, набор данных, обучающие данные, проверочная выборка.*

Результаты

Предварительный количественный анализ словника показал, что среди всей совокупности извлеченных из ГОСТов терминов 187 являются транстерминологизированными специальными единицами, то есть перемещенными из смежных терминосистем и приспособленными для обслуживания метаязыка ИИ. Транстерминологизированные термины, таким образом, составляют 41 % специальных лексем словника. Отметим, что еще большее количество (47 %) представлено привлеченными, то есть заимствованными из литературного языка, терминами. Из этого следует, что количество собственных терминов в терминосистеме ИИ, представленной в ГОСТах, составляет всего 12 %. К «собственным», в частности, относятся терминологические сочетания с компонентами «искусственный интеллект» и «интеллектуальный»: *образовательный продукт (программно-техническая система) с алгоритмами искусственного интеллекта; технологии интеллектуальной поддержки принятия решений; перспективные технологии искусственного интеллекта; система искусственного интеллекта; защищенность системы искусственного интеллекта.* Появление терминов-словосочетаний «является распространенным способом образования новых специальных слов в современной терминологии» [7, с. 97], в том числе в сфере ИИ.

Такое соотношение единиц в составе субтерминологии ИИ подтверждает мысль Б. Н. Головина о том, что границы между терминосистемами могут характеризоваться большей или меньшей четкостью; возможны случаи «наложения» и пересечения терминосистем; межотраслевой терминологический фонд также представляет собой терминосистему [3, с. 3–4].

Выявленное соотношение оригинальных и привлеченных терминов требует научного осмысления, основными задачами которого являются выявление и классификация

механизмов транстерминологизации и разработка типологических характеристик терминополья ИИ в русском языке новейшего периода.

Термины других областей знания могут встраиваться в формирующуюся терминологическую систему ИИ на двух основаниях: как переосмысленные единицы синкретичного плана содержания или как единицы естественнонаучной терминосистемы, сохраняющие исходное значение и связь с порождающим дискурсом. «В процессе перехода из одной терминосистемы в другую термин подвергается определенной когнитивной “обработке” и приобретает новые компоненты значения либо лишается признаков, имевших место в терминосистеме-источнике», – пишет Н. Н. Горбунова с соавторами [4, с. 98]. А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева и вслед за ними Н. В. Козловская называют процесс транстерминологизации терминологической конверсией: это «перенос готового термина из одной дисциплины в другую с полным или частичным его переосмыслением» [9, с. 236; 18, с. 194]. Когнитивная обработка и переработка определяется В. З. Демьянковым как «процесс переработки информации человеком, аналог вычислительной процедуры» [5; с. 63–64]. Привлеченными терминами В. М. Лейчик называет особый тип терминов в составе терминосистемы, которая описывается с собственно терминоведческих позиций: «Привлеченные термины заимствуются из смежных областей знания, но представляют собой неотъемлемую часть терминосистемы» [13, с. 127]. Транстерминологизация – это сопровождаемый переосмыслением переход терминов из одной области знания в другую, привлечение – переход без переосмысления.

Специфика процесса транстерминологизации в сфере ИИ обусловлена целым рядом экстралингвистических факторов. Структуру терминологического ядра во многом определила государственная политика в области приоритетных направлений внедрения ИИ, к которым отнесены биометрические технологии, естественные языки, кибербезопасность, медицина, промышленность, транспорт, умный город, энергетика.

Применение терминоведческого метода анализа структуры и метода лингвистического конструирования терминосистем позволило выделить в исследуемом лексическом материале

следующие терминологические системы-доноры (с точки зрения языкового субстрата):

* термины сферы безопасности: безопасное состояние, мониторинг поведения, наблюдаемая среда, условно-опасное вложение, безопасность информационной технологии, область присутствия потенциального источника опасности, сигналы опасности, звуковые сигналы опасности и некоторые другие¹;

* термины транспорта: автоматическая система управления движением, безопасность автоматизированного управления АТС, глобальная навигационная спутниковая система, кооперативные интеллектуальные транспортные системы и некоторые другие²;

* термины медицины: безопасность медицинских изделий, клиническая валидация, клиническая оценка, клиническая связь, клинические испытания, набор медицинских данных, медицинская помощь, медицинский работник, предрегистрационные клинические исследования и некоторые другие³;

* термины сельского хозяйства: высокоавтоматизированная сельскохозяйственная машина, машины сельскохозяйственные и лесохозяйственные с электроприводом, присоединяемое оборудование, сельскохозяйственная машина и некоторые другие⁴;

* термины сферы образования: информационно-образовательная среда, образовательный модуль, рукописная работа (письменная работа, выполненная обучаемым от руки), педаго-

¹ГОСТ Р 58776-2019 «Средства мониторинга поведения и прогнозирования намерений людей. Термины и определения». Дата введения в действие 01.09.2020. Электронный ресурс. URL: <https://www.standards.ru/document/648174.aspx> (дата обращения: 20.01.2023); ГОСТ Р 59391-2021 «Средства мониторинга поведения и прогнозирования намерений людей. Аппаратно-программные средства для колесных транспортных средств. Классификация, назначение, состав и характеристики средств фото- и видеофиксации». Дата введения в действие 01.05.2021. Электронный ресурс. URL: <https://www.standards.ru/document/6845592.aspx> (дата обращения: 20.01.2023); ГОСТ Р 59385-2021 «Информационные технологии. Искусственный интеллект. Ситуационная видеоаналитика. Термины и определения». Дата введения в действие 01.09.2021. Электронный ресурс. URL: <https://www.standards.ru/document/6845643.aspx> (дата обращения: 20.01.2023) и некоторые другие.

²ГОСТ Р 58777-2019 «Воздушный транспорт. Аэропорты. Технические средства досмотра. Методика определения показателей качества распознавания незаконных вложений по теневым рентгеновским изображениям». Дата введения в действие 01.09.2020. Электронный ресурс. URL: <https://www.standards.ru/document/6481743.aspx> (дата обращения: 20.01.2023); ГОСТ Р 59237-2020 «Платформа "Автодата"». Термины и определения». Дата введения в действие 01.03.2021. Электронный ресурс. URL: <https://www.standards.ru/document/6823879.aspx> (дата обращения: 20.01.2023); ГОСТ Р 59236-2020 «Платформа "Автодата"». Общие положения». Дата введения в действие 01.09.2022. Электронный ресурс. URL: <https://www.standards.ru/document/6823894.aspx> (дата обращения: 20.01.2023) и некоторые другие.

³ГОСТ Р 59921.1-2021 «Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Часть 1. Клинические испытания». Дата введения в действие 01.03.2022. Электронный ресурс. URL: https://www.tc164.ru/_files/ugd/a49acf_9937efa879824fac8e773ca28ca7e49f.pdf (дата обращения: 20.01.2023); ГОСТ Р 59921.2-2021 «Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Часть 2. Программа и методика технических испытаний». Дата введения в действие 01.03.2022. Электронный ресурс. URL: <https://www.standards.ru/document/6877707.aspx> (дата обращения: 20.01.2023); ГОСТ Р 59921.3-2021 «Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Часть 3. Управление изменениями в системах искусственного интеллекта с адаптивными алгоритмами». Дата введения в действие 01.03.2022. Электронный ресурс. URL: <https://www.standards.ru/document/6877666.aspx> (дата обращения: 20.01.2023) и некоторые другие.

⁴ГОСТ Р 59920-2021 «Системы искусственного интеллекта в сельском хозяйстве. Требования к обеспечению характеристик эксплуатационной безопасности систем автоматизированного управления движением сельскохозяйственной техникой». Дата введения в действие 01.03.2022. Электронный ресурс. URL: <https://www.standards.ru/document/6877704.aspx> (дата обращения: 20.01.2023) и некоторые другие.

гический работник, учебно-методические материалы, системы управления учебной деятельностью и некоторые другие¹;

* термины лингвистики: автоматическое распознавание речи, обработка естественного языка, естественность синтезированной речи, синтез речи и некоторые другие².

Таким образом, терминологическая система ИИ относится к типу вторичных, или смешанных [12, с. 13]. На основе разработанной Ю. Н. Карауловым [8, с. 184] методики получения идеографической классификации из семантически неупорядоченного списка слов была создана обобщенная форма систематической классификации транстерминологизированных терминов, удобная для представления смысловой стороны специальных единиц.

Транстерминологизированные единицы ИИ группируются по трем основным семантическим категориям:

* термины-обозначения специальных денотатов: алгоритм машинного обучения, большие данные, взрывающийся градиент, встроенная система, деревья решений, долгая краткосрочная память, интероперабельная система, информационная технология, исчезающий градиент, киберфизическая система, компьютерное зрение, искусственная нейронная сеть, нейронная сеть прямого распространения, распределенная система и некоторые другие;

* термины-обозначения специальных действий, процессов: автоматическое реферирование, анализ тональности, аннотирование данных, аугментация данных, глубокое обучение, когнитивные вычисления, маркирование частей речи, машинный перевод, мягкие вычисления, обработка естественного языка, очистка данных, проверка качества данных, распознавание именованных сущностей, распознавание речи, разметка данных, распознавание именованных сущностей, распознавание речи, регрессионное тестирование и некоторые другие;

* термины-обозначения специальных признаков: безопасность информационной технологии, безопасность медицин-

¹ ГОСТ Р 59900–2021 «Системы искусственного интеллекта. Типовые требования к контрольным выборкам исходных данных для испытания систем искусственного интеллекта в образовании». Дата введения в действие 01.03.2022. Электронный ресурс. URL: <https://www.standards.ru/document/6877690.aspx> (дата обращения: 20.01.2023) и некоторые другие.

² ГОСТ Р 59880–2021 «Эргономика. Проектирование и применение испытаний речевых технологий. Методика определения показателей качества синтеза речи по тексту». Дата введения в действие 01.03.2022. Электронный ресурс. URL: <https://www.standards.ru/document/6877657.aspx> (дата обращения: 20.01.2023); ГОСТ Р 59879–2021 «Эргономика. Проектирование и применение испытаний речевых технологий. Методика определения показателей качества распознавания голосовых команд управления». Дата введения в действие 01.03.2022. Электронный ресурс. URL: <https://www.standards.ru/doc.aspx?catalogid=gost&classid=-1&search=59879-2021> (дата обращения: 20.01.2023).

ских изделий, интонационная разборчивость речи, плотность потока объектов, плотность расположения объектов, эффективность медицинского изделия и некоторые другие.

Анализ изменений, вносимых в тексты ГОСТов, позволяет выявить динамические и статические характеристики изучаемой терминосистемы. В основе новых ГОСТов по искусственному интеллекту лежат, как правило, более ранние ГОСТы, например, за основу ГОСТа Р 59385–2021 «Информационные технологии. Искусственный интеллект. Ситуационная видеоаналитика. Термины и определения» (2021 г.) взят государственный стандарт 2014 г. ГОСТ Р 51558–2014 «Средства и системы охранные телевизионные. Классификация. Общие технические требования. Методы испытаний». В обоих ГОСТах ключевым является термин *видеоаналитика*. Сравним их дефиниции.

«Видеоаналитика – программное обеспечение, реализующее алгоритмы автоматизированного получения различных данных на основании анализа последовательности изображений, поступающих с видеокamer в режиме реального времени или из архивных записей»¹.

«Видеоаналитика – технология, использующая методы компьютерного зрения для автоматизированного получения данных на основании анализа изображений или последовательностей изображений (видеопотоков)»².

Прежнее определение ограничивало термин *видеоаналитика* по семе «способ реализации» – программное обеспечение. Очевидно, что изменение родового идентификатора и связанное с этим представление в новом ГОСТе *видеоаналитики* как технологии закрепляет термин с более широким объемом понятия: термин ИИ включает в себя не только дифференциальный признак «программное обеспечение», но потенциально указывает на все виды видеоаналитики, структурированные по способам реализации (программно-аппаратные комплексы, аппаратные решения с применением нанотехнологий); по видам видеoaнaлизa (классический анализ, анализ

¹ ГОСТ Р 51558–2014 «Средства и системы охранные телевизионные. Классификация. Общие технические требования. Методы испытаний». Дата введения 2016–01–01. Электронный ресурс. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200113776> (дата обращения: 20.01.2023).

² ГОСТ Р 59385–2021 «Информационные технологии. Искусственный интеллект. Ситуационная видеоаналитика. Термины и определения». Дата введения в действие 01.09.2021. Электронный ресурс. URL: <https://www.standards.ru/document/6845643.aspx> (дата обращения: 20.01.2023) и некоторые другие.

с применением нейросетей), по отраслям применения (транспорт, промышленность), по объектам анализа (ситуационная, предиктивная, статистическая, биометрическая)¹.

По сути, эволюция термина *видеоаналитика* оказалась связанной с изменением уровня классификации слова, через которое дефинируется специальное понятие: если раньше оно вводилось через видовую категорию, то в терминологии ИИ – через категорию более высокого уровня обобщения.

Однако более типичной является ситуация, когда новые ГОСТы по ИИ «присваивают» термины из разработанных ранее стандартов без когнитивной и семантической обработки. Например, в тексте ГОСТа Р 59278–2020 «Информационная поддержка жизненного цикла изделий. Интерактивные электронные технические руководства с применением технологий искусственного интеллекта и дополненной реальности. Общие сведения» сообщается, что термин *вычислительные средства* в своем определении заимствован из ГОСТа Р 53622–2009 «Информационные технологии. Информационно-вычислительные системы. Стадии и этапы жизненного цикла, виды и комплектность документов», утвержденного в 2009 году. А термин *интерактивное электронное техническое руководство* – из ГОСТа Р 54088–2017 «Интегрированная логистическая поддержка. Эксплуатационная и ремонтная документация в форме интерактивных электронных технических руководств. Основные положения и общие требования», утвержденного в 2017 году.

Аналогичные данные дает анализ других ГОСТов по ИИ. Такое положение дел представляет возможность сделать некоторые выводы о существенных характеристиках терминологии ИИ.

Обратимся к истории вопроса. В 1992 г. вышел в свет «Толковый словарь по искусственному интеллекту» А. Н. Аверкина с соавторами². В предисловии к словарю составители отметили, что к моменту написания словаря терминология ИИ существовала уже более 30 лет и на первом этапе формирования характеризовалась неупорядоченностью, наличием синонимов, «которые используют различные школы и груп-

¹ ГОСТ Р 59385–2021 «Информационные технологии. Искусственный интеллект. Ситуационная видеоаналитика. Термины и определения». Дата введения в действие 01.09.2021. Электронный ресурс. URL: <https://www.standards.ru/document/6845643.aspx> (дата обращения: 20.01.2023) и некоторые другие.

² Толковый словарь по искусственному интеллекту / авт.-сост. А. Н. Аверкин и др. М.: Радио и связь, 1992. 254 с. Электронный ресурс. URL: <http://raai.org/library/tolk/aivoc.html> (дата обращения: 20.01.2023).

пы специалистов»¹. Стабильное состояние терминологии установилось к середине 70-х гг., закрепление произошло в первой половине 80-х гг.; началась кодификация терминов ИИ, появились первые отраслевые терминологические словари и справочники.

Для данного исследования важна оценка терминологии ИИ как междисциплинарной специальной лексики, обусловленной характером исследований в этой области: «В искусственном интеллекте используются методы, традиционно развиваемые в логике, психологии, лингвистике, кибернетике, дискретной математике и программировании, встречается немало терминов и других наук»².

Обсуждая отбор словника для своего словаря, А. Н. Аверкин, М. Г. Гаазе–Рапопорт и Д. А. Поспелов оказались перед дилеммой: «...включить в него термины, которые используются только в искусственном интеллекте и не заимствованы им из других наук, или включить в него все термины смежных с искусственным интеллектом наук, если они встречаются в работах специалистов данного направления»³. Составители словаря приняли промежуточное решение; основным критерием оказалась частота употребления того или иного термина в работах по ИИ.

Словарь содержит около 550 терминов. Сравнение с нашим словником стандартизированных терминов (449 единиц) показало, что большая часть терминов устарела и не включена в актуальную терминологию. Например, словарь содержит 46 терминов на букву «А». Из них только 3 присутствуют в новых ГОСТах: *автоматизированная система, алгоритм, архитектура вычислительной системы*. Из 12 терминов на букву «Б» ни один не вошел в утвержденные ГОСТы (данное утверждение справедливо и для терминов, начинающихся на букву «К»). Количественный анализ показал, что в современную терминосистему ИИ, отраженную в ГОСТах, вошло не более 5% специальных слов, включенных в словарь 1992 года.

Лишь единичные термины не претерпели семантической эволюции, например:

¹ Толковый словарь по искусственному интеллекту / авт.-сост. А. Н. Аверкин и др. М.: Радио и связь, 1992. 254 с. Электронный ресурс. URL: <http://raai.org/library/tolk/aivoc.html> (дата обращения: 20.01.2023).

² Там же.

³ Там же.

«Обработка естественного языка – совокупность процессов анализа текстов на естественном языке, их понимания и синтеза текстов. В процессе анализа в наиболее развитых системах обработки естественного языка сообщений происходит <...> анализ текста, в результате чего выявляется глубинная структура текста, которая переводится во внутреннее представление, используемое в базе знаний интеллектуальной системы»¹.

«Обработка естественного языка – анализ текста и речи на естественном языке, а также языка жестов (знаков) для получения информации, подлежащей обработке средствами вычислительной техники»².

Поскольку ИИ – это совокупность постоянно обновляющихся технологий, для терминов этой отрасли знания характерна быстрая устареваемость. Расположение терминов на воображаемой временной оси выявляется при сопоставлении терминофиксирующих текстов разных периодов: так, в настоящее время безусловно устаревшими с точки зрения теории и практики ИИ воспринимаются термины *беседа сократическая* («специально организованный диалог, в ходе которого один из участников предлагает некоторый тезис, а второй последовательно выдвигает возражения против тезиса, на которые участник, предложивший тезис, отвечает только: “согласен” или “не согласен”»³) или *бихевиоризм* («сведение создания к целенаправленному поведению, связанному с парой “стимул-реакция”»⁴). Отметим, что устаревшие термины интересны как пассивная специальная лексика, отражающая динамику становления сферы ИИ в отечественной и мировой науке. Действительно, на ранних этапах некоторые модели ИИ были построены по бихевиористическому принципу.

Некоторые термины, став общеупотребительными среди специалистов, упростили свои дефиниции. Ср.:

¹ Толковый словарь по искусственному интеллекту / авт.-сост. А. Н. Аверкин и др. М.: Радио и связь, 1992. 254 с. Электронный ресурс. URL: <http://raai.org/library/tolk/aivoc.html> (дата обращения: 20.01.2023).

² ГОСТ Р 59880–2021 «Эргономика. Проектирование и применение испытаний речевых технологий. Методика определения показателей качества синтеза речи по тексту». Дата введения в действие 01.03.2022. Электронный ресурс. URL: <https://www.standards.ru/document/6877657.aspx> (дата обращения: 20.01.2023).

³ Толковый словарь по искусственному интеллекту / авт.-сост. А. Н. Аверкин и др. М.: Радио и связь, 1992. 254 с. Электронный ресурс. URL: <http://raai.org/library/tolk/aivoc.html> (дата обращения: 20.01.2023).

⁴ Там же.

«Дерево решений – структура, состоящая из узлов принятия решений и альтернатив, соответствующих этим узлам. Движение по Д.Р. может осуществляться случайным образом или на основе локальной информации об успехе, которая имеется в узлах. В результате успешного поиска на Д.Р. образуется путь, ведущий из корня дерева (исходная ситуация) к тому узлу дерева, которое соответствует целевой ситуации. В процессе движения по Д.Р. часто возникает необходимость возврата в ранее пройденные узлы, что осуществляется с помощью процедуры бектрекинга»¹.

«Деревья решений – модель, вывод для которой кодируется путями от корня к листовой вершине в древовидной структуре»².

Некоторые термины поменяли план выражения при сохранении плана содержания. Ср: *зрение машинное vs компьютерное зрение*. Оба термина являются переводом с английского выражения *computer vision*.

«Зрение машинное – совокупность моделей и методов для выполнения техническими системами процедур, характерных для зрительного восприятия у живых организмов. В рамках З.М. решаются задачи выделения объектов из фона, их идентификация, ввод в промежуточную память, перекодировка во внутренние представления и т. п. Системы З. М. характерны для интеллектуальных роботов и других интеллектуальных систем»³.

«Компьютерное зрение – способность функционального блока получать, обрабатывать и интерпретировать визуальные данные»⁴.

¹ Толковый словарь по искусственному интеллекту / авт.-сост. А. Н. Аверкин и др. М.: Радио и связь, 1992. 254 с. Электронный ресурс. URL: <http://raai.org/library/tolk/aivoc.html> (дата обращения: 20.01.2023).

² ПНСТ 553–2021 «Информационные технологии. Искусственный интеллект. Понятия и терминология». Дата введения в действие 01.03.2022. Электронный ресурс. URL: <https://www.standards.ru/document/6877687.aspx> (дата обращения: 20.01.2023).

³ Толковый словарь по искусственному интеллекту / авт.-сост. А. Н. Аверкин и др. М.: Радио и связь, 1992. 254 с. Электронный ресурс. URL: <http://raai.org/library/tolk/aivoc.html> (дата обращения: 20.01.2023).

⁴ ПНСТ 553–2021 «Информационные технологии. Искусственный интеллект. Понятия и терминология». Дата введения в действие 01.03.2022. Электронный ресурс. URL: <https://www.standards.ru/document/6877687.aspx> (дата обращения: 20.01.2023).

На возможность автономного варьирования либо означающего, либо означаемого без изменения в противоположном плане как один из видов эволюции термина обратила внимание Ю. В. Сложеникина [16]. Такие переименования возможны, поскольку за термином не стоит многолетняя мыслительно-языковая деятельность коллектива людей: «В терминотворчестве ведущая роль в образовании терминов, как правило, принадлежит отдельным ученым. Искусственность и условность связи знака и означаемого является условием изменения внешней оболочки термина, появления нового, более точного наименования» [17, с. 73].

Фиксируем также изменение плана содержания при сохранении формы термина. Например:

«Извлечение знаний – получение информации о предметной области от специалистов и выражение ее на языке представления знаний. И.З. используется при построении экспертной системы или базы знаний»¹.

«Извлечение знаний – процесс применения методов и моделей анализа к данным для обнаружения ранее неизвестных, нетривиальных, практически полезных обработанных данных, доступных для интерпретации и применения для принятия решений»².

Если авторы словаря 1992 г. А. Н. Аверкин, М. Г. Гаазе-Рапопорт, Д. А. Поспелов рассматривали специалистов как основной источник знания для построения экспертной оценки, то роль личности в дефиниции нового ГОСТа по ИИ нивелирована. Это технологии анализа данных, которые открывают ранее не известные факты.

Рассматриваемый словарь в большей степени тяготеет к гнездовому принципу. Например, в нем содержится 30 словарных статей с опорным словом *система*, 29 – со словом *логика*, 26 – со словом *модель*, 23 – со словом *отношение*, 11 – со словом *язык* и т. п. Современные ГОСТы определяют, как правило, только базовые термины, а их составители во введении, как правило, указывают, что словник может быть дополнен по мере необходимости, могут также кор-

¹ Толковый словарь по искусственному интеллекту / авт.-сост. А. Н. Аверкин и др. М.: Радио и связь, 1992. 254 с. Электронный ресурс. URL: <http://raai.org/library/tolk/aivoc.html> (дата обращения: 20.01.2023).

² ГОСТ Р 59237–2020 «Платформа “Автодата”». Термины и определения». Дата введения в действие 01.03.2021. Электронный ресурс. URL: <https://www.standards.ru/document/6823879.aspx> (дата обращения: 20.01.2023).

ректироваться толкования терминов с учетом актуального уровня науки и техники. Отметим, что в ГОСТах, к примеру, вообще отсутствуют словарные статьи с вершинными словами *логика, отношение, язык*.

Предполагаем, что основной причиной изменения словника современной терминологии ИИ стали, во-первых, перманентное развитие новых технологий и метаязыка их описания, во-вторых, тенденция к гармонизации, ориентация на интернациональную терминологию, понятную специалистам – носителям разных языков, унификация и стандартизация специальных лексем.

Примерно такие же рассуждения содержатся в предисловии к «Англо-русскому толковому словарю по искусственному интеллекту и робототехнике» Э. Пройдакова и Л. Теплицкого [15]. Во-первых, авторы не разграничивают специальные сферы робототехники и ИИ, указывая, что «современная робототехника – одна из основных областей применения ИИ» [15, с. 5]. Более того, авторы включили в словарь термины смежных дисциплин: навигации, датчиков, тестирования, машинного обучения и некоторых других. Словарь содержит около 2600 терминов.

Во-вторых, составители словаря указывают на ведущую роль английского языка в разработке проблем ИИ: «Словари – это настольные книги <...> специалистов, следящих за новинками науки и техники (а сведения о них публикуются, как правило, на английском языке)» [15, с. 5].

В-третьих, в отличие от введенных российских ГОСТов, словарь Э. Пройдакова и Л. Теплицкого более ориентирован не на язык профессии, а на речь специалистов. Если российские ГОСТы стараются избежать избыточности и вариативности в подаче языкового материала, то составители словаря намеренно не стремятся к ситуации изоморфизма: словарная статья содержит «факультативные и подразумеваемые слова <...> приводятся синонимы, уточняющие или разъясняющие слова <...> близкие по смыслу русские эквиваленты <...> термины, не очень близкие по смыслу» [15, с. 5].

В-четвертых, авторы также замечают, что словарь не претендует на исчерпанность, поскольку «новые термины в данных предметных областях появляются каждый день» [15, с. 6].

Ю. В. Сложеникина говорит о терминологии как о стийно сложившемся объединении специальных слов в результате накопления и осмысления знаний в определенной области деятельности: «Терминология дорастает до уровня терминосистемы тогда, когда складывается непротиворечивая научная теория, а в метаязыке ее описания эксплицируются основные понятия и связи между ними» [6, с. 59].

Перспективы формирования отечественной терминосистемы ИИ отчетливо прослеживаются в процессе анализа отраслевых научных источников в электронной библиотеке eLibrary. Большое количество статей и монографий посвящены проблематике использования искусственного интеллекта в образовании. Если ГОСТы и словари являются терминофиксирующими источниками, то статьи и монографии преимущественно относятся к терминоиспользующим текстам; некоторое количество статей, в которых разрабатываются новые понятия отрасли, можно отнести к типу терминопорождающих текстов.

Использование аналитического инструмента eLibrary «поиск ключевых слов» (рис.) позволило составить экспертную выборку научных текстов, объединенных понятием «искусственный интеллект в образовании»: это 35 публикаций, вышедших с 2019 по 2023 гг.

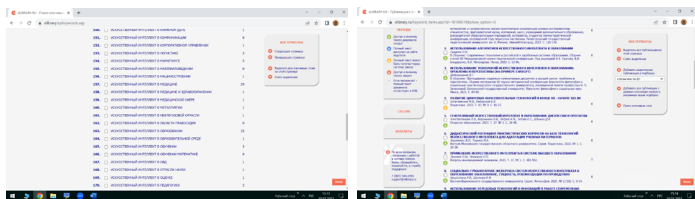


Рис. Аналитический инструмент eLibrary «поиск ключевых слов»

В выборку заносились специальные единицы разной степени терминологичности – «вербализованные единицы специального знания» [19, с. 7]. При отборе терминов учитывались следующие показатели терминологичности: включение в состав ключевых слов, частота, наличие/отсутствие дефиниции, вынос в позицию заголовка. В качестве основного фактора

определения терминологического статуса лексемы использован анализ понятийного содержания, т. е. насыщенность лексемы элементами специального знания.

Терминология складывающейся отрасли ИИ-знания отражает типологию продуктов и систем, которые могут использоваться в современном образовательном процессе: 1) «умные помощники-агенты», способные одновременно выполнять несколько интеллектуальных функций; 2) роботизированные системы, алгоритмы и технологии, снабженные специальными сенсорными деталями; 3) самообучающиеся ИИ-системы высокоинтеллектуального профиля; 4) игровые самообучающиеся ИИ-системы; 5) непосредственно образовательные ИИ-системы [11, с. 103].

Поскольку массив отобранных текстов на первом этапе имеет сравнительно небольшой объем, отбор терминов произведен методом сплошной выборки. На следующем этапе планируется создание корпуса текстов, извлечение терминов из которого будет производиться с помощью аналитических инструментов корпусной лингвистики; с созданием «системы фильтров (стоп-словарь)» [14, с. 74] для отсеивания нетерминов. Терминоведческий анализ литературы, посвященной рассмотрению концепта ИИ, анализу его основных методов и продуктов, а также изучению опыта применения ИИ в учебно-педагогических и воспитательных процессах, позволил включить в выборку 112 терминов разной структуры, например: *аватар; аддитивное производство, блокчейн; большие данные; генеративный искусственный интеллект; дистанционные учебные лаборатории; индивидуальный образовательный маршрут; облачные вычисления; образование; образовательное пространство; образовательно-просветительские приложения для мобильных устройств; образовательные технологии; сервисы самообучения; системы управления цифровым обучением; сформированность учебных и профессиональных компетенций; трансформация образования; чат-бот; цифровые ресурсы по психосоциальной поддержке всех субъектов образования; цифровые ридеры; цифровые технологии в образовании.*

Анализу нестандартизированных терминов ИИ авторы планируют посвятить отдельное исследование, но даже самый предварительный анализ приведенных примеров свиде-

тельствует о том, что субтерминологичность, заключающаяся в преобладании транстерминологизированных и привлеченных единиц, является сущностным свойством всей формирующейся терминологии ИИ.

Разные отрасли научно-практической деятельности, привлекающие методы, продукты и системы ИИ, используют гибридную терминологию, основанную на сложившейся ранее терминосистеме. Представляется вероятным, что в процессе развития науки привлеченные термины неизбежно приобретут семы, связанные с конкретной сферой применения ИИ. Уже сейчас обращает на себя внимание наличие множества определений термина «искусственный интеллект» в текстах, относящихся к разным научно-практическим сферам: технология, «которая использует модели глубокого обучения для создания оригинальных информационных материалов» [2, с. 37]; «комплекс технологических решений, который <...> требует разработки соответствующей правовой базы» [10, с. 100]; программа, способная создавать эстетические образы без эстетического восприятия, или способность создавать эмоциональные стихи без осознания эмоций [20, р. 2200]. Эти факты свидетельствуют о том, что понятийное наполнение термина во многом зависит от целей исследователя, а также о гибридном характере терминологии ИИ.

Обсуждение и выводы

Наши наблюдения над современным языком ИИ подтверждают выводы Ю. В. Сложеникиной о терминологии как открытой знаковой системе: «Развитие понятийного аппарата науки, непрерывность процесса познания способствуют тому, что терминология любой отрасли знания находится всегда в состоянии количественного и качественного изменения. Устаевают и выходят из употребления одни термины, возникают и внедряются другие, обозначающие либо новые денотаты, либо адекватно выражающие содержание уже описанных понятий. Изменяется семантический объем ранее известных терминов, происходит перераспределение значений» [6, с. 80].

Таким образом, процесс транстерминологизации в сфере ИИ оказался обусловленным экстралингвистическим факто-

рами. Определяющей выбор лексем стала государственная политика в области приоритетных направлений внедрения ИИ. К приоритетным отнесены биометрические технологии, естественные языки, кибербезопасность, медицина, промышленность, транспорт, умный город, энергетика. С точки зрения языкового субстрата, в исследуемом материале выделяем следующие терминологические системы-доноры: термины сферы безопасности, транспорта, медицины, сельского хозяйства, образования, лингвистики.

Транстерминологизированные термины ИИ группируются по 3 основным категориям: термины-обозначения специальных денотатов, специальных действий, процессов, специальных признаков. В основе новых ГОСТов по искусственному интеллекту лежат, как правило, более ранние ГОСТы, ставшие донорами для процесса транстерминологизации. Механизмами транстерминологизации являются: изменение уровня классификации слова, упрощение дефиниции, изменение плана выражения термина, изменение плана содержания термина.

Поскольку ИИ – это те или иные технологии, обновляющиеся достаточно быстро, многие термины быстро устаревают. Основными причинами изменения словника современной терминологии ИИ стали, во-первых, перманентное развитие новых технологий и метаязыка их описания, во-вторых, тенденция к гармонизации, ориентация на интернациональную терминологию, понятную специалистам-носителям разных языков. Терминологию ИИ можно охарактеризовать как междисциплинарную и трансдисциплинарную. Статус теории и практики ИИ как междисциплинарной науки обусловил высокий процент транстерминологизированных терминов в специальном профессиональном поле – 41%. В связи с данными обстоятельствами можно определить совокупность специальной лексики ИИ как субтерминологию, исходя из значения иноязычной приставки суб- «вторичность, побочность, подчиненность». Представляется, что формирование субтерминологий – это тенденция новейшего времени, обусловленная возрастанием роли междисциплинарного подхода к изучению объекта.

Список литературы

1. Амиров Р. А., Билалова У. М. Перспективы внедрения технологий искусственного интеллекта в сфере высшего образования // Управленческое консультирование. – 2020. – № 3. – С. 80–88. DOI: 10.22394/1726-1139-2020-3-80-88. EDN: XKTQTC
2. Генеративный искусственный интеллект в образовании: дискуссии и прогнозы / Л. В. Константинова, В. В. Ворожихин, А. М. Петров [и др.] // Открытое образование. – 2023. – Т. 27, № 2. – С. 36–48. – DOI: 10.21686/1818-4243-2023-2-36-48. EDN: VPMIZK
3. Головин Б. Н. Типы терминосистем и основания их различия // Термин и слово. Межвуз. сб. – Горький, 1981. – С. 3–10.
4. Горбунова Н. Н., Арчаков Р. А., Ахтаева Л. А. Метафоризация как основа для транстерминологизации в сфере предметных терминоминиаций // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2020. – № 3. – С. 92–109. DOI: 10.29025/2079-6021-2020-3-92-109. EDN: ZJMEWP
5. Демьянков В. З. Когнитивная обработка и переработка // Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Под общей редакцией Е. С. Кубряковой. – М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – С. 63–64. EDN: SMTWJJ
6. Зайцева А. С., Сложеникина Ю. В. К вопросу о категоризации терминологии чрезвычайных ситуаций (на материале английской терминологии) // Язык и культура. – 2018. – № 44. – С. 57–69. DOI: 10.17223/19996195/44/4. EDN: YXRARF
7. Зайцева А. С. Современный профессиональный язык робототехники (на примере терминологического гнезда "Робот") // Научный диалог. – 2021. – № 5. – С. 96–114. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-5-96-114. EDN: BQDRCD
8. Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. – М.: Наука, 1981. – 366 с.
9. Козловская Н. В. Явление транстерминологизации в «философии общего дела» Н. Ф. Федорова // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения – 2014). Сб. науч. тр. – СПб., 2015. – С. 236–242. EDN: TYUNSV
10. Корнева А. А. Доктринальные и нормативные подходы к пониманию термина «искусственный интеллект» // Образование. Наука. Научные кадры. – 2023. – № 2. – С. 100–103. DOI: 10.56539/20733305_2023_2_100. EDN: LIWGKK
11. Коровникова Н. А. Искусственный интеллект в современном образовательном пространстве: проблемы и перспективы // Образовательные технологии (г. Москва). – 2021. – № 4. – С. 17–34. EDN: XTOWOJ
12. Левина М. А. Роль привлеченных терминов в формировании вторичных терминосистем права в русском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12, № 1. – С. 11–15. DOI: 10.30853/filnauki.2019.1.2. EDN: YSIEFN
13. Лейчик В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. Изд. 2-е. – М.: Ком-Книга, 2006. – 256 с. EDN: QLHLIA
14. Новикова А. А. Сравнение инструментов Sketch Engine и TermoStat для извлечения терминологии // International Journal of Open Information Technologies. – 2020. – Т. 8, № 11. – С. 73–79. EDN: GCRYJW
15. Пройдаков Э. М., Теплицкий Л. Англо-русский толковый словарь по искусственному интеллекту и робототехнике. – М., Берлин: Директ-Медиа, 2019. – 261 с.
16. Сложеникина Ю. В. Основы терминологии: Лингвистические аспекты теории термина. – М.: Либроком, 2018. – 120 с. EDN: SHKZML
17. Сложеникина Ю. В. Терминологическая вариативность: семантика, форма, функция. Изд. стереотипное. – М.: ЛКИ, 2018. – 288 с. EDN: SZFVVD
18. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: Вопросы теории. – 6-е изд. – М.: УРСС, 2012. – 243 с.
19. Шелов С. Д., Лейчик В. М. О классификации профессиональной лексики // Известия РАН. Сер. литературы и языка. – 2012. – Т. 71, № 2. – С. 3–16. EDN: OXJRXH
20. Yan R. I. Poet: Automatic Chinese poetry composition through a generative summarization framework under constrained optimization / R. Yan, H. Jiang, M. Lapata, S. Lin,

L. Xueqiang, X. Li // Proceedings of 23rd International Joint Conference on Artificial Intelligence, California. – 2013. – Pp. 2197–2203.

Natalia V. Kozlovskaya, Anastasia S. Musaeva, Yulia V. Slozhenikina

Transterminologization in the Field of Artificial Intelligence: towards the Question of Subterminology

The article analyzes the standardized terminology of the scientific and practical field "artificial intelligence". The terms are taken from state standards that regulate the use of artificial intelligence in the fields of clinical medicine, education, agriculture, transport and other branches of human activity. The concept of subterminology is proposed for the first time in the article. By subterminology, the authors understand a special vocabulary that serves interdisciplinary professional fields that have arisen at the intersection of sciences. The main way to create such terminologies is transterminologization, that is, borrowing and assimilation of terms and concepts of related industries, and attraction, that is, borrowing from the literary language. The authors refer to the terminology of artificial intelligence as subterminology, in which only 12 percent of the terms qualify as their own. The article specifies donor terminologies, describes semantic mechanisms of adaptation of other terminologies for the purposes of describing artificial intelligence. The prospects for the study of non-standardized AI terminology are outlined, in which a similar trend is observed, namely, the active borrowing of the terms of those areas of knowledge into which AI methods, systems and programs penetrate.

Key words: terminology, subterminology, artificial intelligence, transterminologization, terminological attraction, interdisciplinary terminology.

For citation: Kozlovskaya, N. V., Musaeva, A. S., Slozhenikina, Ju. V. (2023) Transterminologizacija v sfere iskusstvennogo intellekta: k postanovke voprosa o subterminologii [Transterminologization in the Field of Artificial Intelligence: towards the Question of Subterminology]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 98–118. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2023_3_98. EDN: CHFIVF

References

1. Amirov, R. A., Bilalova, U. M. (2020) Perspektivy vnedreniya tekhnologiy iskusstvennogo intellekta v sfere vysshego obrazovaniya [Prospects for the introduction of artificial intelligence technologies in higher education]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie – Administrative Consulting*. No. 3. Pp. 80–88. DOI: 10.22394/1726-1139-2020-3-80-88. EDN: XKTQTC. (In Russian).
2. Konstantinova, L. V., Vorozhihin, V. V., Petrov, A. M. [et al.] (2023) Generativnyj iskusstvennyj intellekt v obrazovanii: diskussii i prognozy [Generative artificial intelligence in education: discussions and forecasts]. *Otkrytoe obrazovanie – Open education*. Vol. 27. No. 2. Pp. 36–48. DOI: 10.21686/1818-4243-2023-2-36-48. EDN: VPMIZK. (In Russian).
3. Golovin, B. N. (1981) Tipy terminosistem i osnovaniya ih razlichenija [Types of term systems and grounds for their distinction]. *Termin i slovo. Mezhuuz. sb.* [Term and word. Interuniversity Proceedings]. Gor'kij. Pp. 3–10. (In Russian).
4. Gorbunova, N. N., Archakov, R. A., Akhtaeva, L. A. (2020) Metaforizaciya kak osnova dlya transterminologizacii v sfere predmetnyh terminonominacij [Metaphorization as a basis for transterminologization in the field of subject terminonyms]. *Aktual'nye problemy filologii*

i pedagogicheskoy lingvistiki – Actual problems of philology and pedagogical linguistics. No. 3. Pp. 92–109. DOI: 10.29025/2079–6021–2020–3–92–109. EDN: ZJMEWP. (In Russian).

5. Demyankov, V. Z. (1996) Kognitivnaya obrabotka i pererabotka [Cognitive processing and processing]. *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [A Brief Dictionary of Cognitive Terms] Kubryakova, E. S., Demyankov, V. Z., Pankrats, Yu. G., Luzina, L. G. Under the general editorship of E. S. Kubryakova. Moscow: Faculty of Philology of Moscow State University Publ. Pp. 63–64. EDN: SMTWJ2. (In Russian).

6. Zajceva, A. S., Slozhenikina, Ju.V. (2018) K voprosu o kategorizacii terminologii chrezvychajnyh situacij (na materiale anglijskoj terminologii) [On the issue of categorization of emergency terminology (based on English terminology)]. *Jazyk i kul'tura – Language and Culture*. No. 44. Pp. 57–69. DOI: 10.17223/19996195/44/4. EDN: YXRARE. (In Russian).

7. Zaitseva, A. S. (2021) Sovremennyy professional'nyj jazyk robototehniki (na primere terminologicheskogo gnezda "Robot") [Modern Professional Language of Robotics (Terminological Family "Robot")]. *Nauchnyj dialog – Scientific dialogue*. No. 5. Pp. 96–114. DOI: 10.24224/2227–1295–2021–5–96–114. EDN: BQDRCD. (In Russian).

8. Karaulov, Yu. N. (1981) *Lingvisticheskoe konstruirovaniye i tezaurus literaturnogo yazyka* [Linguistic construction and thesaurus of literary language]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

9. Kozlovskaya, N. V. (2015) Yavlenie transterminologizacii v «filosofii obshchego dela» N. F. Fedorova [The phenomenon of transterminologization in the Philosophy of Common Cause by N. F. Fedorov]. *Pechat' i slovo Sankt-Peterburga (Peterburgskie chteniya – 2014)*. Sb. nauch. tr. [The Seal and the Word of St. Petersburg (Petersburg Readings – 2014)]. Pp. 236–242. EDN: TYUHSV. (In Russian).

10. Korneva, A. A. (2023) Doktrinal'nye i normativnye podhody k ponimaniju termina «iskusstvennyj intellekt» [Doctrinal and normative approaches to understanding the term “artificial intelligence”]. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry – Education. The science. Scientific personnel*. No. 2. Pp. 100–103. DOI: 10.56539/20733305_2023_2_100. EDN: LIWGGK. (In Russian).

11. Korovnikova, N. A. (2021) Iskusstvennyj intellekt v sovremennom obrazovatel'nom prostranstve: problemy i perspektivy [Artificial Intelligence in the modern educational space: problems and prospects]. *Obrazovatel'nye tehnologii – Social Novelty and Social Sciences*. No. 2. Pp. 98–113. DOI: 10.31249/snsn/2021.02.07. EDN: XTOWOJ. (In Russian).

12. Levina, M. A. (2019) Rol' privilechennyh terminov v formirovaniy vtorichnyh terminosistem prava v russkom jazyke [Borrowed terms' role in the formation of secondary systems of law terminology in the Russian language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*. Vol. 12. No. 1. Pp. 11–15. DOI: 10.30853/filnauki.2019.1.2. EDN: YSIEFN. (In Russian).

13. Lejchik, V. M. (2006) Terminovedenie: Predmet, metody, struktura [Terminology: Subject, methods, structure]. Moscow: KomKniga Publ. EDN: QLHLIA. (In Russian).

14. Novikova, A. A. (2020) Sravnenie instrumentov Sketch Engine i TermoStat dlja izvlecheniya terminologii [Comparison of Sketch Engine and TermoStat tools for terminology extraction]. *International Journal of Open Information Technologies*. Vol. 8. No. 11. Pp. 73–79. EDN: GCRYJW. (In Russian).

15. Slozhenikina, Yu. V. (2018) Osnovy terminologii: Lingvisticheskie aspekty teorii termina [Fundamentals of terminology: Linguistic aspects of the theory of the term]. Moscow: Librocom Publ. EDN: CHKZML. (In Russian).

16. Slozhenikina, Yu. V. (2018) Terminologicheskaya variativnost': semantika, forma, funkciya [Terminological variability: semantics, form, function]. Moscow: LKI Publ. EDN: SZFVVD. (In Russian).

17. Superanskaya, A. V., Podolskaya, N. V., Vasilyeva, N. V. (2012) Obshchaya terminologiya: Voprosy teorii [General terminology: Questions of theory]. 6th ed. Moscow: URSS Publ. EDN: CHKZML. (In Russian).

18. Shelov, S. D., Lejchik, V. M. (2012) O klassifikacii professional'noj leksiki [On the classification of professional vocabulary]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka – The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*. Vol. 71. No. 2. Pp. 3–16. EDN: OXJRX. (In Russian).

19. Yan, R. I. (2013) Poet: Automatic Chinese poetry composition through a generative summarization framework under constrained optimization. R. Yan, H. Jiang, M. Lapata, S. Lin, L. Xueqiang, X. Li. *Proceedings of 23rd International Joint Conference on Artificial Intelligence, California*. Pp. 2197–2203.

Личный вклад соавторов
Personal co-authors contribution
30/30/40 %

дата получения: 25.06.2023 г.
дата принятия: 15.07.2023 г.
дата публикации: 30.09.2023 г.

date of receiving: 25 June 2023
date of acceptance: 15 July 2023
date of publication: 30 September 2023

С. Ю. Дубровина

Ментальность религиозно-мистических настроений сектантства и их лексическая реализация в истории Тамбовской губернии

В статье репрезентируется и анализируется историческая лексика, отражающая религиозное сознание представителей неправославных конфессий дореволюционной Тамбовской губернии. Целью настоящего исследования является: а) достижение полноты изучение исторического лексического фонда рационалистических (молокане, духоборы) и мистических объединений (скопцы, хлысты); б) выявление связи конфессиональной терминологии с ментальными доктринами неправославных общин на южнорусской территории в границах старой губернии; в) рассмотрение лексики как специфической составляющей истории языка, отражающей реалии и особенности уклада религиозных объединений. Выполнено лексическое описание конфессионализмов, отмеченных в религиозных объединениях; выяснено, что словарь общинной идентификации сектантства в период конца XVIII–XIX веков представлял собой оригинальный лексический свод, не коррелирующий с вероисповедальным лексиконом основного населения. При этом для представителей указанных общин он был самодостаточным, авторитетным и уникальным маркером идентификации собственного религиозного мировоззрения. Терминология и подбор средств выражения основаны на полуфольклорной традиции и мотивированы убеждениями сообщества о необходимости выстраивания для среды бытования собственной религиозно-мифологической картины мира.

Ключевые слова: историческая лексика, тамбовские говоры, конфессиональная лексика, самоназвания, мотивационные связи, факты истории языка, краеведение.

Для цитирования: Дубровина С. Ю. Ментальность религиозно-мистических настроений сектантства и их лексическая реализация в истории Тамбовской губернии // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 3. – С. 119–141. DOI: 10.35231/25419803_2023_3_119. EDN: CLUTSQ

В свое время известный автор книги о русских духовных Стихах Георгий Петрович Федотов, касаясь темы «русской религиозности», точно подметил наличие неканонической линии вероисповедания среди части народных масс: «Русская религиозность таит в себе и неправославные пласты, раскрывающиеся в сектантстве» [21, с. 11]. На протяжении второй половины XIX века обращение к народной религиозности

было одним из самых популярных направлений отечественных антропологических дисциплин. При этом тема языка религиозной сферы нуждается в разработке и дальнейшем исследовании как лингво-историческое явление и терминологическая данность.

Фактором, сдерживающим, на наш взгляд, широкое обращение к терминологии «религиозного отступничества», являлась ее нетрадиционность и замкнутость, вызванная отступлением от православного вероисповедания и продвижением мировоззренческих и поведенческих установок, неприемлемых для основной части населения. Более того, значимым моментом, который следует отметить, является экзальтированность и приземленность обычаев, переходящая в «некорректность» и откровенную грубость многих сектантских «неологизмов» второй половины XIX века, в особенности тех, которые относятся к характеристике нашей традиционной церкви. Тем не менее, и эта лексическая данность призвана быть изученной в качестве лингвистического и исторического материала в силу ее языковой природы и архаичности лексикона.

Материалы и методы

На протяжении последних двух десятилетий вышли в свет публикации, обращенные к историко-этнографической и региональной стороне вопроса о формах народной религиозности. Исследователи затрагивают темы связей языков и мировых религий, языковой семантики и мифолого-религиозного сознания, особенностей религиозного общения [12], деревенских святынь [15], народного православия [6]. Стали доступными архивные материалы, обращенные к историко-этнографической и региональной сторонам проблемы сектоведения в дореволюционной России [1–3; 5; 14; 17]. Привлекают внимание исторические свидетельства и архивные данные, нуждающиеся в современном осмыслении старых текстов. Интерес представляет также освещение религиозных форм социального протеста в истории России как феномена возникновения ересей, противопоставленных «не только господствующей церкви, но и непосредственно с ней связанному государственному механизму»: движение

«огнепальщиков» в связи со старообрядческим расколом. социальные процессы закрепощения и основание хлыстовства в 30-х годах XVII века [18, с. 28, 30]. Устанавливается важность изучения языка религиозной сферы, «в его обусловленности религиозной культурой» [13, с. 128].

В современное гуманитарное знание, формирующееся под влиянием установок антропологии В. фон Гумбольдта, активно входит *теолингвистика* – наука, исследующая постулаты религии, обращенные к осмыслению знаний, заключенных в религиозном языке. Современная синхроническая теолингвистика обращена к терминологии и процессам лексического самовыражения и самоутверждения, происходящим в языке на том или ином историческом отрезке формирования лексики, отражением каковых являются лексические словари конфессионального самоутверждения, сложившиеся в практике религиозного дискурса.

Целью настоящей публикации является аналитический обзор исторической конфессиональной лексики, бытовавшей в Центральном Черноземье в XIX веке. Исследовательские краеведческие задачи обращены к поиску и выявлению лексически маркированных номинаций отдельных религиозных групп и объединений, локально связанных с тамбовской землей. Исследование призвано восполнить лексическую лакуну в отношении аналитики значимого языкового явления на отрезке географической карты России «Тамбовская губерния – Тамбовская область». В научный оборот вводятся архивные источники XIX века, на основе которых проводится лексико-семантический анализ терминологии. Статья содержит описание терминологических единиц лексики, маркирующих сферу вероубеждения. Аналитика исследования предполагает выявление терминологических групп и функционального статуса лексических единиц. Задачей исследования является также выявление религиозной терминологии, утверждающей состоятельность «собственного» вероучения «уклонистов», дополняющей лексический объем русского языка. Изучение этого исторического словарного фонда призвано к последующему решению задач аналитики исторического словаря религиозных группировок – «общинников». Таким образом, при исследовании осуществляется поиск лексических еди-

ниц тезауруса нетрадиционных религиозных объединений и толков, решаются задачи выявления тематики, словарного описания, прогнозирования структурно-семантического состава лексикона. Результатом исследования должно стать достижение полноты презентации массива лексического фонда и форм конфессиональной терминологии. Исследуемый материал будет полезным не только для исследователя-языковеда – лексиколога и лексикографа, но и для историка, фольклориста, краеведа, психолога.

Важной особенностью религиозного сообщества является обладание и владение «общим религиозным фондом», т. е. архетипическими формами выражения смыслов, формирующих и реализующих религиозные чувства [15, с. 3]. Следует учитывать исторически сложившуюся «среду» формирования конфессиональной терминологии неправославных общин в России: она развивалась в среде разговорного и диалектного языка под влиянием упрощенно-бытового восприятия «новых идей», вызывавших негативно-настороженную оценку со стороны представителей православного вероисповедания. Речевое самовыражение конфессий (молокан, духоборов, скопцов, хлыстов) представлено в классическом обзорном труде о сектах Т. И. Буткевича [4] и в краеведческих изданиях, в частности, тамбовских [7]. История и развитие «ересей, расколов и сект» подробно описаны в непревзойденном труде протоиерея Т. И. Буткевича [4], изложение которого построено от описания мистических сект (шалопутство, хлыстовство, скопчество) к представлению рационалистических (духоборчество, молоканство); при этом изучению подвергаются и менее известные объединения.

Результаты

Отступая от порядка представления сект Т. И. Буткевича, начнем наше рассмотрение с рационалистического движения *молоканства* как группы, наименование и терминология которой могут быть известны современному населению ввиду распространенности этого религиозного течения. Далее обратимся к «рационалистам» *духоборам*, затем к представителям «мистических сект» – *скопцам* и *хлыстам*.

Молокане

О высокой степени распространенности влияния *молокан* в южной России и истории Тамбовского края свидетельствуют «народные присловья» И. П. Сахарова, ставшие метафорическими маркерами обитателей тех или иных мест России. В своей популярной работе «Русское народное чернокнижие» И. П. Сахаров составил свод прозвищ жителей разных мест. Представленный исторический лексикон свидетельствует, что соотечественники называли тамбовчан по принадлежности к религиозному течению молоканства *молоканами* или *хрептуками степными* [19, с. 234]. Если второе прозвище – *хрептуки степные* – очевидно относится к географическому месту обитания (степь), то первое (*молокане*) уникально для краеведения, так как оно зафиксировано именно в качестве этнонима, что не типично для прозвищной лексики и отсутствует в характеристиках жителей иных русских территорий. Таким образом, религиозная отмеченность части населения губернии стала прозвищным классификатором «тамбовцев». Это именование выступает как исключительно значимый языковой классификатор исторической и религиозной идентичности. Для сравнения отметим, что в прозвищах жителей иных мест отсутствует мотивация вероучительной принадлежности: архангельцы – *моржееды*, владимирцы – *ключовники*, вологодцы – *толоконники*, вязьмичи – *прянишники*, ельчане – *сычужники*, новгородцы – *долбежники*, гущееды, судиславцы – *грибовики*, солигаличане – *бревенички*, рязанцы – *кособрюхие*, суздальцы – *мизенники*, мазалы, туляки – *стальная душа*, усольцы – *огуречники*, устюжане – *красноязыки* и т. п. [19; с. 215–235]. Достоверный номастикон прозвищ и присловий И. П. Сахарова с характеристикой *молокане* является доказательством наличия в Тамбовской губернии неправославных религиозных общин. Это подтверждается свидетельствами краеведов [7]. Но насколько распространены были *молокане* в России?

Авторитетные исторические источники по-разному представляют ареал «молоканства». Распространение представителей этой секты в конце XVIII – начале XIX вв. было отмечено на русском севере, в Центральном Черноземье, Поволжье и на Кавказе, оно коснулось Тамбовской, Владимирской, Сара-

товской, Самарской губернии; *молоканство* было распространено и на Кавказе. С именем крестьянина Семёна Уклеина, родом из Тамбовской губернии, связано появление *молокан* в России [17, с. 19]. Мнения о существовании объединений *молокан* в соседней Пензенской губернии расходились: одни считали *молоканство* не характерным для епархии, другие, опровергая это, указывали в качестве аргумента на скрытость и осторожность *молоканской* пропаганды [17, с. 20].

По различным данным, при переселении с родины в Забайкалье и на Амур тамбовские *молокане* и *духоборы* основывали там места поселения с родными для них именованиями (Андреевка, Покровка, Астрахановка). Вынужденные переселенцы выбирали название того села, из которого они приехали; причем чаще всего их выбор склонялся в пользу топонима **Тамбовка**. Во второй половине XIX – начале XX века было основано много подобных *Тамбовок* в Амурской области [5, с. 12]. Приводя данные о *молоканах* – первых поселенцах Амурского края после казаков, К. Литвинцев упоминает в качестве губернии переселенцев Тамбовскую. В частности, интересна зарисовка о 90-летнем тамбовском старике-духоборе, поразившем его своей начитанностью и крепкой памятью: «Он помнит твердо 1812 год, живя в это время в одном из сел Тамбовской губернии» [10, с. 665].

«Виновником», т. е. основателем *молоканства* считался Семен Уклеин (Матвеев), живший в XVIII веке, – «портной по ремеслу», «дворцовый крестьянином села Уварова» (Борисоглебский уезд Тамбовской губернии) [4, с. 281]. Суть названия *молокане* православное окружение объясняет «наивной этимологией» по созвучию, так как для православного окружения неприемлемо употребление молока в период постов, особенно в Великий пост. Распространенное прозвище «*молокане*», основанное на народной этимологии, было известно веком ранее, причем *молоканами* уже тогда именовали всех «уклонистов», не принимавших православие. Сами же *молокане* именовали себя *истинно духовными христианами*, тогда как *духоборы* называли себя *духовными христианами* [4; с. 281–282]. Терминологическое отделение *молокан* и *духоборов* осуществил своим высочайшим авторитетом екатеринославский архиепископ Амвро-

сий в 1875 г., обозначивший современных ему «духовных христиан» «духоборами», что «пришлось по сердцу этим сектантам, тем охотнее именуящим себя сынами Божиими, истинными, духовными христианами» [4, с. 206, 282]. Имеются свидетельства, негативно освещающие экзальтированное поведение молокан на «собраниях»: действия, предполагающие *голяшничество* раздевание со снятием всей одежды кроме длинной белой рубахи. Этот отрицательный оценочный термин закрепился в лексиконе пензенских крестьян, иронично именовавших молоканство *голяшничеством*. В Мокшанском уезде *голяшничеством* именовали само явление молоканства вообще [17, с. 20].

Обратимся к рассмотрению истории именовании молоканских объединений и их представителей в работах историков XIX века. Версия появления прозвища *молокáne*, ставшего универсальным именованим протестантов вообще, выдвигается в заметках К. Литвинцева, который считает, что это название «не сами они присвоили себе»; напротив, «они так названы православными» [10, с. 549]. Таким образом, *молокане*, по всей вероятности, не самоназвание сообщества, напротив, это *иноназвание*, пришедшее из православной среды в качестве оценочного именованиа вольного поведения «уклонистов», в особенности порицаемого православными несоблюдения постов и запрета на молочное в пост. Следует также уточнить собственно «молоканское» содержание лексемы *пост*: *молокане* соблюдают свои посты как совершенное непринятие пищи (*неядение*) от зари до зари. «В этом же значении понимают пост и духоборы» [10, с. 549; 16; II, с. 1587–1589].

Такое же объяснение именованиа *молокане* было подтверждено в беседах с современными жителями Тамбовской области. Подробной информации о наличии религиозных сообществ *молокан*, *духоборов* и прочих «сектантов» записать не удалось: люди скорее готовы слушать объяснения собирателей, но сами не имеют о теме ясного представления. Однако информанты сходились в том, что, во-первых, знают (слышали) о таковых; во-вторых, без труда трактовали именование «общинников»: «*Малакány* не веруют в крест, в церкву не ходят. У них свое кладбище. В пост едят молоко, отсюда и название – *малакány*» (сёла Кёрша, Пахотный Угол

Бондарский район). Таким образом, как мнение историка XIX века К. Литвинцева следует считать достоверным ввиду его фиксации в ППБЭС, так и народное объяснение наших дней совпадает с этим пояснением: «Назвали их молоканами потому, что они в пост пьют молоко; сами же они объясняют это название тем, что учение их есть "словесное млеко"» [16; II, с. 1587–1888].

Духоборы (духоборцы)

Во 2-й половине XVIII века распространяется учение духоборов – одного из течений «русского духовного христианства», тяготевшего к общинному укладу жизни, корни духоборчества «генетически были связаны с хлыстовщиной» [5, с. 11]. Руководителями тамбовских духоборов были Иларион Побирохин, «однодворец села Горелое Тамбовского уезда» [4, с. 212], и его соратник Савелий Капустин, отставной унтер-офицер, тоже родом из Тамбовской губернии, заменивший сосланного в Сибирь Побирохина [4, с. 214]. Оба восприняли учение от Силусена Колесникова – первого распространителя духоборческого учения в России. Духоборчество считается «русской сектой» [16, I, с. 777]. Почвой духоборчества явился протестантизм, в том числе квакерство, хлыстовство и другие «лжеучения» западного европейского материализма XVII века [4, с. 206].

По материалам тамбовских краеведов, поселения духоборцев находились в Козловском (ныне Мичуринский район Тамбовской области) и Тамбовском уездах, а также в селе Красная Дуброва, Троицкая Дубрава [7, с. 203, 222]. Мистика духоборов проявилась в убеждении, что души людей жили еще до сотворения мира, но пали вместе с ангелами [16, I, с. 778]. Корень словообразующей основы именованной конфессии -бор- заключает в себе мятежную семантику борьбы и борения духа. Именование духоборы (духоборцы) выражает сущность борьбы за свои убеждения, так как, по их верованиям, дело спасения зависит от внутреннего озарения (освящения от Духа Святаго). Автор историко-этнографического очерка о жизни духоборцев на Амуре в 80-х годах XIX века К. Литвинцев, задавая себе вопрос о происхождении наименований протестантских конфессий духоборов и молокан, видел здесь внутреннюю духовную борьбу личности: «Духо-

бор, для наития в себе святого Духа, борется с самим собой, со своими страстями...» [10, с. 549]. По мнению К. Литвинцева, именованном своим «духоборы весьма гордятся», так как оно отражает сущность исповедания их веры [10, с. 549]. Духоборцы верят в переселение душ, не признают первородный грех, отрицают Божества Иисуса Христа, отвергают таинства, священство, обряды (крещение, брака). Рационализм этой конфессиональной группы проявляется в том, что представители течения утилитарно подходят к священному тексту Священного Писания, полагая, что человек имеет право брать из Писания только «полезное». При этом представители течения ценят предания – «живое слово», переходящее из поколения в поколение (*книгу животную*). Неприятие духоборами священства отразилось в отсутствии лексики «устава», иерархии чинов и обрядности. Библию духоборы считали пустым чтением, приносящим излишние неудобства. Считается, что до конца XVIII века они обращались к чтению Евангелия на собраниях, но впоследствии Побирохин запретил это, назвав Библию «хлопотницею» [4, с. 214], и объявил обладающим истиной лишь «живое устное слово». На своих «молитвенных» собраниях они наизусть читали и пели псалмы – произведения, составленные из текстов Псалтыри, Нового Завета, церковных молитв, пели псалмы собственного сочинения, а также стихи духовные и литературные.

Исследователи сектантства отмечают близость религиозных воззрений так называемых рационалистов – духоборов и молокан, позволяющую оба течения считать «русскими протестантами». Т. И. Буткевич обличал симпатии к расколу в среде русской интеллигенции, усматривающей здесь «явление отрадное и прогрессивное», «свободный порыв к свету» [4, с. 3]. На самом же деле свобода оборачивается нежеланием понуждения себя к строгости в словах, делах, к плотским ограничениям, посту; отрицанием личного контроля поведения в семье и обществе.

Хлысты

По традиции, определенной классическим трудом профессора Т. И. Буткевича, исследование исторического явления «мистических» сект начинается с обращения к явле-

нию хлыстовства и заканчивается скопчеством [4; с. I–XIV, оглавление]. Рассмотрим лексическое самоопределение двух «мистических» сект – хлыстов и скопцов. «Хлыстовские верования появились на Руси в правление великого князя Дмитрия Иоанновича Донского» [4, с. 18]. Территорию появления этой секты историки связывают с бассейном реки Оки с дальнейшим распространением по средней и верхней Волге [2; с. 23–24]¹. В 70-х годах XVII столетия хлысты появились в Орловской, Тульской, Тамбовской губерниях и постепенно распространились далее на север и на восток [2; с. 23–24; 15, с. 28]. Материалы полковых историков Кубанского казачьего войска свидетельствуют о том, что сектантство, в частности, хлыстовское учение, играло значительную роль в религиозной жизни казачества Ставрополя 2-й половины XIX века [11, с. 32]. Хлыстов называли также христоверами [14, с. 28], богомолами, шелапутами, истинными христианами, давидовым согласием [7, с. 216]. Устройство общин и история хлыстов описаны в работах С. Д. Бондаря [3]. Измышления своего учения хлысты перемежали с достоверными историческими фактами и событиями русской истории. Так, главу скопческой ереси Кондратия Селиванова, бежавшего из Сибири и поселившегося в 1817 г. в Петербурге, считали «государем батюшки Петра Феодоровича»; более того, возводили в ранг святости, кощунственно называя «истинным Христом» и «вторым сыном Божиим» [8, с. 3]. Наименование хлысты не является самоназванием, скорее всего, оно акционального происхождения и образовано от глагола хлыстать – действия, производимого на радениях. Сами себя хлысты так не называют, но зовут «людьми божиими», и не любят, когда их хлыстами именуют другие. У хлыстов много других иноназваний – богомилы, кантовщики, сладкоедцы, шалопуты, самообожатели, ханжи, ляды и др. [16, II, с. 2281].

Имеется свидетельство о «причастии» тамбовских хлыстов, во время которого руководитель сообщества хлыстал их кнутом: «Несмотря на то, что богомолы шли к причастию весьма охотно, Катасонов вооружился кнутом и подгонял всех к столу» [7, с. 219]. Вполне возможно, что своё наименование хлысты получили как прозвище от местного

¹ Для сведения: Тамбовская область входит в район Поволжья, так как река Цна является притоком Оки.

населения из-за собственной часто произносимой формулы на собраниях: «Хлыщу, хлыщу, Христа ищущу!» [7, с. 217]. А. Г. Берман приводит материалы следственных комиссий, из которых следует, что на своих *радениях*, многократно повторяя Иисусову молитву, *хлысты* впадали в экстаз; вследствие чего их пляска представляла непроизвольные круговые движения [2; с. 29–30].

Кратко остановимся на языковом материале – индикаторе выражения смыслов, идентифицирующих членов своего конфессионального сообщества. Старой или «коренной хлыстовщиной» были так называемые *белоризцы*¹ – члены собрания, поэтичное наименование которых символизирует святость риз, наполненных «нетварными» энергиями горнего мира и воспоминанием об ослепительном Фаворском свете (белый цвет риз). В действительности это возвышенное именование единомышленников было лишь словесной ширмой и фактически соответствовало вышеописанным *радениям* (собраниям) или *деяниям* (обличениям грехов), проведение которых сочеталось с банальностью и грубостью исполняемых действий, пением в хороводе, хождением по кругу, помахиванием платочками, круженьем и верчением, топаньем на месте, подскоками, импровизацией несвязных стихов, затем падением на пол, всхлипываниями, «прищелкиваниями» и «свальным грехом» [3; с. 11–13, 21]. Ввиду того, что именованная данных обрядовых действий явились впоследствии источником исторической идентификации, остановимся на них подробнее.

В разных сектах были свои особенности поведения и проведения молитвенных собраний, отраженные в обрядовой терминологии. *Радения корабельные* – молитвенные собрания секты *белоризцев* – состояли из пения церковных молитв и хлыстовских стихов, а также хоровода, идущего справа налево с одновременным кружением одного члена собрания в центре круга – то есть, совершением *одиночного радения*. Помимо *одиночного радения* бывали *радения круговые (корабельные)* или *крестиком*. Сами участники собраний зовутся *радеющими*. Во время кружения *радеющие* поют «А мы духом запоем и корабликом пойдем» и не скрывают переполняющих их эмоций, то есть «гогочут, вскрикивают,

¹ «Первоначальную форму русской хлыстовщины составляет секта так называемых "белоризцев"» [3, с. 7].

всхлипывают, прищелкивают и падают в изнеможении» [3, с. 11]. Терминология обрядов являет разнообразие. Радение *кораблем* – «кружение», которое совершается мужчинами и женщинами порознь, знаменуя купель духовную или чан духовный, в котором сектанты омываются водою (т. е. «крестятся»). *Одинокое радение* – верчение, которое совершается одним лицом или несколькими лицами, при этом они *трепещут* плотию, т. е. нарочито трясутся и «ломаются». Радение *всхватку* – двое обхватывают друг друга и вертятся по комнате. Общее наименование – *белоризцы* – отражает цвет одежды на собраниях и является обозначением «чистоты духа». Хлысты совершали свои *радения* босиком или в чулках и надевали «белые одежды»: мужчины – белые сорочки и кальсоны, женщины – белые юбки и кофты, что, видимо, и дало основание для самоназвания «белоризцы». Отдельные объединения внутри секты хлыстов назывались *кораблями*; *кормщиками* (*пророками* или *пророчицами*) – руководители кораблей. Рационально-мистическое устройство собраний демонстрирует «демократическое (коллективистическое) понимание идеи перевоплощения Христа»; предписанные практики собраний якобы позволяют «видеть Христа во всех нас», т. е. во всех членах общин, «во всем роде» [3, с. 14, 19]. На почве «старой хлыстовщины» впоследствии возникла секта тамбовских *постников-богомолов*. Она отличалась строгостью поста, который состоял в полном воздержании от пищи, но при этом каждый постящийся – *совершенный* член секты избирал себе *духовницу*, с которой «жил по духу» [3, с. 16].

Ложная установка хлыстов на крайнее отрицание плоти как злого начала и идеализации духа как начала доброго нашла крайне грубое отражение в именовании младенцев, рожденных от родителей «не духовных», то есть «не назначенных» общиной. Дети хлыстов, рожденные в браке по венчанию, не признавались сообществом, назывались *грешками*, *щенятами*, *утехами сатаны* [16; I, с. 2283–2284]. Сами же члены общин возвышенно именовались *духовниками* и *духовницами*. В завышенной идентификации хлыстовских глав и членов общин проявляется настойчивое стремление к самоутверждению: *апостолы*, *архангелы*, *судьи*, *пророки*, вплоть до кощунственного самоименования *Христос*. «Корабельная»

тема учения хлыстов эксплицирована в соответствующих номинациях: *кормищица* – ‘управительница общины’, *парус* – ‘мантия’, *корабли* – ‘отдельные общины хлыстов’. Члены общины могут именоваться *постниками* и *богомилами*. В терминологии хлыстов прослеживается также «женская» тема: некие *богородицы*, *духовницы* – значимые лица в общинах.

Тамбовские «наставники» были известны за пределами родной губернии и создавали свои группы и на сопредельных территориях. Так, главным руководителем пензенских хлыстов стал некий крестьянин Степан Чушкин, «бывавший на заработках в Кирсановском уезде Тамбовской губернии»; причем, «вернувшись оттуда, он выдавал себя за *пророка*» и стал руководителем хлыстов пензенского села Селиксы. Чушкин периодически ездил к «тамбовским наставникам», для чего ему добыли «рекрутскую квитанцию», освобождающую от воинской повинности [17, с. 25]. О *богомоллах* (хлыстах) – Абакуме Копылове и его работнике Перфиле Катасонове – упоминает И. И. Дубасов [7, с. 219]. По поводу первенства в общинах Т. И. Буткевич замечал, что у хлыстов или *шалопутов*, как и других сектантов, было вполне обычным продолжением взаимной деятельности разрушение их «братского» союза «из-за вопроса, кому быть Христом» [4, с. 95].

Обрядовая лексика хлыстов отражает, с одной стороны, их стремление к самоутверждению через заимствование средств высокой стилистики русского литературного языка, с другой – простонародными и обмирщенными референциями. Больше всего это стилевое смешение проявляется в акциональной и номинативной словарных группах, характерных для хлыстовских собраний: *закалать агнцев* (о «причастии»), *искать Христа*, *пророки*, *радения*, *братья* и *сестры*; с другой – *верчения*, *пляска*, *кружение*, *хлыстать*, *скакать*, *шалопуты*. В лексическом поле, основой самовыражения которого может быть только простонародная лексика, отсутствуют и смешиваются стилистические уровни. Терминология «хлыстовщины» разнится в количественном и тематическом отношениях. Самоназвания *белоризцы*, *люди божии*, *пророки*, *корабли*; именованная иерархия *апостолы*, *богородица* (активистка общины) устанавливают внутреннюю значимость догматических установок своей конфес-

сии, используя христианскую традицию священной истории. В реальности в общинах хлыстов находились самозванные «богородицы», «пророки» и «апостолы», и на собраниях они подвергались сильным психическим экзальтациям, которые самочинно объясняли наитием духа. Более того, хлысты веровали в непрекращающееся периодическое возрождение Христа, как язычники египтяне в возрождение Осириса.

Хлысты тщательно укрывали свои собрания от православных, именуя последних «свиньями», тем самым провоцируя поводы к недовольству. Убеждение хлыстов в своей богоизбранности зиждилось на ложном самовосхвалении. Соответственно, «иноназвания» самих хлыстов, адресованные им православным населением, демонстрируют жесткую неприязнь и иронию: *христовщина*, *богомилы*, *ляды*, *кантовщики*, *сладкоедцы*, *шалопуты*, *монтаны*, *ханжи*, *самообожатели*, *купидоны*, *братья-корабельщики*, *вертуны*, *баклушники*. Собрания и обряды хлыстов иронично и негативно именуется «верчениями», «свальным грехом».

Скопцы

Кратко остановимся на особенностях лексического самовыражения скопцов. По мнению Г. Дьяченко, скопчество появилось и заимствовано в России от *богомил*ов – носителей ереси из Болгарии. Несмотря на неестественность скопческой пропаганды, а также невзирая на разъяснения православных пастырей и строгости наказания гражданской властью эта секта продолжала существовать [9, с. 193, 608]. Именование *скоп*ец отражает крайние отрицания физиологии и сознания человека – отрицание брака и естественных отношений между полами. По М. Фасмеру, ст.-слав. *скопъ*ць (греч. *εὐνοῦχος*) «связано с чередованием гласных со *щепá*, «...наряду с этим встречаются формы без s: греч. *χοῦπτο* «бью, рублю», *χοπάς* «обрезанный» [20, III, с. 650]. Скопчество обратило на себя внимание еще в 1772 году, при этом вопрос о том, кто был основателем объединения, остается открытым, хотя Т. И. Буткевич считал, что «виновником» секты являлся некий *Селиванов* (вероятно, Кондратий) [4; с. 171–172]. Движение распространилось в Орловской, Тульской и Тамбовской губерниях, «столицей» скопчества в которой стало

село Сосновка [4, с. 174]. Скопцам были свойственно стяжательство, страсть к деньгам. После крестьянской реформы 1861 года большой резонанс получил «скопческий процесс» Платицына, купца-миллионера, приверженца секты, проживавшего в Моршанске в середине XIX века.

Метафорическая самооценка *скопцами* своего религиозного сообщества отразилась в именовании *голубиное учение*, символически устанавливающим возвышенные качества объединения. Самоназвание общинников *белые голуби* коррелирует с орнитоморфным символом (голубь), олицетворяющим чистоту и непорочность, что, по мнению скопцов, свойственно их учению. Мистические настроения скопцов, заключающиеся в трактовке «презрения плоти», выражены эвфемистическим продуцированием наименований соматизмов (*ключи ада*, *ключи бездны*) и производимых операций оскоплений – *первое убеление*, *второе убеление* (*царская печать*) и других крайне негативных ассоциативных терминов [4, с. 195]. Подобные наименования, утверждающие обособление и возвышающие «самость» членов общин, характерны для маргинальных конфессиональных групп. Тем не менее, вредоносность деяний лиц, приверженных сектам скопцов, а также иным группам «уклонистов», была настолько очевидна для личности, социума и государства, что в 1845 году законодательством было принято «Уложение» о соответствующих наказаниях для последователей сектантов. При наличии доказательств «по совершенном изобличении» виновных ждала ссылка на Кавказ [1, с. 124].

Завершая результативную часть нашего исследования отметим, что в исторической жизни Тамбовского края реже всего отмечены в документах *старообрядцы* – православные дониконовской эпохи, которые жили скромно в северных уездах, имели часовенки, моленные дома для своих служб, и гнев духовенства и светских начальников, изливаемый на них, был «скоропреходящим» [7, с. 224].

Подводя итоги нашего исследования об истории, способах и особенностях лексической реализации мистических религиозных настроений в Тамбовской губернии XIX – начала XX века, отметим следующее. Обращение к историческим свидетельствам словаря неправославных конфессий убеж-

дает нас в том, что состав «иноконфессиональной» лексики, отмеченной среди «глубинного» простонародного населения деревень и сел Тамбовской губернии, сосредоточен на самоутверждении конфессиональных групп и их самобытности. Произведенный обзор тематики лексических единиц свидетельствует о приоритетном внимании к самоназваниям, именованию собраний, руководителей и членов сект, элементов общинной практики и производимых ритуальных действий. При этом акцентируется «высокая» значимость учений, собраний, радений, молений, причастия – прохождения той или иной стороны обряда. Именования повторяются в разных тематических группах, часто демонстрируя однообразие «профанного» словарного состава. Очевидно речевое самовозвышение – стремление к словотворчеству на базе возвышенных образов, нетипичных для обыденной коммуникативной практики (*корабли, пророки, апостолы, голуби*).

Лексика «глубинной» простонародной среды жителей деревень и сел Тамбовской губернии не всегда удовлетворяла запросам «уклонистов» к самовыражению, что провоцировало изыскание нетипичных возможностей лексической самореализации для утверждения собственной необычности. Это выражается в конструировании тематических именовании (лиц, собраний, действий и общинных практик), призванных показать значимость и «инакость» конфессии и возвысить её самобытность. Лексика самоопределения религиозных объединений не изобилует широтой состава и стилистическим многообразием, но утверждает значимость совершаемых обрядов. Особенностью «радений» и «собраний» является практикуемое достижение экзальтированности через недостойные в нормальном обществе ситуативные действия (раздевание, притоптывание, верчения, свальный грех у хлыстов). Это касается и речевого поведения самовозвышения (называние себя *пророками, христами, ангелами и агницами, духовниками и духовницами*). Самоидентификации (*апостол, богородица* – названия «наставников» у хлыстов) демонстрируют завышенную самооценку и отсутствие самокритичности лиц, исполняющих эти «роли». С точки зрения исповедников православия, конструирование подобных именовании является кощунственным актом, так как доказательная мотива-

ции обоснованности религиозных «притязаний» зиждется на смиренности, основе «правильного» общинного знания Священного Писания и библейской картины мира.

Авторы описаний исторических сект отмечают у их представителей антиномию к окружающему миру. Очевидны негативные характеристики, относящиеся к не-своей среде, к традиционной церкви и ее представителям, что вызывало взаимное отторжение, ссоры, социальную неприязнь. Так, Перфил Катасонов¹ называл православных священников «псами» и «собаками», рекомендовал своим последователям всячески вредить им и с такою же ненавистью относился ко всем православным [3, с. 28]. При этом демонстрировалась безупречность и самовозвышение собственных сообществ.

Тем не менее, и эта лексическая данность призвана быть изученной в качестве лингвистического, исторического факта, множественности материала и его регионального языкового своеобразия.

Заботой о собственной значимости и привлекательности обусловлена необходимость выстраивания религиозно-мифологической схемы каждой конфессии, поэтому очевидно стремление к идентификации и новаторству, выраженное в приоритетном возвышенном именовании членов общинных коллективов и самих общинных групп. В исследуемом семантическом поле лексики присутствуют метафоры, образность и меткость самовыражения.

Терминология и подбор средств самовыражения конфессий строятся на фольклорной и простонародной основе. Очевидны претензии на истинность своих воззрений и стремление к обособлению. При этом лексика рассмотренных религиозных объединений несопоставимо беднее по содержанию и способам выражения, чем тезаурус официальной церкви и старообрядчества. Это объясняется разными факторами: во-первых, отсутствием постоянного обращения к традиции церковного Писания и церковного предания и заменой вековой традиции вольным пересказом; во-вторых, отрывом сект от высокого стиля церковнославянского языка (выработка собственной семантики на почве разговор-

¹ Перфил Катасонов – род. в 1808 г., основатель секты хлыстов «Старый Израиль», уроженец села Перевоз Кирсановского уезда Тамбовской губернии [3, с. 24].

ного языка, вольные мистические толкования); в-третьих, стремлением к новаторству. Свою роль играет стремление сообществ к ограниченному общению (закрытость, замкнутость членов общин на себя). «Новаторство» сектантского толка проявляется в словесных знаках именовании общин, иерархии, участников, обрядовых действий. При этом мистическому словотворчеству исповедников «новых» религиозных течений, не блещущих в массе своей образованностью, доступны, как правило, только средства простонародного русского языка и терминология библейского происхождения в диалектно-разговорной передаче. Объяснения и доказательства достаточности мистических учений молокан и хлыстов строятся на полуфольклорной традиции со специфическим подбором тем и средств выражения.

Представителя общины всего более заботит «инакость» своей группы, чем такое всеобъемлющее понятие, как «народ Божий». Постоянное отстаивание собственной идентичности обусловило необходимость выстраивания для групп и толков оригинальной религиозно-мифологической картины мира.

Обсуждение и выводы

Словарь общинной религиозной идентификации молокан, духоборов, хлыстов был обусловлен замкнутостью сектантов на себя, но тем не менее он представлял несколько групп лексики. Во-первых, это церковнославянизмы в обмирщённой и иносказательной семантической передаче (ср.: *апостолы, пророки, богородицы, христы, чудотворки* – кощунственные именовании руководителей общин хлыстов); *ключи ада, ключи бездны* – терминология скопцов. В именовании духобор используется способ словосложения от разных корневых основ, развившийся в русском языке под влиянием старославянского. У хлыстов, несмотря на формальное наличие словесных знаков (*богородица, христос*), высокий стиль возвышенного языка славянских первоучителей нарушен и обмирщён грубыми действиями руководителей и их далеко не мирным поведением (понужением к «причастию» с помощью кнута, «хлыщением», скаканием). Подобные действия схожи с *голяшничеством* – раздеванием на молоканских собраниях. Вторую базовую часть терминологии «общинников» составили

русские оригинальные новообразования, не коррелирующие со смыслами вероисповедального самовыражения православной части населения, используемые внутри религиозных групп. Таким образом, основа лексикона представителей различных сект и толков (терминология действий, обрядов), несмотря на противопоставление многовековой традиции вероучения, являлась разговорной русской лексикой, созданной на общенародной основе русского языка. Тематика новообразований сектантских терминологий состоит из 3-х основных групп: именовании общин, групп, «духовных» лиц и членов сообществ (1), также производимых действий обрядового плана (2) и отрицательно-оценочных именовании лиц «не своей» религиозной группы (3). Такая акцентуализация тематики выполняет важную функцию самодостаточного и объединительного маркера собственной группы.

Лексика перечисленных конфессий тематически ограничена, несравнимо беднее по содержанию и способам выражения, чем православная. Доминирует стремление к «инакости», оформление которой состоялось стихийно в целях обособления, в результате индивидуального словотворчества, в группах с численностью представителей, не сопоставимой по сравнению с численностью окружающей православной среды. Факторами, сдерживающими широкое обращение населения к «сектантам», являлись, помимо основного вероисповедательного фактора, самообособленность, эпатажность способов выражения, языковое несовершенство, противопоставленность поведения и словотворчества. Содержательно это была терминология отступничества и самоотчуждения от вековой традиции православия. Терминология «общин» (сект) представляла отрицательный контраст с возвышенной красотой церковнославянского языка и церковного песнопения. Безусловно, главным условием отторжения от вхождения в данные сообщества было продвижение мировоззренческих и поведенческих установок, неприемлемых для основной части населения.

Список литературы

1. Александров И. А. Ответственность скопцов согласно Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Христианское чтение. Научный журнал. Теология. Философия. История. – 2018. – № 4. – С. 124–132.
2. Берман А. Г. Простонародные религиозно-мистические движения в Среднем Поволжье в XVIII–XX вв. – Чебоксары: Волжский филиал МАДИ, 2008. – 284 с.
3. Бондарь С. Д. Секты хлыстов. – Пг.: Тип. В. Д. Смирнова, 1916. – 95 с.
4. Буткевич Т. И. Обзор русских сект и их толков. – Харьков: Тип. Губернского правления, 1910. – X, 607, XIX с.
5. Буянов Д. Е. Духоборы в Амурской области во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2015. – № 68. – С. 11–16.
6. Громько М. М. Православие как традиционная религия большинства русского народа // Православие и культура этноса. (Межд. научный симпозиум: тезисы докладов). – М.: Старый сад, 2000. – С. 5–8.
7. Дубасов И. И. Очерки из истории Тамбовского края. Исследование И. И. Дубасова. – Тамбов: Тип. Губернского правления, 1890. – Вып. 1. – 225 с.
8. Дубровин Н. Ф. Наши мистики – сектанты: Е. Ф. Татаринова и А. П. Дубовицкий // Русская старина: ежемесячное историческое издание. – 1895 (октябрь). – Т. 84. – С. 33–64.
9. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь (со внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений) [Репринтное воспроизведение издания 1900 г.]. – М.: Изд. отдел Моск. патриархата, 1993. – 1120 с.
10. Литвинцев К. Амурские сектанты: молокане и духоборы // Христианское чтение. – 1887. – № 11–12. – С. 549–567; 664–681.
11. Матвеев О. В. К истории повседневности отставных кубанских офицеров (вторая половина XIX столетия) // Культурная жизнь Юга России (региональный научный журнал Краснодарского государственного института культуры). – 2012. – № 2 (45). – С. 30–32.
12. Мечковская Н. Б. Язык и религия: Пособие для студентов гуманитарных вузов. – М.: Агентство ФАИР, 1998. – 352 с.
13. Мещерякова О. А. Язык религиозной сферы как объект изучения современной лингвистики // Art Logos (Искусство слова). – 2023. – № 1 (22). – С. 128–144.
14. Мищенко В. В. Сектантство на территории Орловской губернии в конце XVIII–XIX вв. // Вестник МГОУ (Московского областного университета). Серия «История и политические науки». – 2011. – № 1. – С. 27–34.
15. Панченко А. А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. – СПб.: Алетейя, 1998. – 305 с.
16. Полный православный богословский энциклопедический словарь в 2 т. [ППБ-ЭС]. – СПб.: Изд-во П. П. Сойкина, 1913.
17. Плоткин В. А. Особенности сектантства Пензенской губернии в первой четверти XIX – начале XX века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2011. – № 2 (20). – С. 19–29.
18. Романовская Л. Р., Остроумов С. В., Сальников М. В. Фомичев М. Н. Религиозная форма социального протеста в политико-правовой истории России // Мир политики и социологии (федеральный научно-практический журнал). – 2014. – № 10. – С. 26–33.
19. Сахаров И. П. Русское народное чернокнижие. – СПб.: Литера, 1997. – 416 с.
20. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в 4-х тт. – М.: Прогресс, 1986–1987.
21. Федотов Г. П. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам) / Вступит. ст. Н. И. Толстого; послесловие С. Е. Никитиной; комментарий и подготовка текста А. Л. Топоркова. – М.: Прогресс, Гнозис, 1991. – 192 с.

Svetlana Yu. Dubrovina

The Mentality of Religious and Mystical Moods and their Lexical Realization in the History of Sectarianism of the Tambov Province

The article is devoted to the presentation and analysis of historical terminology reflecting the religious consciousness of representatives of non-Orthodox confessions that existed in the territory of the pre-revolutionary Tambov province. In addition to analytics of the phenomenon of non-traditional non-confessional vocabulary, the publication performs local lore research tasks. It is aimed at identifying lexically labeled nominations of religious associations historically associated with the Tambov oblast, and is intended to partially fill the existing analytical gap in relation to a significant linguistic phenomenon in a geographically designated territory (from Tambov province to Tambov oblast). It has been carried out a historical and lexical description of confessional vocabulary noted in religious associations historically associated with the Tambov oblast. The following conclusions are made: the dictionary of communal identification of Molokans, Doukhobors, Skoptsy, Khlysty in the period corresponding to the historical data of the 18th and 19th centuries represented an original lexical code that did not compare with the religious lexicon of the main population. At the same time, for representatives of these communities, it was a self-sufficient and unique marker for identifying their own religious worldview. The vocabulary of the listed confessions available from the sources is thematically limited, much poorer in content & ways of expression than the Orthodox vocabulary, which is explained, firstly, by the lack of historical and cultural tradition and separation from the high style of the Church Slavonic language; secondly, by the smaller number and little education of its representatives. An important role was played by the desire for self-identification and innovation (there is a large number of self-names of members of community collectives). Terminology and the selection of means of expression are based on folklore and popular motivation, which is due to the need to build their own religious and mythological picture of the world for the environment of existence.

Key words: historical vocabulary, Tambov dialects, confessional vocabulary, self-names, motivational connections, facts of the history of the language, study of local lore.

For citation: Dubrovina, S. Yu. (2023) Mental'nost' religiozno-misticheskikh nastroyenij sektantsva i ih leksicheskaya realizaciya v istorii Tambovskoj gubernii [The Mentality of Religious and Mystical Moods and their Lexical Realization in the History of Sectarianism of the Tambov Province]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 119–141. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2023_3_119. EDN: CLUTSQ

References

1. Aleksandrov, I. A. (2018) *Otvetstvennost' skopcov soglasno Ulozheniyu o nakazaniyah ugovolnyh i ispravitel'nyh 1845 goda* [Responsibility of eunuchs according to the Code of Penal and Correctional Punishments of 1845]. *Hristianskoe chtenie – Christian Reading*. No. 4. Pp. 124–132.
2. Berman, A. G. (2008) *Prostonarodnye religiozno-misticheskie dvizheniya v Srednem Povolzh'e v XVIII–XX vv.* [Common religious and mystical movements in the Middle Volga region in the 18th–20th centuries]. CHEboksary: Volzhskij filial MADI. (In Russian).
3. Bondar, S. D. (1916) *Sekty khlystov* [Khlysty sects]. Petrograd: Tip. V. D. Smirnova. (In Russian).
4. Butkevich, T. I. (1910) *Obzor russkikh sekt i ih tolkov* [Review of Russian sects and their interpretations]. Har'kov: Tip. Gubernskago pravleniya. (In Russian).
5. Buyanov, D. E. (2015) *Duhobory v Amurskoj oblasti vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.* [Dukhobors in the Amur region in the second half of the 19th – early 20th centuries].

Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Bulletin of the Amur State University. Series: Humanities. No. 68. Pp. 11–16. (In Russian).

6. Gromyko, M. M. (2000) Pravoslavie kak tradicionnaya religiya bol'shinstva russkogo naroda [Orthodoxy as a traditional religion of the majority of the Russian people]. *Pravoslavie i kul'tura etnosa. (Mezhd. nauchnyj simpozium: tezisy dokladov)* [Orthodoxy and culture of the ethnosa. (Inter. scientific symposium: abstracts)]. Moscow: Staryj sad Publ. Pp. 5–8. (In Russian).

7. Dubasov, I. I. (1890) *Ocherki iz istorii Tambovskogo kraja* [Essays from the history of the Tambov region]. Tambov: Tip. Gubernckogo pravleniya. Vyp. 1. (In Russian).

8. Dubrovin, N. F. (1895) Nashi mistiki – sektanty: E. F. Tatarinova i A. P. Dubovickij [Our mystics – sectarians: E. F. Tatarinova and A. P. Dubovitsky]. *Russkaya starina: ezheimesyachnoe istoricheskoe izdanie – Russian antiquity: a monthly historical publication.* Vol. 84. Pp. 33–64. (In Russian).

9. D'yachenko, G. (1993) *Polnyj cerkovno-slavyanskij slovar' (so vneseniem v nego vazhnejshih drevnerusskikh slov i vyrazhenij)* [Complete Church Slavonic Dictionary (with the introduction of the most important Old Russian words and expressions)]. Moscow: Izd. otdel Mosk. Patriarhata. (In Russian).

10. Litvincev, K. (1887) Amurskie sektanty: molokane i duhobory [Amur sectarians: Molokans and Doukhobors]. *Hristianskoe chtenie – Christian Reading.* No. 11–12. Pp. 549–567; 664–681. (In Russian).

11. Matveev, O. V. (2012) K istorii povsednevnosti otstavnykh kubanskikh oficerov (vtoraya polovina XIX stoletiya) [On the history of everyday life of retired Kuban officers (second half of the 19th century)]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii (regional'nyj nauchnyj zhurnal Krasnodarskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury) – Cultural life of the South of Russia (regional scientific journal of the Krasnodar State Institute of Culture).* No. 2 (45). Pp. 30–32. (In Russian).

12. Mechkovskaya, N. B. (1998) YAzyk i religiya: Posobie dlya studentov gumanitarnykh vuzov [Language and religion: A guide for students of humanitarian universities]. Moscow: Agentstvo FAIR Publ. (In Russian).

13. Meshcheryakova, O. A. (2023) YAzyk religioznoj sfery kak ob'ekt izucheniya sovremennoj lingvistiki [The language of the religious sphere as an object of study of modern linguistics] *Art Logos (Iskusstvo slova) – Art Logos (Art of the word).* No. 1 (22). Pp. 128–144. (In Russian).

14. Mishchenko, V. V. (2011) Sektantstvo na territorii Orlovskoj gubernii v konce XVIII–XIX vv. [Sectarianism on the territory of the Oryol province at the end of the 18th – 19th centuries]. *Vestnik MGOU (Moskovskogo oblastnogo universiteta). Seriya «Istoriya i politicheskije nauki» – Bulletin MGOU (Moscow Regional University). Series "History and political sciences".* No. 1. Pp. 27–34. (In Russian).

15. Panchenko, A. A. (1998) *Issledovaniya v oblasti narodnogo pravoslaviya. Derevenskie svyatyani Severo-Zapada Rossii* [Research in the field of folk Orthodoxy. Village shrines of the North-West of Russia]. St. Petersburg: Aleteya Publ. (In Russian).

16. *Polnyj pravoslavnyj bogoslovskij enciklopedicheskij slovar' v 2 t.* (1913) [Complete Orthodox Theological Encyclopedic Dictionary in 2 vols]. St. Petersburg: Izd-vo P. P. Sojkina (In Russian).

17. Plotkin, V. A. (2011) Osobennosti sektantstva Penzenskoj gubernii v pervoj chetverti XIX – nachale XX veka [Peculiarities of sectarianism in the Penza province in the first quarter of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya – Bulletin of the Volgograd State University. Series 4: History. Regional studies. International relationships.* No. 2 (20). Pp. 19–29. (In Russian).

18. Romanovskaya, L. R., Ostroumov, S. V., Sal'nikov, M. V. (2014) Fomichev M. N. Religioznaya forma social'nogo protesta v politiko-pravovoj istorii Rossii [Religious form of social protest in the political and legal history of Russia]. *Mir politiki i sociologii (federal'nyj nauchno-prakticheskij zhurnal) – World of Politics and Sociology (federal scientific and practical journal).* No. 10. Pp. 26–33. (In Russian).

19. Saharov, I. P. (1997) *Russkoe narodnoe chernoknizhie* [Russian folk black books]. St. Petersburg: Litera Publ. (In Russian).

20. Fasmer, M. (1986–1987) *Etimologičeskij slovar' russkogoazyka v 4-h t.* [Etymological dictionary of the Russian language in 4 vols.]. Moscow: Progress Publ. (In Russian).

21. Fedotov, G. P. (1991) *Stihi duhovnye (Russkaya narodnaya vera po duhovnym stiham)* [Spiritual Poems (Russian Folk Faith According to Spiritual Poems)] vstupit. st. N. I. Tolstogo; posleslovie S. E. Nikitinoj; kommentarij i podgotovka teksta A. L. Toporkova. Moscow: Progress, Gnozis Publ. (In Russian).

дата получения: 01.06.2023 г.

дата принятия: 15.06.2023 г.

дата публикации: 30.09.2023 г.

date of receiving: 01 June 2023

date of acceptance: 15 June 2023

date of publication: 30 September 2023

Т. А. Сироткина

Духовная культура русских в диалектной речи Прикамья

В статье на материале диалектной речи русских жителей Прикамья рассматриваются особенности отражения в ней духовной культуры народа. Особенности духовной культуры жителей этой территории обусловлены сохранением старообрядческих традиций, наличием иноэтнического окружения, длительным бытованием языческих ритуалов. Составляющими духовной культуры является диалектный лексикон и народный фольклор. Для анализа применены материалы «Словаря русских говоров южного Прикамья». Анализируются такие аспекты духовной культуры этноса, как календарная, свадебная, похоронная обрядность, особенности диалектной лексики вероисповедания. Делается вывод о том, что до настоящего времени для духовной культуры русских рассматриваемой территории характерно сочетание христианской традиции с определенными элементами языческой культуры, а также присутствие, наряду с православием, старообрядческой веры, что придает анализируемому культурному комплексу уникальность и своеобразие.

Ключевые слова: духовная культура, русские, диалектная речь, Прикамье.

Для цитирования: Сироткина Т. А. Духовная культура русских в диалектной речи Прикамья // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 3. – С. 142–149. DOI: 10.35231/25419803_2023_3_142. EDN: CTAADP

По наблюдениям исследователей, «традиционная духовная культура характеризуется достаточно хорошо проработанным диалектным ландшафтом русского слова» [3, с. 63]. В речи жителей разных регионов России репрезентируются те культурные смыслы, те особенности духовной культуры, которые сложились на этой территории на протяжении длительного времени. Составляющими духовной культуры являются диалектный лексикон и народный фольклор. Тематика календарного и обрядового фольклора достаточно изучена, о чем свидетельствуют многочисленные публикации¹. Особенности духовной культуры Прикамья обусловлены не-

¹ Сошлемся на исследование А. В. Черных, в котором дан подробный перечень работ и анализ исследований, касающихся календарных традиций русских, проживающих на заявленной нами территории: Черных А. В. Традиционная календарная © Сироткина Т. А., 2023

сколькими обстоятельствами: миграцией старообрядческого населения в этот край из центра после церковного раскола, наличием иноэтнического окружения и заводского населения, связанного с горной добычей¹, а также длительным бытованием языческих традиций. Все эти особенности духовной жизни населения Прикамья сформировали уникальную культуру, ставшую предметом научного изучения [1–2; 4; 7; 11].

Материалы и методы

В настоящей статье рассмотрим отражение духовной культуры в диалектной речи русских жителей Прикамья. В отношении диалектной речи Прикамья собрано достаточно много лексического и фольклорного материала: сказки [12], собрание паремий [5], календарная [8; 13] и свадебная обрядность [6], издан фразеологический словарь пермских говоров [10]. Следует упомянуть коллективные издания Пермского университета «Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии: материалы и исследования» [4], «Лингвокультурное пространство Пермского края: материалы и исследования» [7]. Для анализа мы использовали материалы «Словаря русских говоров Южного Прикамья» [9] (все примеры приводятся по этому изданию. – Т. С.).

Мы рассматриваем диалектную лексику народной обрядности – календарной, свадебной, похоронной и лексику вероисповедания. Народная обрядность «вмещает целый ряд комплексов, в которых отражена хозяйственная, бытовая, фольклорная, мифопоэтическая и этнолингвистическая традиция народа» [8, с. 4]. Жители рассматриваемой территории в своей духовной культуре сочетали христианские традиции с определенными элементами языческой культуры, поэтому к анализу привлекались и материалы языческого календаря. Присутствие, наряду с православием, старообрядческой веры вызвало необходимость учитывать особенности лексического сопровождения бытового поведения и ритуалов старообрядцев – все это придает анализируемому культурному комплексу уникальность и своеобразие.

обрядность русских Прикамья в конце XIX – середине XX вв. (региональный аспект праздничной культуры): дис. ...д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2007. 492 с.

¹ См.: Черных А. В. Этнокультурная история Южного Прикамья: По материалам традиционной календарной обрядности в конце XIX – начале XX в.: дис. ...канд. ист. наук. Пермь, 1999. 231 с.

Результаты

Одной из особенностей традиционной духовной культуры русских Прикамья является календарная обрядность. По наблюдениям А. В. Черных, народный календарь «составляет ядро всей традиционной культуры», позволяет понять «разносторонние грани народного мировосприятия»¹. В исследуемом материале названия праздников отражены в составе таких устойчивых сочетаний, как:

* Лавры да Фролы (день почитания мучеников Фрола и Лавра, 31 августа): «Лавры да Фролы живут – овес жуют, к обедне коней приводили, их привяжут к ограде и брызжут водой»;

* Матрёна (зимний праздник, день почитания преподобной Матроны, 22 ноября): «С Матрёны зима встаёт на ноги – землю студит»;

* Матушка Покров (праздник Покрова, 14 октября): «Снег если выпал в Покров, которые старые девки, которым надо в замуж выйти, выходят утром и говорят: "Матушка Покров, ты покрыл землю, а меня женишком". И сыплют голову»;

* Митровская (праздник в честь Дмитрия Солунского, 2 ноября): «На Покров если снег выпадает, то и на Митровской снег будет»;

* Надкрещение (день перед Крещением, 18 января): «Сочельник крещенский – это надкрещение, он бывает восемнадцатого числа»;

* Надрождество (канун Рождества, рождественский Сочельник, 6 января): «Надрождество живет шестого числа»;

* Масленица (подвижная неделя, начинается за 56 дней до Пасхи): «Эта неделёкка гулевая – масленка. А там всё, уже до Пасхи».

В отдельных деревнях или районах существуют свои, местные, праздники, приуроченные к определенной дате. Так, в Октябрьском районе празднуют «липку», которая по времени совпадает с Ивановым днем: «"Липку" раньше делали, и сейчас делают. Найдут липу полуку, поставят на луг, бересто туда, и жгут, как факел. Пляшут, угощаются. Это от астонцев взято».

¹ Черных А. В. Традиционная календарная обрядность русских Прикамья в конце XIX – середине XX вв. (региональный аспект праздничной культуры): дис. ...д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2007. 492 с.

Называют жители Прикамья традиционные персонажи праздников, например, Долгая Марья – это один из персонажей святочного ряженья: «Парни рядились в Долгу Марью. Средятся, ходят на ходулях, две палки, на их вот ходят, и это долгая баба».

Каждый календарный праздник имеет свои традиции, свою песенную составляющую. Так, например, в Троицу пели «лилё», в Святки – «морозили ложки»: «В Троицу за новой берёзкой ходили. На луга ходили по берёзку, в деревне в трёх местах берёзки ставили. Идут с лилем через речку, венки в воду бросают»; «У нас морозили ложки. Если умру нынче, вот загадаешь, там ямка делается, а не умрешь – бугорок. На сковороду их поставим, эти ложки, и воды туда наливаешь. А к ночи это вынесешь, утром посмотришь. Ой, у меня яма, у другого-то бугор!»

Одной из главных особенностей духовной культуры русских Прикамья можно назвать симбиоз христианской веры с языческими представлениями о существовании нечистой силы. Так, например, жители Кунгурского района просят о чем-то лешего, называя его Леонтием Леонтьевичем: « – Тетя Мария, дак как мы его найдем? – Я счас вас научу: табачку возьмите, папиросок, сходите в лес, пенек найдете, ложите на пенек и там скажете: "Леонтий Леонтьевич, угостись вот табачком, приведи нам такого-то. Он, – гыт, – придёт"». Другие названия лешего – лесовик, леш: «Я сама лесовика не видела, а стары люди сказывали, что он с ёлку будет»; «Может, человек блуждает или чё, говорят, может леша встретил». Упоминается жителями того же Кунгурского района и супруга лешего – лесовчиха: «Лесовчиха тоже может водить человека по лесу». Еще один женский демонологический персонаж – лиходейница, которая насылает порчу: «Когда первый раз выгоняешь корову в поле, надо ударить корову вербой, освященной в воскресенье, и прочитать молитву: "Сам Иисус Христос шёл с небес, в правой руке крест держал. Иди моя коровка в поле, битыми полями, тёмными улицами, тебя будут встречать чародейцы и лиходейницы, ты их не бойся. У тебя ноги, у тебя рога. Ногами затопчи, рогами заколи, хвостом замути, глаза запороши, а ко мне в свой двор со всем добром иди"».

Важной составляющей духовной культуры русских Прикамья является свадебная обрядность. В речи носителей диалекта описываются:

* фрагменты свадебного обряда: «Косу ломают, когда уже из бани приводят. Свёкра и свекровь на следующий день ведут в баню»; «Мальчишник перед свадьбой устраивали, жених с холостяцкой жизнью прощался, друзей приглашал»; «Окошко мерить невеста приезжала в дом жениха в девишник. Шторы делала в дом жениха, еще на зеркало тоже накидку делала»;

* ритуальные свадебные предметы: «Подвенешно мыло – его в пазуху, венчаться. Потом я им робятам глаза мыла»;

* свадебные песни: «Девишницы приходят на вечер, песни поют, всякие такие *насказульки*»;

* основные свадебные персонажи: «Когда просватают невесту, там одни *невестицы* останутся и родители. Девишницы останутся. И вот тогда расплетают косу».

* Особое место среди традиционных обрядов занимает похоронный обряд. С проводами умершего связаны такие традиции, как:

* «накладывание крестов»: «Кресты налаживают, чтобы не подходил никто к покойнику с худым-то. На руках, на ногах, на лбу»;

* раздача милостыни первым встретившимся на похоронах: «Умершему три мешочка делают, если мужик, дак мужикам подают, а женщина – женщине подают»;

* подаяние в день сорочин: «На сороковой день надо потайную милостыню подавать, она называется сороковая милостина. Платочки сорок штук, и туда в платки можно положить то ли конфетку, то ли пряник, то ли чё. И завернуть, и отдать».

Особое место в духовной культуре занимает религия. Одной из актуальных религиозных традиций Прикамья была и остается старообрядческая. Так она описывается диалектоносителями:

* процесс перехода в другую веру: «Я говорю: "Если пойдешь в мою веру, значит, поженемся". Пошла, согласилась, вот и перекрещивалась. Она ведь тоже макана была. Макали её тоже, когда крестили. Это ведь схоже, одному Богу-то молимся»;

* значение предметов религиозного культа: «Под Белой горой без лестовки никто не ходит. А наши священники за лестовку оговаривали. Я, грешница, знаю это, что они маловерующие, ну как мало знают. Я говорю только ведь – она, Богородица Пресвятая, не ходила без лестовки никуда, беси чтоб нигде не казались, не стаскивали людей. Лестовка спасает везде»;

* степень веры отдельного человека: «Вот мама у нас многоверующая была, она не давала ни единого дня молосное исть»;

* роль молитвы в различных ситуациях: «И вот, говорит, идет навстречу мужчина по дороге и делается всё больше-больше, всё выше-выше. Ну я, говорит, испугалась, молёбка сотворила. Он захохотал и ушел от меня. Так вот на этом месте, говорят, мужчина убился краснойярский»; «Душу провожают, смотря какая молящица, выходят и молятся, у каждого в руках свеча. Вот помолились и потом уже за стол»;

* роль религиозных наставников: «У старообрядцев не попы, а молящие»; «Молящий – это как поп, наставник-то. Вот у нас Лазарь был, самоуком всё знал»;

* виды молитв: «Встают, надо покласть начал. Я только знаю этот начал, а есть большой».

Обсуждение и выводы

Таким образом, в диалектной речи русских жителей Прикамья отражаются такие аспекты духовной культуры этноса, как календарная, свадебная, похоронная обрядность, особенности вероисповедания. До настоящего времени для духовной культуры русских рассматриваемой территории характерно сочетание христианской традиции с определенными элементами языческой культуры, а также присутствие, наряду с православием, старообрядческой веры, что придает анализируемому культурному комплексу уникальность и своеобразие.

Список литературы

1. Агапкина Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря: весенне-летний цикл. – М.: Индрик, 2002. – 816 с.
2. Бакланова И. И. Фразеологизмы сравнения в пермских говорах // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2011. – № 4 (16). – С. 27–31.

3. Вендина Т. И. Русская традиционная духовная культура: наследие в слове // Ме-тафизика. – 2012. – № 4 (6). – С. 49–64.
4. Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии: материалы и исследования / отв. ред. И. И. Русинова. Вып. 1–3 – Пермь, 2007–2009.
5. К пиру едется, а к слову молвится. Народная паремика Пермского края / сост. И. А. Подюков, Е. Н. Свалова. – Пермь: Изд-во Маматов, 2014. – 190 с.
6. Куединская свадьба: свадебные обряды русских Куединского района Пермской области в конце XIX – первой половине XX в. / сост. А. В. Черных. – Пермь: Книга, 2001. – 145 с.
7. Лингвокультурное пространство Пермского края: материалы и исследования / гл. ред. И. И. Русинова; под общ. ред. М. В. Бобровой; Перм. гос. нац.-исслед. ун-т. – Пермь, 2015. – Вып. 4. – 220 с.
8. Подюков И. А. Круговорот жизни: народный календарь Прикамья. – Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2001. – 99 с.
9. Подюков И. А., Свалова Е. Н., Хоробрых С. В., Черных А. В. Словарь русских говоров южного Прикамья. – Пермь, 2012. – 502 с.
10. Прокошева К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров. – Пермь: ПГПУ, 2002. – 432 с.
11. Русинова И. И., Полякова Е. Н. Мифологические и магические представления жителей Пермского края в зеркале лексики и фразеологии (на материале лексики памятников письменности XVI–XVIII вв. и мифологических рассказов XX–XXI вв.) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2012. – № 3. – С. 7–13.
12. Русские народные сказки Пермского края / сост. А. В. Черных. – Пермь: Пермское книжное изд-во, 2004. – 278 с.
13. Сайгатка 2003. Календарные праздники и обряды русских Чайковского района Пермской области (конец XIX первая половина XX вв.): Сборник фольклорно-этнографических материалов / сост. А. В. Черных. – Пермь: ПОИПКРО, 2003. – 144 с.

Tatiana A. Sirotkina

Spiritual Culture of Russians in the Dialect Speech of the Kama Region

In the article, on the material of the dialect speech of the Russian inhabitants of the Kama region, the features of the reflection of the spiritual culture of the people in it are considered. The peculiarities of the spiritual culture of the people of this territory are due to the preservation of Old Believer traditions, the presence of a foreign ethnic environment, and the long existence of factory folklore. Such aspects of the spiritual culture of the ethnic group as calendar, wedding, funeral rituals, features of religion are analyzed. It is concluded that, until now, the spiritual culture of the Russians in the territory under consideration is characterized by a combination of Christian tradition with certain elements of pagan culture, as well as the presence, along with Orthodoxy, of the Old Believer faith, which gives the analyzed cultural complex uniqueness and originality.

Key words: spiritual culture, Russians, dialect speech, Kama region.

For citation: Sirotkina, T. A. (2023) Duhovnaya kul'tura russkikh v dialektnoj rechi Prikam'ya [Spiritual Culture of Russians in the Dialect Speech of the Kama Region]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 142–149. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2023_3_142. EDN: CTAADP

References

1. Agapkina, T. A. (2002) *Mifopoeticheskie osnovy slavyanskogo narodnogo kalendarya: vesenne-letnij cikel* [Mythopoetic foundations of the Slavic folk calendar: spring-summer cycle]. Moscow: Indrik Publ. (In Russian).
2. Baklanova, I. I. (2011) *Frazeologizmy sravneniya v permskih govorah* [Phraseologisms of comparison in Perm dialects]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya – Bulletin of the Perm University. Russian and foreign philology*. No. 4 (16). Pp. 27–31. (In Russian).
3. Vendina, T. I. (2012) *Russkaya tradicionnaya duhovnaya kultura: nasledie v slove* [Russian traditional spiritual culture: heritage in the word]. *Metafizika – Metaphysics*. No. 4 (6). Pp. 49–64. (In Russian).
4. Rusinova, I. I. (2007–2009) (ed.) *ZHivaya rech' Permskogo kraya v sinhronii i diahronii: materialy i issledovaniya* [Live speech of the Perm region in synchrony and diachrony: materials and research]. Part 1–3. Perm'. (In Russian).
5. Podyukov, I. A., Svalova, E. N. (2014) (eds.) *K piru edetsya, a k slovu molvitsya. Narodnaya paremika Permskogo kraya* [He goes to the feast, but by the way he says. Folk proverbs of the Perm Territory]. Perm': Izd-vo Mamatov. (In Russian).
6. Chernyh, A. V. (2001) (ed.) *Kuedinskaya svad'ba: svadebnye obyady russkih Kuedinskogo rajona Permskoj oblasti v konce XIX pervoj polovine XX v.* [Kuedinsky wedding: wedding ceremonies of Russians in the Kuedinsky district of the Perm region at the end of the 19th first half of the 20th century]. Perm': Kniga Publ. (In Russian).
7. Rusinova, I. I. (2015) (ed.) *Lingvokul'turnoe prostranstvo Permskogo kraya: materialy i issledovaniya* [Linguistic and cultural space of the Perm region: materials and research]; Perm. gos. nac.-issled. un-t. Perm'. Issue 4. (In Russian).
8. Podyukov, I. A. (2001) *Krugovorot zhizni: narodnyj kalendar' Prikam'ya* [The cycle of life: the folk calendar of the Kama region]. Perm': PONICAA Publ. (In Russian).
9. Podyukov, I. A., Svalova, E. N., Horobryh, S. V., CHernyh, A. V. (2012) *Slovar' russkih govovor yuzhnogo Prikam'ya* [Dictionary of Russian dialects of the southern Kama region]. Perm'. (In Russian).
10. Prokosheva, K. N. (2002) *Frazeologicheskij slovar' permskih govovor* [Phraseological dictionary of Perm dialects]. Perm': PGPU Publ. (In Russian).
11. Rusinova, I. I., Polyakova, E. N. (2012) *Mifologicheskie i magicheskie predstavleniya zhitel' Permskogo kraya v zerkale leksiki i frazeologii (na materiale leksiki pamyatnikov pis'mennosti XVI–XVIII vv. i mifologicheskikh rasskazov XX–XXI vv.)* [Mythological and magical representations of the inhabitants of the Perm region in the mirror of vocabulary and phraseology (based on the vocabulary of written monuments of the 16th–18th centuries and mythological stories of the 20th–21st centuries)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya – Bulletin of the Perm University. Russian and foreign philology*. No. 3. Pp. 7–13. (In Russian).
12. CHernyh, A. V. (2004) (ed.) *Russkie narodnye skazki Permskogo kraya* [Russian folk tales of the Perm region]. Perm': Permskoe knizhnoe izd-vo. (In Russian).
13. CHernyh, A. V. (2003) (ed.) *Sajgatka 2003. Kalendarnye prazdniki i obyady russkih CHajkovskogo rajona Permskoj oblasti (konec XIX pervaya polovina XX vv.)*. *Sbornik fol'klorn-etnograficheskikh materialov* [Sajgatka 2003. Calendar holidays and rituals of the Russians in the Chaikovsky district of the Perm region (end of the 19th – first half of the 20th centuries). Collection of folklore and ethnographic materials]. Perm': POIPKRO Publ. (In Russian).

дата получения: 24.05.2023 г.
дата принятия: 15.06.2023 г.
дата публикации: 30.09.2023 г.

date of receiving: 24 May 2023
date of acceptance: 15 June 2023
date of publication: 30 September 2023

Виктор Шетэля

О паремиологии текста «Памятных записок» А. В. Храповицкого

Статья посвящена паремиологии, зафиксированной в тексте воспоминаний статс-секретаря императрицы Екатерины Второй А. В. Храповицкого, которые он вел в период 1782–1793 гг. Все важные события того времени с комментариями некоторых из них самой императрицы описываются автором записок. Интерес вызывают пословицы и поговорки, а также фразеологические обороты, которые в своих воспоминаниях приводятся в прямой речи Екатерины Великой автором записок. Методология исследования включает лингвистический и лингвокультурологический анализ паремий и установление их семантического значения и возможного происхождения. Анализ образного и экспрессивного характера паремий в «Памятных записках» поможет составить представление о языковой личности Екатерины Второй, а также реконструировать языковую атмосферу эпохи, границы литературной речи и просторечия, оценку исторических событий современниками, бытовые реалии дворцовой жизни.

Ключевые слова: комментарии, паремиология, пословицы и поговорки, прямая речь, фразеологизмы, цитация.

Для цитирования: Шетэля В. О паремиологии текста «Памятных записок» А. В. Храповицкого // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 3. – С. 150–161. DOI: 10.35231/25419803_2023_3_150. EDN: GIPCYX

Историческая паремиология – важный источник изучения русской культуры и русского языка. XVIII век сыграл важную роль в истории страны как время великих преобразований. Многие факты и события этого времени зафиксированы в документальной и автодокументальной прозе. Литературная роль этого вида текстов определена в трудах А. Г. Тартаковского, который рассматривал русские мемуары в развитии от 1700 до 1861 года как «опыт своего участия в исторической жизни» [16, с. 8]; Я. М. Билин-киса, исследовавшего документальные жанры XVIII века как предтечу русского романа в силу проявления в них

авторского начала [1]; О. Г. Егорова, который исследовал литературные дневники, в которых ярко проявляется языковая личность его автора [3]; Т. В. Мальцевой, проанализировавшей записки и дневники участников восточных событий в эпоху Екатерины II [6]; А. Е. Чекуновой, собравшей русское мемуарное наследие XVII–XVIII веков [19] и др. Все исследователи отмечают своеобразие авторского голоса в индивидуальных записках этого периода. Лингвисты связывают с этим периодом начало формирования русского литературного языка и его образных средств. Укажем работы В. П. Жукова [2], А. И. Федорова [18], В. М. Мокиенко [8], Н. В. Телия [17], Г. П. Князьковой [4] о лексике, фразеологии и паремиологии в целом в XVIII – начале XIX века.

Важно знать, каким языком пользовались носители русского языка в прошлом, а тем более носители русского языка из числа верхушки власти прошлого времени. Языковые факты в речи «VIP-лиц» во многом могут пояснить обстановку в стране того времени и намерения властей в решении государственных проблем. Такую возможность познания русского языка конца XVIII века дают нам «Памятные записки», которые с 1782 по 1793 г. вел статс-секретарь Екатерины Великой А. В. Храповицкий. Отметим, что в 1782 г. Екатерине Великой исполнилось 53 года, а на момент окончания записок в 1793 г. ей уже 64. Умерла она три года спустя. Так что у Храповицкого описана жизнь и интересы женщины в преклонном возрасте на закате ее жизни. Мысли и деяния императрицы являются основным содержанием «Памятных записок». А. В. Храповицкий не только фиксирует все мало-мальски интересующее Екатерину, т. е. все происходящее внутри страны и за рубежом, личные дела подданных, а и показывает ее реакцию на эти события. Характер реакции на конкретные дела и события становится понятным из зафиксированных секретарем высказываний правительницы. Приводимая в «Памятных записках» прямая речь императрицы, звучащая часто в неофициальной обстановке, например, при «волосочесании», задокументирована статс-секретарем и является важным источником сведений о самой личности Екатерины Великой и об эпохе конца XVIII века при ее правлении.

Материалы и методы

Итак, материалом статьи являются «Памятные записки» статс-секретаря Екатерины Великой А. В. Храповицкого, в которых ценным фактом представляется дословная фиксация речи правительницы, которая определяла, в том числе, и литературную политику в стране, выступая журналистом, драматургом, мемуаристом. Очевидно, что меткие высказывания Екатерины Второй тиражировались и входили в речевой обиход. Живая речь правителей и представителей дворянства XVIII – начала XIX века уже была объектом исследования [9–10; 14–15]. Можно считать, что методология анализа «живой» речи, в том числе личного паремиологического фонда сложилась и успешно апробирована.

Методология включает лингвистический и лингвокультурологический анализ паремий и установление их семантического значения и возможного происхождения. Анализ образного и экспрессивного характера паремий в «Памятных записках» поможет составить представление о языковой личности Екатерины Второй, а также реконструировать языковую атмосферу эпохи, границы литературной речи и просторечия, оценку исторических событий современниками, бытовые реалии дворцовой жизни.

Результаты

В зафиксированных в «Памятных записках» высказываниях императрицы ее речь спонтанна, без какой бы то ни было подготовки оснащена пословицами, поговорками, изречениями и фразеологизмами, образно освещающими проблему и дополнительно свидетельствующими о важности для государства данного исторического момента. Скажем, в записке от 16 декабря 1788 г. императрица оценивает реакцию европейских государств на взятие российскими войсками Очакова следующим выражением: «Промолвлено: "Знает кошка, чье мясо съела"» [12, с. 145]. (Здесь «промовлено», т. е. так сказано Екатериной; курсив здесь и далее в примерах наш; орфография оригинала везде сохранена. – В. Ш.). Пословица употреблена в значении: 'о том, кто виноват и сознает свою вину перед кем-то', а в высказываниях императрицы – 'о европейских государствах, которые виноваты и осознают свою вину перед Россией'.

Екатерина и раньше из донесений знала о скорейшем взятии Очакова. Этот факт 18 октября 1788 г. был ею обозначен следующими словами: «Очаков на нитке висит» [12, с. 120]. Выражение 'висеть на нитке', вероятно, из немецкого *Sein Leben hängt an einem Faden*, которое можно интерпретировать в русской более полной форме: Жизнь висит на нитке, а думает о прибыли.

Выражение 'висеть на нитке' происходит из более древнего источника, каким является древнеримская мифология, в которой Парки прядут нить человеческой жизни [7, I, с. 106–107]. В речи Екатерины оно обозначает скорейшее завершение осады крепости. Если подробнее, то данные смыслы выражений прямо имеют отношение к планам восстановления мира с Портой и Швецией, укрепления за Россией Крыма, Очакова, возобновления свободной навигации на Черном море, освобождения из турецкого плена российского посла Я. И. Булгакова. Поручено при этом тайному советнику М.-Ю. Нессельроду Екатериной быть осторожным и внимательным с представителями иностранных государств при решении этих проблем. Данные выражения «Знает кошка, чье мясо съела» и «висеть на нитке» как раз иллюстрируют озабоченность Екатерины этими вопросами.

В связи с очаковской победой отметим выражение «пустить слух» в значении 'распространить неверные сообщения, неправдивую информацию', которое употреблено по частному вопросу. В «Памятных записках» от 2 января 1789 г. целиком воспроизводится обмен мнениями между Екатериной и статс-секретарем по поводу награждения генералов орденами по случаю этой победы. Отметим здесь живую речь императрицы в разговоре со статс-секретарем, который сослался на оценку князем Потемкиным деятельности генерала В. С. Рахманова под Очаковом, которому планировалась награда: генерал «пустил слух» о своем награждении. Данный фрагмент записок прекрасно иллюстрирует доверительные взаимоотношения, которые сложились между Екатериной Великой и ее ближними подданными.

Здесь воспроизводим вопрос Екатерины, ответ Храповицкого и ссылку Екатерины на мнение Потемкина: «2 января 1789 г. – Вчера, сказывают, все ожидали, чем пожалуй Рах-

манова, и он в вечеру пустил слух, будто должен отправить Офицера к Князю; вот моя записка, чтобы дать ему Владимира 2-го класса и шпагу с камнями: как вы думаете?» – Изъясняя должность его, как Дежурного Генерала при осаде, сослался на Князя Г. А. Потемкина-Таврического. – «Он просто рекомендует, чтобы от него отделаться ...» [12, с. 154].

Орден генералу не вручили. Решающим являлось мнение Потемкина. Заслуг Рахманова при взятии Очакова оказалось недостаточными для награждения. Из приписки самого Храповицкого известно, что орден Георгия 2-й степени был вручен князю Василию Васильевичу Долгорукому вместе с генерал-поручиками князем В. А. Ангальт-Бернбургским и А. Н. Самойловым.

Возвращаясь к «Знает кошка, чье мясо съела», можем сказать, что данная поговорка обладает всеми признаками пословицы и соответствует определениям, которые закрепились в науке: «Пословица – образное законченное изречение, имеющее назидательный смысл, обычно характеризующееся особым ритмо-интонационным и фонетическим оформлением» [13, с. 304]; а также: «Пословица – краткое, устойчивое в речевом обиходе, как правило ритмически организованное изречение назидательного характера, в котором зафиксирован многовековой опыт народа; имеет форму законченного предложения (простого или сложного)» [5, с. 389]. Авторы указывают на образность как характерную черту пословицы, а также поговорки, но вместе с тем отмечают специфические черты поговорки, такие как лаконичность, иносказательность, меткость и проч.: «Поговорка – образное, иносказательное выражение, метко определяющее какое-либо жизненное явление, лаконичное по форме, в отличие от пословицы не заключающее в себе прямого поучительного смысла, с чем часто связана синтаксическая незаконченность» [13, с. 289]; «Поговорка – краткое изречение, нередко назидательного характера, имеющее, в отличие от пословицы, только буквальный план и в грамматическом отношении представляющее собой законченное предложение» [5, с. 379]. Структурные и смысловые границы между пословицей и поговоркой не столь прозрачны, как в случае с такого рода выражениями, так и в отношении их к фразеологическим оборотам, которые, действительно, яв-

ляются «устойчивым в своем составе и структуре, целостным по значениям словосочетанием», что особенно подчеркивается в словаре Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой.

Но все же, по данному словарю лингвистических терминов, фразеологическая единица (фразеологизм), если разбираться с примерами их употребления у Храповицкого, во многом схожа с предыдущими единицами по их образности, высокой плотности содержания (насыщенность тематики, намерения их употребления), что и определено дефиницией фразеологизм: «Лексически неделимое, устойчивое в свое составе и структуре, целостное по значению словосочетание, воспроизводимое в виде готовой речевой единицы» [5, с. 514]. Подобная дефиниция дана в пособии по фразеологии Н. М. Шанским [20, с. 173]. Данные выражения, часто спонтанно воспроизводимые Екатериной, образно и лаконично передают оценку событий, отмеченных в донесениях и изложенных Храповицким.

Впрочем, поговорки и пословицы, а также фразеологизмы иногда имеются и в речи самого Храповицкого при изложении им сути какого-то дела. Примером подобного употребления является выражение: «за мухой с обухом», пояснение которого можно найти и в более близком по времени к нам упоминантом уже «Опыте русской фразеологии» М. И. Михельсона (книга конца XIX в.): *за мухой угоняешься с обухом и за каждой мухой не нагоняешься с обухом* в знач. – ‘беспокоиться из-за пустяков’. К нему дано синонимичное выражение: *стрелять по воробьям* [7, I, с. 326].

Высказывание *за мухой с обухом* – по сути «пустячное дело» – вызвано следующими изложенными Храповицким обстоятельствами: «23 октября 1788 г. – Поднес переписанную la rage aux proverbs, и получил, для переписки, на Российском языке пословицу *За мухой с обухом*. Тут очень ясно <...> описана тяжба Кн. Дашковой с А. А. Нарышкиным. (На полях пояснение мелким шрифтом. – В. Ш.) Эта тяжба вышла из-за свиней Нарышкина, забежавших в сад Дашковой» [12, с. 124]. Это забавное происшествие и вызвало смех императрицы: «30 октября 1788 г. – Дашкова побилла Нарышкиных свиней; смеясь сему происшествию, приказано скорее кончить дело в суде, чтоб не дошло до смертоубийства» [12, с. 127].

Фраза «дело в суде, чтоб не дошло до смертоубийства» – шутка императрицы, свидетельствующая о ее хорошем настроении в момент высказывания. Подобных выражений, иллюстрирующих речь царицы, значительно больше. Скажем, выражение «мыть голову», т. е. получить нагоняй от Екатерины за недобросовестность выполнения обязанностей: «31 июля 1788 г. – крепко *мыли* голову Гр. Брюсу за то, что, не заезжая домой с утра не видал курьера, его ожидавшего и присланного от Гр. Мусина-Пушкина, а по сему самому оставался и пакет Его Величеству не поданным; гневались, получили колику» [12, с. 88]. Екатерина до такой степени переволновалась по этому случаю (*гневались*), что испытывала колики, т. е. боли в области живота. Состояние здоровья императрицы всегда Храповицкого волновало, и он никогда не забывал упомянуть об этом в записках.

Другой пример употребления выражения *мыть голову*: «15 августа 1788 г. – приезжал Граф Безбородко, видно, с полученными им письмами из армии; но тут увидели придворную карету, в коей давно он ездил, и *мыли* за то голову В. М. Ребиндеру» [12, с. 93]. По-видимому, императрица опять не дождалась нужных документов, а карету увидела, за что был ею отруган шталмейстер Ребиндер.

Выражение «дел не делать» также из речи императрицы, но уже по другому случаю. Здесь «отмечено», т. е. сказано Екатериной: «27 октября 1788 г. – Принц Гессенской утвердил со Шведами перемирие. Против сего отмечено, что мы без согласия союзников таких *дел не делаем*» [12, с. 125].

Интересно выражение «война на носу» в речи Екатерины. Поначалу Храповицкий объясняет, по какому случаю было произнесено выражение «война на носу», а затем цитирует речь самой Екатерины с употребленным в ней выражением. Ее прямую речь статс-секретарь выделяет кавычками: «14 августа 1788 г. – по утру, до приезда еще графа Безбородка, спрашивали, которого числа был последний курьер от Князя Г. А. Потемкина-Таврического? Тому почти 3 недели. "Сам же просил, чтобы чаще уведомлять о здешних обстоятельствах, и сам же теперь молчит; здесь *война на носу*, а там не знаю, что делают"» [12, с. 93]. Екатерина прямо оправдывается перед своим статс-секретарем, объясняя свое нетерпе-

ние от молчания Потемкина: «Сам же просил, и сам же теперь молчит». Таким образом, Храповицкий отмечает важные события, оценка которых дана Екатериной.

Интересный случай представляет собой выражение в речи Екатерины «положить душу в брюхо», который иллюстрирует факт «переключения» с одного языка на другой. Екатерина не раз употребляла это выражение. Императрица была полиглотом, владела родным, т. е. немецким, языком, приобретенным русским, языком аристократии – французским. Не всегда у нее хватало русских слов и тогда она спонтанно «калькировала» на русский язык иноязычное изречение. Примером подобного переоформления на русский лад является французское выражение «Cela remet le couer au ventre» – «положить душу в брюхо», которое наш современный Интер-переводчик переводит так: «Он возвращает сердце в желудок», а в речи Екатерины вероятней всего в значении ‘ужасный страх, который одолел провинившихся’: «10 августа 1788 г. – Подтверждено о скорейшем окончании суда над Капитанами кораблей, 6-го июля провинившимися, чтобы "положить душу в брюхо и показать пример для прочих"» [12, с. 91]. Здесь речь императрицы выделена кавычками. Вина капитанов кораблей Храповицким не указана.

Французским пословицам и поговоркам Екатерина уделяла особое внимание, что и отметил Храповицкий, например, в своих записях: «Прочли лист корректурной печатаемых Французских пословиц», «Переписывал пословицу на Русский язык: За вздор пошрины не платят» [12, с. 136]. Точное значение этого выражения автором не разъяснено.

Художественные произведения Екатерины Второй переводились на французский язык, что, вероятно, также повлияло на образование самой императрицей новых «русских» выражений.

Напоследок отметим два выражения из речи Екатерины, употребление которых связано с известными личностями ее времени. Так, канцелярское «остановка в должностях» имеет прямое отношение к графу Орлову, его полной отставке, что Екатерину не веселит: «17 ноября 1788 г. – Спрошен после обеда; не веселы; спрашивали: «Не делается остановки в должности по Двору? Не пойдет ли в отставку Орлов, тут

братья осердятся». – Оставлено до утра [12, с. 136]. Граф Орлов при дворе имел должность обер-гофмаршала. Решение этого вопроса «оставлено до утра».

Вторая запись с такими выражениями как: «чин чина почитает» и «искать причину в самом себе» имеет отношение к известному государственному деятелю того времени и поэту Г. Державину, который, кстати, также был в свое время на должности статс-секретаря у Екатерины: «1 августа 1789 г. – Провел Державина в Китайскую и ждал в Лионской. – "Я ему сказала, что чин чина почитает... В третьем месте не мог ужиться; надобно искать причину в самом себе. Он горячился и при мне. Пусть пишет стихи"» [12, с. 201].

Выражение «чин чина почитает» происходит от «Чин чина почитай, меньше садись на край» из времен петровских реформ, отменивших местничество [7, II, с. 505]. Добрый совет императрицы «искать причину в самом себе» Державин получил, не ужившись на разных предоставленных ему должностях и не оправдав надежд императрицы. Отсюда и добрый совет – «пусть пишет стихи».

Обсуждение и выводы

Таким образом, «Памятные записки» статс-секретаря императрицы Екатерины Второй А. В. Храповицкого дают возможность проникнуть в паремиологию речи Екатерины Второй, при помощи которой были представлены события конца XVIII века. Интерес вызывают пословицы и поговорки, а также фразеологические обороты, которые в своих воспоминаниях из прямой речи Екатерины Великой приводятся автором записок. Данные факты характеризуют речь Екатерины Великой и языковую особенность «Памятных записок», показывают богатство русской паремиологии того времени. Некоторые из этих выражений закрепились в русской речи, вероятно, в более ранний период (напр., «знала кошка, чье мясо съела», «пустить слух», «за мухой с обухом»), а другие являются лишь разовыми находками, но все же часто употребляемыми императрицей (напр., «положить душу в брюхо»). Некоторые из названных единиц были отмечены в двух изданиях конца XIX и начала XX века М. И. Михельсона: «Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат,

пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний)» (1896 г.) и сборнике «Русская мысль и речь: Своё и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний» (1902 г.).

Список литературы

1. Биликин М. Я. Русская проза XVIII века. Документальные жанры. Повесть. Роман. – СПб.: СПбГУ, 1995. – 104 с.
2. Жуков В. П. Семантика фразеологических оборотов. – М.: Просвещение, 1978. – 160 с.
3. Егоров О. Г. Русский литературный дневник XIX века. История и теория жанра: Исследование. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 280 с.
4. Князькова Г. П. Русское просторечие второй половины XVIII века. – Л.: Наука, 1974. – 253 с.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
6. Мальцева Т. В. Изображение природы в русской документальной прозе второй половины XVIII века // Природа в художественном слове. Идеи и стиль. Сб. научных статей. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2008. – С. 7–29.
7. Михельсон М. И. Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний) / Второе пересмотренное и значительно пополненное издание. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1896. – 598 с.
8. Михельсон М. И. Русская мысль и речь: Своё и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний. В 2-х т. – М.: ТЕРРА, 1997.
9. Мокиенко В. М. Образы русской речи: Историко-этимологические очерки фразеологии. – СПб.: Фолио-Пресс, 1999. – 464 с.
10. Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. Крылатые выражения, литературные образы и цитаты из басен Ивана Андреевича Крылова. – М.: Центрполиграф, 2017. – 348 с.
11. Мокиенко В. М. Паремиялогия Петровской эпохи как исторический источник // Научный диалог. – 2022. – Т. 11, № 3. – С. 114–134
12. «Памятные записки» А. В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй. – М.: В/о Союзтеатр, 1990. – 294 с.
13. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Пособие для учителей. – Изд. 2-е, испр., и доп. – М.: Просвещение, 1976. – 543 с.
14. Судаков Г. В. Русская речь конца XVIII в. в оценке современницы // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2013. – № 1–2 (47). – С. 530–550.
15. Судаков Г. В. Петр I как законодатель нового речевого этикета // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – 2019. – № 3. – С. 93–97.
16. Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX века: От рукописи к книге. – М., 1991. – 286 с.
17. Телия Н. В. Русская фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 336 с.
18. Федоров А. И. Развитие русской фразеологии в конце XVIII – начале XIX века. – Новосибирск: АН СССР, Сибирское отделение, 1978. – 170 с.
19. Чекунова А. Е. Русское мемуарное наследие второй половины XVII–XVIII вв. Опыт источниковедческого анализа. – М., 1995. – 134 с.
20. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. Пособие для студентов педагогических институтов. – Изд. 2-е, испр. – М.: Просвещение, 1972. – 327 с.

Victor Szetela

About the Paremiology of the Text of the "Memorial Notes" by A. V. Khrapovitsky

The article is devoted to the paremiology recorded in the text of the memoirs of the Secretary of State of Empress Catherine II A. V. Khrapovitsky, which he kept in the period 1782–1793. All important events of that time, with comments on some of them by the empress herself, are described by the author of the notes. Of interest are proverbs and sayings, as well as phraseological turns, which in their memoirs are cited in the direct speech of Catherine the Great by the author of the notes. The research methodology includes a linguistic and linguoculturological analysis of proverbs and the establishment of their semantic meaning and possible origin. An analysis of the figurative and expressive nature of paremias in the Memoirs will help to get an idea of the linguistic personality of Catherine II, as well as to reconstruct the linguistic atmosphere of the era, the boundaries of literary speech and vernacular, the assessment of historical events by contemporaries, the everyday realities of palace life.

Key words: citation, comments, direct speech, paremiology, proverbs and sayings, phraseological units.

For citation: Szetela, V. (2023) O paremiologii teksta «Pamyatnyh zapisok» A. V. Hrapovic-kogo [About the Paremiology of the Text of the "Memorial Notes" by A. V. Khrapovitsky]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 150–161. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2023_3_150. EDN: GIPCYYX

References

1. Bilinkis, M. YA. (1995) *Russkaya proza XVIII veka. Dokumental'nye zhany. Povest'. Roman* [Russian prose of the XVIII century. documentary genres. Tale. Novel]. St. Petersburg: SPbGU Publ. (In Russian).
2. Zhukov, V. P. (1978) *Semantika frazeologicheskikh oborotov* [Semantics of phraseological units]. Moscow: Prosveshcheni Publ. (In Russian).
3. Egorov, O. G. (2003) *Russkij literaturnyj dnevniki XIX veka. Istoriya i teoriya zhanra: Issledovanie* [Russian literary diary of the XIX century. History and Theory of the Genre: A Study]. Moscow: Flinta: Nauka Publ. (In Russian).
4. Knyaz'kova, G. P. (1974) *Russkoe prostorechie vtoroj poloviny XVIII veka* [Russian colloquial speech of the second half of the 18th century]. Leningrad: Nauka Publ. (In Russian).
5. Yarceva V. N. (1990) (ed.) *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow: Sov. Enciklopediya Publ. (In Russian).
6. Mal'ceva, T. V. (2008) *Izobrazhenie prirody v russkoj dokumental'noj proze vtoroj poloviny XVIII veka* [Image of nature in Russian documentary prose of the second half of the 18th century]. *Priroda v hudozhestvennom slove. Idei i stil'. Sb. nauchnyh statej* [Nature in the artistic word. Ideas and style. Sat. scientific articles]. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University. Pp. 7–29. (In Russian).
7. Mihel'son, M. I. (1896) *Hodyachie i metkie slova. Sbornik russkikh i inostrannykh citat, poslovic, pogovorok, poslovnichnykh vyrazhenij i otidel'nykh slov (inoskazanij), Vtoroe peresmotrennoe i znachitel'no popolnennoe izdanie* [Walking and well-aimed words. Collection of Russian and foreign quotations, proverbs, sayings, proverbs and individual words (allegory). Second revised and significantly enlarged edition]. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk. (In Russian).
8. Mihel'son, M. I. (1997) *Russkaya mysl' i rech': Svoyo i chuzhoe: Opyt russkoj frazeologii: Sbornik obraznykh slov i inoskazanij* [Russian thought and speech: Own and alien: Experience

of Russian phraseology: Collection of figurative words and allegories]. In 2 vols. Moscow: TERRA Publ. (In Russian).

9. Moknenko, V. M. (1999) *Obrazy russkoj rechi: Istoriko-etimologicheskie ocherki frazeologii* [Images of Russian speech: Historical and etymological essays on phraseology]. St. Petersburg: Folio-Press Publ. (In Russian).

10. Mokienko, V. M., Sidorenko, K. P. (2017) *Krylatye vyrazheniya, literaturnye obrazy i citaty iz basen Ivana Andreevicha Krylova* [Popular expressions, literary images and quotes from the fables of Ivan Andreevich Krylov]. Moscow: Centrpoligraf Publ. (In Russian).

11. Mokienko, V. M. (2022) *Paremiologiya Petrovskoj epohi kak istoricheskij istochnik* [Paremiology of the Petrine era as a historical source]. *Nauchnyj dialog – Scientific dialogue*. V. 11. No. 3. Pp. 114–134. (In Russian).

12. [Khrapovitsky, A. V.] (1990) «Pamyatnye zapiski» A. V. Hrapovickogo, stats-sekretarya imperatrichy Ekateriny Vtoroj [“Memorial Notes” by A. V. Khrapovitsky, Secretary of State of Empress Catherine II]. Moscow: V/O Soyuzteatr Publ. (In Russian).

13. Rozental, D. E., Telenkova, M. A. (1976) *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov. Posobie dlya uchitelej* [Dictionary-reference book of linguistic terms. A guide for teachers]. 2nd ed. Moscow: Prosveshchenie Publ. (In Russian).

14. Sudakov, G. V. (2013) *Russkaya rech' konca XVIII v. v ocenke sovremennicy* [Russian speech of the end of the 18th century. in the assessment of a contemporary]. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Cherepovets State University*. No. 1–2 (47). Pp. 530–550. (In Russian).

15. Sudakov, G. V. (2019) *Petr I kak zakonodatel' novogo rechevogo etiketa* [Peter I as a legislator of new speech etiquette]. *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie i filologicheskie nauki – Bulletin of the Vologda State University. Series: Historical and philological sciences*. No. 3. Pp. 93–97. (In Russian).

16. Tartakovskij, A. G. (1991) *Russkaya memuaristika XVIII – pervoj poloviny XIX veka: Ot rukopisi k knige* [Russian memoirs of the 18th – first half of the 19th century: From manuscript to book]. Moscow. (In Russian).

17. Teliya, N. V. (1999) *Russkaya frazeologiya v kontekste kul'tury* [Russian phraseology in the context of culture]. Moscow: YAzyki russkoj kul'tury Publ. (In Russian).

18. Fedorov, A. I. (1978) *Razvitie russkoj frazeologii v konce XVIII – nachale XIX veka* [The development of Russian phraseology in the late XVIII – early XIX century]. Novosibirsk: AN SSSR, Sibirskoe otdelenie. (In Russian).

19. ChEkunova, A. E. (1995) *Russkoe memuarное nasledie vtoroj poloviny XVII–XVIII vv. Opyt istochnikovedcheskogo analiza* [Russian memoir heritage of the second half of the XVII–XVIII centuries. Experience in source analysis]. Moscow. (In Russian).

20. Shanskij, N. M. (1972) *Leksikologiya sovremennogo russkogo yazyka. Posobie dlya studentov pedagogicheskikh institutov* [Lexicology of the modern Russian language. Manual for students of pedagogical institutes]. 2nd ed. Moscow: Prosveshchenie Publ. (In Russian).

дата получения: 08.06.2023 г.
дата принятия: 15.07.2023 г.
дата публикации: 30.09.2023 г.

date of receiving: 08 June 2023
date of acceptance: 15 July 2023
date of publication: 30 September 2023

М. А. Фокина, М. Шохра

Прецедентное имя *Наполеон* в повествовательном дискурсе Владимира Максимова (на материале романов «Ковчег для незваных» и «Заглянуть в бездну»)

В статье представлен филологический анализ ключевых эпизодов художественных текстов, содержащих прецедентное имя *Наполеон*, в романах Владимира Максимова «Ковчег для незваных» и «Заглянуть в бездну». Последовательно анализируются текстовые фрагменты с прецедентным именем *Наполеон* в речи повествователя и персонажей. С помощью выразительной синекдохи создается обобщенный символический образ политических деятелей, одержимых честолюбивым стремлением к власти. В контекстном окружении осуществляется смысловое развертывание прецедентного имени путём использования ярких эпитетов, метафор, фразеологических единиц, интертекстуальных вкраплений, градационных рядов. Эти приемы речевой выразительности характеризуют своеобразие идиостиля писателя, отражают оригинальные черты его языковой личности. Автор противопоставляет властные амбиции тщеславных героев и духовно-религиозные ценности, восходящие к христианским моральным принципам. Прецедентное имя *Наполеон* и образованные от него апеллятивы *наполеоны*, *наполеончики* являются ядерными компонентами семантического поля «Власть», занимают одно из центральных мест в структурно-смысловой организации художественного повествования, эксплицируют концептуальное содержание романов, формируют текстовую модальность, участвуют в создании образов литературных персонажей.

Ключевые слова: прецедентное имя, повествовательный дискурс, оним, апеллятив, синекдоха, семантическое поле, символ, концептуальное содержание.

Для цитирования: Фокина М. А., Шохра М. Прецедентное имя *Наполеон* в повествовательном дискурсе Владимира Максимова (на материале романов «Ковчег для незваных» и «Заглянуть в бездну») // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 3. – С. 162–174. DOI: 10.35231/25419803_2023_3_162. EDN: GQMMUK

В романах Владимира Максимова «Ковчег для незваных» (1976–1978) и «Заглянуть в бездну» (1986) изображаются сильные исторические личности: советский партийный и государственный вождь Сталин и один из лидеров белогвардейского движения, объявивший себя Верховным Правителем России, – адмирал Колчак. Смысловым центром художественного повествования в этих произведениях явля-

ется семантическое поле «Власть». В ядро полевой структуры входят различные прецедентные имена, в том числе метафорически используется широко известное крылатое слово, популярный антропоним *Наполеон*, неодобрительно характеризующий жестокого диктатора или человека, сделавшего головокружительную политическую карьеру [1, с. 298].

Анализ прецедентных имен, являющихся смысловыми доминантами литературного произведения, служит важным этапом исследования особенностей структуры и семантики художественного текста, функционирования ведущих образных средств, которые раскрывают концептуальное содержание произведения и характеризуют индивидуальное своеобразие творческой манеры писателя.

Актуальность нашей работы обусловлена необходимостью изучения прецедентных имен в контекстном окружении с позиций дискурсивного анализа текста, с учётом различных экстралингвистических факторов, определяющих специфику образно-речевой системы произведения. Новизна исследования определяется недостаточной изученностью языковой личности Владимира Максимова в отечественной лингвистике.

Цель исследования: филологический анализ контекстов употребления прецедентного имени *Наполеон* в повествовательном дискурсе путём выявления особенностей семантики и функционирования онима на синтагматическом и парадигматическом уровнях текста. Одна из задач исследования реализуется в сравнительно-сопоставительном аспекте: охарактеризовать своеобразие использования прецедентного имени в двух романах писателя, определить специфику его форм употребления и семантики, связанной с развитием сюжетных линий разных героев произведения.

Научная гипотеза: прецедентное имя *Наполеон* и образованные от него апеллятивы *наполеоны* – *наполеончики* являются ключевыми метафорами текста, смысловыми доминантами повествовательного дискурса писателя, ядерными компонентами семантического поля «Власть», которое эксплицирует концептуальное содержание романов.

Прецедентное имя рассматривается современными языковедами как разновидность прецедентных феноменов, значимых для конкретной личности в познавательном и эмоци-

ональном отношении, имеющих сверхличностный характер, хорошо известных широкому окружению этой личности, включая её предшественников и современников; обычно обращение к таким феноменам возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности [4, с. 217]. Прецедентным именем является индивидуальное имя, связанное с широко известным текстом или с прецедентной ситуацией; это сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не только к собственно денотату (референту), а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени [2, с. 117]. Определяя прецедентное имя, Д. Б. Гудков рассматривает проблему его семантики и функционирования, а также соотносит имя и символ [3]. Характеризуя прецедентные языковые единицы, Г. В. Токарев вычленяет прецедентные имена, которые хранятся в сознании языковой личности в виде концептов, обозначают ситуации или качества характера и объективируют шкалу ценностей [12, с. 97].

Дискурсивному изучению прецедентных имён посвящены исследования отечественных лингвистов: Л. А. Климковой [5]; И. А. Королевой [6]; Т. И. Кошелевой [7]; Е. Н. Лоскутовой [8]; Е. А. Нахимовой [10]; Е. В. Тулиной [13] и др. Исследователи характеризуют употребление прецедентных имен в православном, анекдотическом, публицистическом и художественном дискурсах. Л. А. Климова исследует текст в качестве функциональной среды онимов, в том числе прецедентных имен [5]. Она характеризует онимическое пространство романа Юрия Полякова «Гипсовый трубач»: рассматривает способы образования онимов, приемы их использования, роль в создании картины жизни российского общества. Исследователь выявляет большое число онимов «аллюзивного характера, образованных от прецедентных имен путем их различных трансформаций – фонетических, морфемных, лексико-семантических и иных» [5, с. 322]. В монографии Е. А. Нахимовой более подробно анализируются особенности использования прецедентного имени *Наполеон* в массовой коммуникации. Она обращает внимание на необходимость разграничения денотативного (в первичном значении) и коннотативного (в метафорическом значении) использования прецедентного имени: «В первом случае прецедентные имена

указывают непосредственно на денотат (или сигнификат), то есть при использовании исследуемого прецедентного имени имеется в виду именно Наполеон Бонапарт, знаменитый полководец и французский император. При коннотативном употреблении имеется в виду уже не Наполеон Бонапарт, а какой-то иной человек, который в чем-то похож на французского императора» [10, с. 98].

Материалы и методы

Объектом научного исследования являются тексты романов Владимира Максимова «Ковчег для незваных» и «Заглянуть в бездну». Языковым материалом послужили ключевые контексты – фрагменты произведения, в которых употребляется прецедентное имя *Наполеон*, что обусловлено темой, проблематикой, сюжетно-композиционными особенностями и системой образов романа. Анализируемые контексты относятся к различным субъектно-речевым планам (монологическое слово третьеличного повествователя; прямая, внутренняя, косвенная и несобственно-прямая речь героев). Представленная работа базируется на принципах филологического анализа художественного текста: историзма, антропоцентричности и культурологической направленности. Используются различные методы исследования: описательный и сравнительно-сопоставительный методы, метод контекстуального анализа языковых единиц, метод семантического анализа языковых единиц и др. Исследование опирается также на дискурсивный анализ текста, имеющий структурные параллели с герменевтической традицией изучения литературного произведения. На уровне дискурса действует исследовательская стратегия, направленная на выявление предпосылок и условий конструирования речевых/текстовых значений, позволяющая обнаружить в данном значении слова или предложения его социально-историческое происхождение [15, с. 170].

Результаты

В романах Владимира Максимова «Ковчег для незваных» и «Заглянуть в бездну» употребление прецедентного имени *Наполеон* связано с развитием сюжетных линий главных ге-

роев: молодого партийного чиновника сталинских времён Ильи Золотарева и адмирала Колчака, взявшего на себя груз ответственности за судьбу России в смутную послереволюционную эпоху гражданской войны и иностранной интервенции. При этом оним *Наполеон* чаще всего характеризует других людей, на фоне которых раскрываются особенности поведения и внутреннего состояния Золотарева и Колчака. Писатель показывает своих героев в развитии: они оба умны, деятельны и честолюбивы, стремятся успешно осуществить свои замыслы, но в итоге понимают, что для достижения больших целей руководитель не может использовать любые средства, нельзя губить чужие жизни, нарушать нравственные законы и моральные нормы. В трагическом финале романов каждый из них расплачивается за роковые ошибки: Золотарев сам наказывает себя и добровольно уходит из жизни, а Колчак был предан союзниками и уничтожен большевиками.

В романе «Ковчег для незваных» прецедентное имя *Наполеон* употребляется в субъектно-речевом плане эпизодического персонажа в качестве групповой характеристики боевых полководцев в послевоенное время. Оним метафорически используется во множественном числе, становится выразительной синекдохой и преобразуется в апеллатив: «– Поговаривают, <...> крупные перемены намечаются. Кое-кому из наших полководцев военный хмель в голову вдарил, **наполеонами** себя возомнили, гонор покоя не дает, забываться стали <...> Головокружение от успехов, так сказать. Необходима общая перестройка. План «на ура» не возьмешь, здесь другой стиль руководства требуется. Молодежь надо выдвигать, молодежь, старики застоялись, задубели» [9, с. 23]. Выражение **наполеонами** себя возомнили семантически связано с крылатой фразой, являющейся цитатой из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Мы все глядим в **Наполеоны** 'о чьём-либо повышенном самомнении, завышенной оценке своих способностей; о честолюбии' [1, с. 283]. Семантизация лексемы *наполеоны* осуществляется в контекстном окружении. Апеллатив, образованный от прецедентного имени, входит в состав градационного ряда: военный хмель в голову вдарил, **наполеонами** себя возомнили, гонор покоя не дает, забываться стали. Метафора военный хмель в голову вдарил является индивидуально-

авторским преобразованием фразеологизмов *хмель бродит в голове* 'о состоянии опьянения'; *ударить в голову* 'быстро пьянить' [14, II, с. 322, 348]. Происходит контаминация двух устойчивых оборотов и расширение компонентного состава: *хмель* – *военный хмель*. Добавление компонента *военный* изменяет семантику трансформированного фразеологизма: в контексте говорится об опьянении боевыми успехами, военной победой (*пьяный перен. 'находящийся в возбужденном состоянии от чего-либо'*) [11, с. 571]. Смысловым обобщением градационного ряда служит крылатое выражение, принадлежащее Сталину: *головокружение от успехов* публ. неодобр. 'о зазнайстве, переоценке своих сил и достижений' [14, I, с. 123]; 'утрата способности правильно понимать и оценивать реальную действительность под влиянием достигнутых успехов и отсутствия самокритики' [14, I, с. 152]. Контекст относится к речевому плану высокопоставленного чиновника и содержит антитезу: *Молодежь надо выдвигать, молодежь, старики застоялись, задубели*. Молодые руководители противопоставлены старому, опытному поколению советских управленцев. Слова министра адресованы Илье Золотареву перед его первым визитом к Сталину и содержат подтекстовую информацию: осуждая боевых полководцев, министр намекает молодому чиновнику, которого ждет перспективное назначение на новую должность, как нужно себя вести при встрече с вождем, чтобы заслужить его расположение.

В романе «Заглянуть в бездну» прецедентное имя *Наполеон* используется чаще, употребляется в монологической речи повествователя, в прямой, внутренней и несобственно-прямой речи различных персонажей. Писатель подробно описывает глубокие размышления Колчака о трагической судьбе Родины. Его противоречивые раздумья, предшествующие принятию ответственного решения, представлены в форме несобственно-прямой речи в структуре авторского повествования:

В последние годы он все чаще и чаще возвращался к опалившей его когда-то леонтьевской мысли: не в начале своего пути стоит Россия, а в конце.

Он укрепился в этом своем предчувствии, когда, будучи проездом из Америки в Харбине и Пекине, попытался было собрать в единый кулак разрозненные поли-

тические и военные силы, сохранившие еще какую-либо эффективность. Вся его энергия тогда рассосалась в словесной перепалке с расплывшейся после февраля семнадцатого, как саранча, крикливой оравой кандидатов в **Наполеоны и наполеончики**, и он вернулся в Японию разочарованный и опустошенный [9, с. 210].

Контактное расположение текстовых метафор **Наполеоны и наполеончики** образует нисходящую градацию. Прецедентное имя **Наполеоны** в форме множественного числа и образованный от него апеллатив **наполеончики** являются групповой характеристикой случайных и бездарных политических деятелей революционного времени, сбежавших за границу и не способных объединять людей, быть настоящими лидерами, истинными патриотами Отечества. Синекдоха и градация **Наполеоны – наполеончики**, уменьшительно-уничижительный суффикс **наполеончики**, сравнительный оборот как *саранча* являются средствами создания иронии, приобретающей саркастические оттенки. Глубокое разочарование Колчака обусловлено тем, что он не сумел сплотить вокруг себя военных и политиков, способных объединиться ради спасения России, потому что самонадеянные и крикливые **Наполеоны и наполеончики**, преследуя личные интересы и честолюбивые замыслы, не хотят подчинять свои эгоистические желания коллективным целям.

В прямой речи генерала Дитерихса также употребляется синекдоха **наполеоны** в качестве групповой характеристики военных командиров, не обладающих необходимыми боевыми навыками, но стремящихся любыми средствами выдвинуться вперед, одержать победу ценой жизнью многочисленных солдат. Опытный генерал с негодованием обращается к молодому начальнику конвоя адмирала Колчака: «– Ох уж эти нынешние **наполеоны** из бывших статских фельдшеров и полицейских исправников! Драть их надо почаще, а не войсковые соединения доверять!» [9, с. 253].

Метафорическое выражение **нынешние наполеоны из бывших статских фельдшеров и полицейских исправников** содержит горькую иронию и выражает негативную оценку состояния войска Колчака, в котором осталось мало подготовленных кадровых офицеров, настоящих профессионалов военного дела.

Попав в Россию, французский офицер Пьер Бержерон, потрясенный размахом послереволюционных событий, на-

чинает вести дневник. Одна из его дневниковых записей посвящена описанию Колчака:

Руководствуясь напутствиями Леруа, я уже с первых дней во Владивостоке начал было изучение здешнего политического спектра, когда из Омска поступило сообщение об адмиральском перевороте.

Имя самого *Адмирала* мало что говорило мне, а наспех собранные мною скудные сведения о нем свидетельствовали не в его пользу: потомственный морской офицер с научными наклонностями, далек от политики, амбициозен только в своей области, боевой опыт ограничен, вспыльчив, неопределенных политических взглядов. В столь судьбоносные для страны дни вождю, на мой взгляд, требовались несколько иные качества. Но, в конце концов, решил я, послужной список у *Наполеона* был не многим лучше. С тем большим нетерпением ожидал я по дороге в Омск встречи с новым диктатором России [9, с. 273].

Прецедентное имя *Наполеон* взаимодействует по смыслу с лексемами *вождь*, *диктатор*, которые также являются ядерными компонентами семантического поля «Власть». Оним *Наполеон* используется в контексте в прямом значении: называет реальное историческое лицо, известного французского полководца, политика и императора. Размышляя о том, насколько Колчак подходит на роль нового российского вождя и диктатора, Бержерон проводит аналогию с Наполеоном, отмечая их некоторое сходство в начале восхождения к власти, в том числе отсутствие большого профессионального опыта и жизненной зрелости: *послужной список у Наполеона был не многим лучше*. Усилению смысловых параллелей способствует контекстуальное взаимодействие онимов *Адмирал* – *Наполеон*. На протяжении всего романа многократно Колчак именуется *Адмиралом*: апеллятив, обозначающий его воинское звание, становится онимом.

Далее Бержерон ещё раз вспоминает о Наполеоне, негативно характеризуя в дневниковых записях чешского представителя иностранной интервенции – генерала Гайду, впоследствии цинично предавшего адмирала Колчака:

Одаренный чешский авантюрист. Пользуется полным доверием *Адмирала*. Честолюбив не по способностям. Явно *метит во всеславянские Наполеоны*. Вульгарен, напорист, беспредельно самоуверен. Политически в высшей степени беспринципи-

пен, хотя кокетничает демонстративным радикализмом. Как личность, неуправляем и ненадежен. Подобно всякому парвеню, по-детски тщеславен, падок на чины, знаки отличия, мундиры. Ради достижения своих эгоистических целей способен на все, не исключая прямого предательства. Опасен во всех отношениях и для всех, в том числе и для самих чехов, у которых пользуется непререкаемым авторитетом [9, с. 276].

Прослеживаются явные смысловые параллели описания Гайды с историческими характеристиками личности Наполеона, честолюбивого, эгоистичного, уверенного в себе полководца, авторитетного и энергичного человека: *напорист, беспредельно самоуверен; тщеславен; ради достижения своих эгоистических целей способен на все; пользуется непререкаемым авторитетом.*

Метафора *метит во всеславянские Наполеоны* в романе «Заглянуть в бездну» семантически взаимодействует с метафорой *наполеонами себя возмнили* в романе «Ковчег для незваных». В результате метафорического повтора образуются межтекстовые смысловые связи, объединяющие два произведения писателя в общий повествовательный дискурс. В обоих контекстах создается синекдоха, которая является символическим обозначением амбициозных политических деятелей или военачальников, одержимых честолюбивым стремлением к власти.

Обсуждение и выводы

В романах Владимира Максимова «Ковчег для незваных» и «Заглянуть в бездну» активно используется прецедентное имя *Наполеон*, которое является ядерным компонентом семантического поля «Власть», участвует в экспликации концептуального содержания текстов, организации художественного повествования и его отдельных сюжетных линий, создании образов литературных персонажей, формировании текстовой модальности. Прецедентное имя представлено в различных формах употребления: *Наполеон – Наполеоны – наполеоны – наполеончики*. На базе онима создаются апеллятивы и выразительные синекдохи, являющиеся символическими групповыми характеристиками, формирующими иронический контекст. В повествовательном дискурсе писателя преобладает коннотативное использование прецедент-

ного имени и соответствующих ему апеллятивов: **наполеона-****ми** себя возомнили; крикливая орава кандидатов в **Наполеоны** и **наполеончики**; нынешние **наполеоны** из бывших статских фельдшеров и полицейских исправников; метит во всеславянские **Наполеоны**. Выявляется единичный случай денотативного использования онима в романе «Заглянуть в бездну», где адмирал Колчак сравнивается с реальным историческим лицом, императором Наполеоном Бонапартом: *послужной список у Наполеона был не многим лучше*. Смысловое развертывание прецедентного имени и образованных от него апеллятивов осуществляется путём семантического взаимодействия лексических, фразеологических и синтаксических языковых средств, которые объединяются в образные поля, обеспечивающие структурную и содержательную целостность текстов романов. Специфической особенностью идиостиля писателя, оригинальной чертой его языковой личности является использование метафорических серий и градационных рядов.

Дискурсивное изучение прецедентных имен в художественном повествовании Владимира Максимова может быть продолжено с учётом особенностей смыслового взаимодействия именованных известных исторических деятелей Ленин, Сталин, Берия и библеизмов Адам, Ева, Моисей, которые участвуют в создании текстовых оппозиций: писатель противопоставляет социально-политическое и духовно-религиозное содержание, раскрывая проблему героя и общества, личности и коллектива.

Список литературы

1. Берков В. П. Большой словарь крылатых слов русского языка / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова. – М.: АСТ: Астрель: Русские словари, 2005. – 623 с.
2. Брилева И. С., Вольская Н. П., Гудков Д. Б. и др. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь. Вып. 1 / под ред. И. В. Захаренко и др. – М.: Гнозис, 2004. – 315 с.
3. Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 152 с.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – Изд. 7-е. – М.: ЛКИ, 2010. – 264 с.
5. Климкова Л. А. Текст как функциональная среда онимов (на материале одного романа) // Ономастика Поволжья: материалы XIX международной научной конференции. – Оренбург: Оренбургская книга, 2021. – С. 320–327.
6. Королева И. А. Прецедентные имена собственные в лирике А. Т. Твардовского // Ономастика Поволжья: материалы XVIII Междунар. научной конф. – Кострома: Костромской гос. ун-т, 2020. – С. 244–248.

7. Кошелева Т. И. Прецедентные имена в православном дискурсе (на примере богослужебных текстов Великого поста) // Ономастика Поволжья: материалы XVII Междунар. научной конф. – Великий Новгород: Печатный двор, 2019. – С. 314–317.

8. Лоскутова Е. Н. Прецедентные поэтонимы в составе паремий, включенных в произведение М. А. Шолохова // На крыльях слова: материалы междунар. научной конф. – Магнитогорск: Магнитогорский дом печати, 2015. – С. 143–146.

9. Максимов В. Е. Ковчег для незваных: Романы. – М.: Воскресенье, 1994. – 368 с.

10. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации: монография. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2007. – 207 с.

11. Словарь русского языка: в 4 томах / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд. – Т. 3. – М.: Русский язык, 1985. – 752 с.

12. Токарев Г. В. Лингвокультурология. – Тула: Изд-во Тульского гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2009. – 135 с.

13. Тулина Е. В. Прецедентные феномены анекдотического пространства: лингвокультурологический и лексикографический аспекты // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014. – № 3. – С. 63–66.

14. Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 томах / сост. А. И. Федоров. – М.: Цитадель, 1997.

15. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учебное пособие. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 248 с.

Madina A. Fokina, Shohra Mohammed

The Precedent Name *Napoleon* in the Narrative Discourse of Vladimir Maksimov (Based on the Novels «The Ark for the Uncalled» and «To Look into the Abyss»)

The article presents a linguistic analysis of the main episodes of literary texts containing the precedent name *Napoleon* in Vladimir Maksimov's novels «The Ark for the Uncalled» and «To look into the Abyss». In the narrative discourse of the famous Russian prose writer of the second half of the 20th century, precedent phenomena are actively used, their figurative use is determined by the theme, problems and plot-compositional structure of the works: the novels depict turning points in the life of the state, describe strong historical figures. A brief overview of linguistic study is presented precedent names in the system of language and speech, the originality of their semantics and functioning in various discourses is determined. The scientific methods of research and the specifics of the linguistic material are distinguished. The parts of the text with the precedent name *Napoleon* in the narrator's speech and the characters are analyzed sequentially. The contexts of satirical use are considered in detail, where one letter becomes a noun in the plural: *Napoleon* - *Napoleons*. With the help of expressive synecdoche, a generalized. In the contextual environment, the semantic deployment of the precedent name is carried out by using bright epithets, metaphors, phraseological units, intertextual inclusions, gradation series. These methods of speech expression characterize the originality of the writer's idiosyncrasy, reflect the original features of his linguistic personality. The author contrasts power (*Authority*) ambitions conceited heroes and spiritual and religious values that go back to Christian moral principles. The conclusions summarize the results of the study and define its prospects. The precedent name *Napoleon* and the appellatives formed from its *Napoleon*, is *Napoleon*. The basic components of the semantic field «*Authority*» occupy one of the central places in the structural and semantic organization of artistic narratives, explain the conceptual content of novels, form the textual method, participate in the creation of images of literary characters.

Key words: precedent name, narrative discourse, onym, appellative, synecdoche, semantic field, symbol, conceptual content.

For citation: Fokina, M. A., Shohra, M. (2023) Precedentnoe imya Napoleon v povestvoval'nom diskurse Vladimira Maksimova (na materiale romanov «Kovcheg dlya nezvanykh» i «Zaglyanut' v bezdnu») [The Precedent Name Napoleon in the Narrative Discourse of Vladimir Maksimov (Based on the Novels «The Ark for the Uncalled» and «To Look into the Abyss»)]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 162–174. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2023_3_162. EDN: GQMMUK

References

1. Berkov, V. P. (2005) *Bol'shoy slovar' krylyatkh slov russkogo yazyka* [Big dictionary of winged words of the Russian language]. Compilers V. P. Berkov, V. M. Mokiyenko, S. G. Shulezhkova. Moscow: AST: Astrel'. Russkiye slovari Publ. (In Russian).
2. Brileva, I. S., Vol'skaya, N. P., Gudkov, D. B. and etc. (2004) *Russkoye kul'turnoye prostranstvo: Lingvokul'turologicheskiy slovar'* [Linguistic and cultural dictionary]. Issue 1. Ed. I. V. Zakharenko and etc. Moscow: Gnozis Publ. (In Russian).
3. Gudkov, D. B. (1999) *Pretsedentnoye imya i problemy pretsedentnosti* [Precedent name and problems of precedence]. – Moscow: MGU Publ. (In Russian).
4. Karaulov, YU. N. (2010) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. 7th ed. Moscow: LKI Publ. (In Russian).
5. Klimkova, L. A. (2021) *Tekst kak funktsional'naya sreda onimov (na materiale odnogo romana)* [Text as a functional environment of onyms (in material of one novel)]. *Onomastika Povolzh'ya: materialy XIX mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Onomastics of the Volga region: materials of the XIX International Scientific Conference]. Orenburg: Orenburgskaya kniga Publ. Pp. 320–327. (In Russian).
6. Koroleva, I. A. (2020) *Pretsedentnyye imena sobstvennyye v lirike* [Precedent proper nouns in lyrics by A. T. Tvardovskiy]. *Onomastika Povolzh'ya: materialy XVIII mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Onomastics of the Volga region: materials of the XVIII Intern. Scientific Conf.]. Kostroma: Kostromskoy gosudarstvennyy universitet. Pp. 244–248. (In Russian).
7. Kosheleva, T. I. (2019) *Pretsedentnyye imena v pravoslavnom diskurse (na primere bogoslužebnykh tekstov Velikogo posta)* [Precedent Names in Orthodox Discourse (on the Example of Liturgical Texts of Great Lent)]. *Onomastika Povolzh'ya: materialy XVII mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Proceedings of the XVII International Scientific Conference]. Velikiy Novgorod: Pechatnyy dvor Publ. Pp. 314–317. (In Russian).
8. Loskutova, Ye. N. (2015) *Pretsedentnyye poetonimy v sostave paremiy, vlyuchennykh v proizvedeniya M. A. Sholokhova* [Precedent poetonyms as part of proverbs included in the works of M. A. Sholokhov]. *Na kryl'yakh slova: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [On the wings of the word: Materials of the International Scientific Conference]. Magnitogorsk: Magnitogorskiy dom pechati. Pp. 143–146. (In Russian).
9. Maksimov, V. Ye. (1994) *Kovcheg dlya nezvanykh* [The Ark for the Uncalled: Novels]. Moscow: Voskresen'ye Publ. (In Russian).
10. Nakhimova, Ye. A. (2007) *Pretsedentnyye imena v massovoy kommunikatsii: monografiya* [Precedent names in mass communication: monograph]. Yekaterinburg: Ural.Ural'skiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet. (In Russian).
11. Yevgen'yeva, A. P. (1985) (ed.) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]: In 4 vols. AS USSR, IRL.; 3th ed. Vol. 3. Moscow: Russkiy yazyk Publ. (In Russian).
12. Tokarev, G. V. (2009) *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology]. Tula: Izd-vo Tul'skogo gos. ped. un-ta im. L. N. Tolstogo. (In Russian).
13. Tulina, Ye. V. (2014) *Pretsedentnyye fenomeny anekdoticheskogo prostranstva: lingvokul'turologicheskiy i leksikograficheskiy aspekty* [Precedent Phenomena of the Anecdotal space: linguoculturological and lexicographic aspects]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury – Problems of history, philology, culture*. No. 3. Pp. 63–66. (In Russian).

14. Fedorov, A. I. (1997) (ed.) *Frazeologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian literary language]. In 2 vols. Moscow: Tsitadel' Publ. (In Russian).

15. Chernyavskaya, V. Ye. (2009) *Lingvistika teksta: Polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost'* [Linguistics of the text: Polycode, intertextuality, interdiscursivity]. Moscow: LIBROKOM Publ. (In Russian).

Личный вклад соавторов
Personal co-authors contribution
50/50 %

дата получения: 01.06.2023 г.
дата принятия: 15.06.2023 г.
дата публикации: 30.09.2023 г.

date of receiving: 01 June 2023
date of acceptance: 15 June 2023
date of publication: 30 September 2023

Н. Б. Карбачинская, С. В. Карбачинский

Анализ влияния заимствующего языка на примере древнегреческих слов из «Начал» Евклида

В статье проводится анализ влияния языка-донора на словоформы заимствованных из него слов в принимающих языках. Для этого проанализированы слова из древнегреческого текста «Начала» Евклида, написанного им примерно в 2300 г. до нашей эры, и их трансформации в пяти языках: английском, немецком, испанском, французском и русском. Для чистоты исследования для анализа берутся только два варианта слов – исконный древнегреческий и современный вариант, ныне существующий в каждом из взятых для эксперимента языков. Авторы не уделяют внимания диахроническому процессу перехода слов из древнегреческого языка в латынь и другие языки, сравнивая лишь два варианта изучаемых слов – исходный и конечный, современный. Комментируется происхождение каждой лексической единицы с опорой на словарь М. Фасмера и электронные этимологические словари. На основе полученных данных авторы делают общий вывод о сохранении или изменении лингвистических параметров математических терминов на протяжении всего процесса перехода из одного языка в другой. Данное исследование представляет не только чисто академический интерес – оно полезно для лингводидактики, поскольку может использоваться в обучении на различных уровнях образования, в интеграции иностранного языка и математических дисциплин, а также при работе в формате системы CLIL.

Ключевые слова: Евклид, древнегреческий язык, заимствования, языковой контакт, корень, флексии, грамматические категории.

Для цитирования: Карбачинская Н. Б., Карбачинский С. В. Анализ влияния заимствующего языка на примере древнегреческих слов из «Начал» Евклида // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 3. – С. 175–188. DOI: 10.35231/25419803_2023_3_175. EDN: EPJYAH

В своём историческом развитии народы не могут существовать обособленно друг от друга, этим обусловлено взаимовлияние на культуру, науку, торговлю, политику, искусство, языки. Особое место в эволюции многих современных государств занимает Древняя Греция. «Древняя Греция – это страна, достижения которой во многом легли в основу европейской культуры» [1, с. 4]. Помимо этого, греческая цивилизация оказала сильное влияние на ста-

новление и развитие славянских языков и культур. Влияние древнегреческой мифологии, античной философии, архитектуры, скульптуры, театра, геометрии, медицины и многого другого в формировании интеллекта человечества трудно переоценить. Названия многих наук, научные и художественные термины, женские и мужские имена, географические названия пришли в другие языки из Древней Греции. Исследователь А. Константинопольский указывает, что 700–800 греческих слов незаменимы в европейских языках [6, с. 164], а в статье «Математическое моделирование результатов заимствования иностранных слов русского языка как отражение процесса исторического взаимодействия русских с иностранцами» представлены результаты исследования, в котором с учётом статистических оценок приблизительного характера выявлено 544 слова, пришедших в русский язык из греческого [11, с. 85].

Заимствование слов из одного языка в другой происходит благодаря явлению, именуемому языковым контактом. Языковой контакт – взаимодействие двух или более языков, оказывающее какое-либо влияние на структуру и словарь одного или многих из них [5, с. 91] – является одним из инструментов обогащения любого языка. В статье предлагается рассмотреть влияние древнегреческого языка на русский, английский, французский, немецкий и испанский языки посредством заимствования – самого простого и распространённого способа языкового контакта. Здесь стоит упомянуть, что заимствование слов из одного языка в другой – не линейная функция, и слово не всегда приходит прямым путём в другой язык, возможны косвенные заимствования, то есть посредством другого языка, а иногда и нескольких. В большинстве своём этот путь крайне трудно проследить. Однако в нашем исследовании без необходимости мы не будем акцентировать внимание на вариантах появления того или иного слова в рассматриваемом языке, а будем опираться на то, что оно изначально имеет древнегреческие корни.

Материалы и методы

В статье проводится анализ влияния заимствующего языка на слова, пришедшие в него из древнегреческого. Для

чистоты эксперимента рассматриваются только математические термины из «Начал» Евклида – одного из древнейших научных документов. «Это первые математические труды, которые дошли до нас от древних греков полностью» [9, с. 68]. «Начала» Евклида, состоящие из тринадцати книг, были написаны в III веке до нашей эры и считаются одним из величайших созданий человеческой мысли. По количеству переводов, рукописных копий, печатных изданий и переизданий они занимают первое место среди светских книг в мире. До XIX столетия «Начала» были одним из основных источников изучения математических дисциплин, а школьная геометрия большей частью и сейчас опирается на содержание I–VI книг. Справедливо будет здесь же заметить, что не известно, «какая часть этих трудов принадлежит самому Евклиду и какую часть составляют компиляции» [9, с. 68]. Однако учёные сходятся во мнении, что помимо собственных открытий в работе им были также изложены последние на тот момент достижения древних греков, в том числе, открытие школы Пифагора, теории Евдокса, Теэтета и элементы космологии Платона.

В статье мы используем реконструкцию «Начал» Евклида датского филолога и историка науки Йохана Людвиг Гейберга (Хейберга), проведенную им в 1883–1888 годах. Реконструкция Гейберга представляет собой копию древнегреческого текста с параллельным переводом на латинский (рис.).

Из «Начал» Евклида для указанного анализа мы выбрали следующие слова: диаметр, ромб и трапеция, понятия которых вводятся в I книге [13, с. 4, 6, 8], и пирамида, призма, сфера, конус, цилиндр, октаэдр из XI книги [14, с. 4, 6, 8]. Все эти слова относятся к словам-интернационализмам: словам, которые встречаются в большинстве языков мира и чаще всего имеют греко-латинское происхождение. В работе за ненадобностью мы не будем приводить математические определения выбранных слов, к тому же некоторые из них за период более чем 2300 лет претерпели корректировку. Цель нашего исследования – показать, как повлиял на каждое из этих слов заимствующий язык, какие произошли с ним трансформации в соответствии с нормами и особенностями заимствующего языка. Также укажем, что для анализа мы использовали

ε΄. Ἐπιπέδον πρὸς ἐπιπέδον ὁμοίως κεκλιθεὶς ἀγώνεια καὶ ἕτερον πρὸς ἕτερον, ὅταν αἰ ἐπιγίνοιαι τῶν κλίσεων γωνία ἴσῃ ἀλλήλαις ὄσῃν.

η΄. Παράλληλα ἐπιπέδα ἐστὶν τὰ ἰσομήκιστα. θ. Ὅμοια στερεὰ σχήματα ἐστὶν τὰ ὑπὸ ὁμοίων ἐπιπέδων περιεχόμενα ἴσων τῶ πλῆθους.

ι. Ἴσα δὲ καὶ ὁμοια στερεὰ σχήματα ἐστὶν τὰ ὑπὸ ὁμοίων ἐπιπέδων περιεχόμενα ἴσων τῶ πλῆθους καὶ τῶ μεγέθει.

ια. Στερεὰ γωνία ἐστὶν ἢ ὑπὸ πλείονων ἢ δύο γωνιῶν ἀποκείμενον ἀλλήλων καὶ μὴ ἐν τῇ αὐτῇ ἐπιφανείᾳ ὀρθῶν πρὸς πάσους ταῖς γωνίαις κλίσις. Ἰσολος στερεὰ γωνία ἐστὶν ἢ ὑπὸ πλείονων ἢ δύο γωνιῶν ἐπιπέδων περιεχομένη μὴ ὀρθῶν ἐν τῶ αὐτῶ πλῆθους πρὸς ἐπὶ σημείῳ συνιστάμενον.

ιβ. Πυραμὶς ἐστὶ σχῆμα στερεὸν ἐπιπέδου περιεχόμενον ἀπὸ ἑνὸς ἐπιπέδου πρὸς ἐπὶ σημείῳ συνιστάμενον, ὃν δύο τὰ ἀπεναντίον ἴσα τε καὶ ὁμοία ἐστὶν καὶ παράλληλα, τὰ δὲ λοιπὰ παράλληλόγωνα.

ιδ. Σφαιρὶδ ἐστὶν, ὅταν ἡμισφαίριον ὁμοιογενῆ διαμέτρου περιεχέσθῃ τὸ ἡμισφαίριον εἰς τὸ αὐτὸ πάλιν ἰσοκαταστάθῃ, ὅθεν ἡἴετο φέρεσθαι, τὸ περιληφθὲν σχῆμα.

ιε. Ἄξων δὲ τῆς σφαιρας ἐστὶν ἡ μένουσα εἰς εὐθεία, περὶ ἣν τὸ ἡμισφαίριον σφαιρίζεται.

ις. Κέντρον δὲ τῆς σφαιρας ἐστὶ τὸ αὐτὸ, ὃ καὶ τοῦ ἡμισφαίου.

8. Hero def. 118, 2. 9. ib. 118, 2. 11. ib. 84. 13. ib. 100. 14. ib. 77. 11—15. Pappus P. 49—50.

3. see Vb. 4. παραλληλα ἴσα ἐν τῶσ. στερεῶν mg. m. 2 V. 5. ὁμοίᾳ corr. ex ἀσῶ m. 1 b. 12. ἀσῶ] B; ἢ πρὸς

7. Planum ad planum similiter inclinatum dicitur atque aliusd planum ad aliud, ubi anguli inclinationum, quos definitimus, aequales sunt inter se.

8. Parallela plana sunt, quae non concurrunt.

9. Similes figurae solidae sunt, quae planis similibus continentur numero aequalibus.

10. Aequales autem et similes figurae solidae sunt, quae planis similibus continentur et numero et magnitudine aequalibus.

11. Solidus angulus est. amplius quam duarum restarum inter se tangentium nec in eadem superficie positarum ad omnes rectas inclinatio. Alter. Solidus angulus est, qui amplius quam duobus angulis planis continetur non in eodem plano positus et ad unum punctum coniunctis.

12. Pyramis est figura solida planis comprehensa, quae ab uno plano ad unum punctum componitur.

13. Prisma est figura solida planis comprehensa, quorum duo opposita et aequalia et similia sunt, reliqua autem parallelogramma.

14. Sphaera est figura comprehensa, ubi manente diametro semicirculi semicirculus circumactis rursus ad eundem locum restititur, unde ferri coeptus est.

15. Axis autem sphaerae est recta manens, circum quam semicirculus circumagitur.

16. Centrum autem sphaerae idem est ac semicirculi. Haec definitio, quae loquendi genere ab Euclide abhorret, fortasse ex Elementis antiquioribus ab eo desumpta est. PTV b. 13. ἐπιπέδων γωνιών F. ἐπιπέδων γωνιών B. 16. Ἄξων εἶδ' del. 4V F. 17. συνιστάμεν B; in F non liquet. 18. ἐστὶν FF. 19. ἀσῶ] om. g. 20. ἐστὶν F. 22. τὸ ἡμισφαίριον] mg. m. 1 b. 28. ἐστὶν F.

словари [3–4; 7–8; 10] и электронные ресурсы Collins Online Dictionary¹, Cambridge Dictionary² и Gufo.me³.

С помощью метода лингвистического комментирования было проведено исследование выбранных слов на предмет сохранившихся и изменившихся признаков. К первым трём единицам даны развёрнутые комментарии, характеристики остальных же приведены в таблице. Рассмотрены были такие параметры, как корень слова, его флексии и аффиксы, а также род, число и падеж. У некоторых слов в принимающих языках были обнаружены синонимы иного происхождения, что также отражено в результатах исследования.

Результаты

1. Διάμετρος ‘диаметр’ (женский род)

В предложенном для анализа слове есть две части корня (*dia* – ‘поперек, насквозь’ и *metro* – ‘мера’), которые не во всех рассматриваемых языках сохранились в первоначальном виде.

1.1. Английский: *diameter*

Слово, имевшее в древнегреческом женский род, лишилось этой грамматической категории, как и подобает словам в английском языке. Греческий суффикс *os* рудиментировался, слово в английском состоит целиком из корня. Во второй части корня *meter* появилась дополнительная буква *e* – скорее всего, это связано с тем, что слово диаметр попало в английский язык благодаря французскому во времена Вильгельма Завоевателя [17, с. 165]. *E* на конце французского *metre* переместилась в середину, что характерно для среднеанглийского языка.

1.2. Немецкий: *Diameter* (*Durchmesser*)

Считается, что слово диаметр было заимствовано немцами из латыни в XIV веке и употреблялось в первоначальном варианте этого слова, однако в XVII веке его «перевели» на немецкий: *Durchmesser*, используя два абсолютно других корня [15, с. 161]. *Durch* на немецком означает ‘сквозь, через’, *messer* – ‘измерять’. Следует отметить, что греческий женский род в обоих немецких вариантах поменялся на мужской, и перевод приобрёл характерный для немецкого языка артикль

¹ Collins Online Dictionary. Available at: <https://www.collinsdictionary.com/> (accessed 27 March 2023).

² Cambridge Dictionary. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (accessed 27 March 2023).

³ Gufo.me – Словари и энциклопедии. Электронный ресурс. URL: <https://gufo.me/> (дата обращения 20.04.2023).

мужского рода *der*. Оба слова пишутся с большой буквы, как и все существительные этого языка. Следует отметить, что интернационализм *Diameter* в современном немецком языке присутствует, но почти не употребляется – немцам гораздо привычнее переведённый вариант.

1.3. Французский: *diamètre*

Во французском языке, как и в немецком, слово приобрело грамматическую категорию мужского рода. Греческий суффикс отпал, корень сохранился в первоначальном виде, слово приобрело непроемкую гласную, характерную для многих слов во французском языке. Термин не изменяется по падежам и имеет две категории числа.

1.4. Испанский: *diámetro*

В этом языке слово также приобрело мужской род и исходя из этого окончание *o*, свойственное многим словам мужского рода в испанском. Как известно, правила ударения в испанском обязывают ставить его на последний либо на предпоследний слог за неимением графического ударения, поэтому здесь в термин было добавлено графическое ударение для сохранения исходного произношения. Слово, как свойственно испанским существительным, не склоняется по падежам и имеет формы единственного и множественного числа.

1.5. Русский: *диаметр*

В русском языке, как и во всех, рассматриваемых выше, отпал изначальный греческий суффикс, и слово стало состоять из одного корня. Слово склоняется по всем 6 падежам, имеет две категории числа и подчиняется всем правилам русского языка. Род слова так же, как и во всех остальных языках, стал мужским.

Объединив все результаты, можно сделать следующие выводы: исходный женский род не сохранился ни в одном из исследуемых языков. В остальном, во всех языках, за исключением немецкого, результаты исследования оказываются одинаковыми: исходный древнегреческий корень на протяжении веков остаётся почти нетронутым, а в каждом языке меняются лишь флексии. Здесь же упомянем, что слово диаметр подчинилось правилам рода, числа и падежей (либо их отсутствия) своего языка, а в немецком языке слово стало ещё и писаться с большой буквы. Все эти свойства естественным

образом переймут и другие рассматриваемые слова, в связи с чем мы не будем без необходимости об этом упоминать при исследовании следующих заимствований.

2. Ρόμβος 'ромб' (мужской род)

2.1. Английский: *rhombus*

Род этого существительного в английском языке, как и у предыдущего, отпал. Помимо сохранившегося в первоизданном виде корня сохранился также и суффикс, поменявший *и* на *о* для более характерного для английского языка звучания и написания. Также мы можем наблюдать в корне слова букву *h*, появившуюся вследствие произношения *r* с сильным придыханием у греков.

2.2. Немецкий: *Rhombus*

В немецком языке слово сохранило свой изначальный мужской род и, как следствие, приобрело артикль мужского рода *der*. Слово также имеет внутри корня непроезносимую *h*.

2.3. Испанский: *rombo*

В испанском языке изначальный древнегреческий суффикс отпал и его место заняло характерное для слов мужского рода в испанском окончание *о*. Корень *romb* сохранился в первоизданном виде. Во всех случаях, где необходимо употребление артикля, перед словом ставится соответствующий артикль мужского рода.

2.4. Французский: *rhombe*

Во французском языке, как и в английском, из-за придыхательного произношения *r* в письменном варианте появилась буква *h* в корне. Греческий суффикс отпал, вместо него слово приобрело характерное для многих французских слов непроезносимое окончание в виде буквы *e*. Мужской род сохранился, слово подчиняется всем правилам и нормам французского языка.

Помимо общего «интернационального» ромба во французском есть синоним этому слову, обозначающий ту же самую геометрическую фигуру – *losange*. Это слово появилось в начале XIV века, от старофранцузского *losenge* 'ромб, ромбовидная форма' как орнаментальный мотив в геральдике [12, с. 41]. Вероятно, слово произошло из доримского кельтского языка, возможно, иберийского *lausa* или галльского *lausa* 'плоский камень', но точное происхождение неизвестно.

2.5. Русский: ромб

В русском варианте греческий суффикс отпал, как и в испанском. Слово сохранило свой мужской род и подчинилось правилам русского языка, в том числе приобрело весь широкий набор синтетических русских окончаний.

Подводя итоги «разбора» слова ромб, хотелось бы сказать, что здесь во всех языках, где присутствует грамматическая категория рода, ромб сохранил свой изначальный мужской род. Однако большинство языков, которые мы рассмотрели, потеряли изначальный древнегреческий суффикс слова вследствие различных своих особенностей. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что суффиксы всё же больше являются феноменом конкретного языка, чем смысловой частью слова.

3. Τραπεζίον ‘трапеция’ (средний род)

3.1. Британский английский: *trapezium*, американский английский: *trapezoid*

В первом варианте суффикс изменился на более британский вариант со значением собирательности. Также в английском этот суффикс часто можно видеть у слов, обозначающих химические элементы и вещества. Корень сохранился, род пропал, как и подобает в английском языке, никаких дополнительных частей слово не приобрело.

В американском английском появился суффикс *oid*. Данный суффикс часто используется для образования терминологической лексики английского языка [2, с. 32].

Корень *trapez* сохранился в первоначальном виде. Никаких дополнительных элементов в виде возможных соединительных гласных и других частей слово не приобрело, что связано с тем, что суффикс *oid* начинается на гласную, которая без добавления лишних элементов обеспечивает удобство произношения.

3.2. Немецкий: *Trapez*

В немецком же языке слово вообще лишилось всяческих флексий – суффикс отделился и перестал использоваться. Таким образом слово целиком в варианте немецкого созвучно с корнем, также оно сохранило средний род и имеет характерный для этого рода артикль *das*.

3.3. Испанский: *trapesio*

В языке жителей Пиренейского полуострова и большей части Латинской Америки последняя буква корня слова по-

менялась на более характерную для кастильского варианта испанского согласную *s*. Оглушение этой согласной здесь не имеет большого значения, так как *z* в испанском тоже произносится как глухая согласная. Авторы предполагают, что слово приняло такой вид для удобства написания. Стоит отметить, что суффикс *io* носит значение качества или свойства и является непростым для исследования его исторического происхождения [16, с. 133].

3.4. Французский: *trapèze*

Слово приняло мужской род, так же, как и в испанском, и на письме появилось характерное для французского языка непроемкое окончание *-e*. Стоит обратить внимание, что буква *z* в конце слова означает звонкий звук *z*, в отличие от рассмотренного выше испанского. Если говорить о фонетике, *r* во французском варианте произношения также лишилась ротацизма, как и другие французские слова с этой буквой, и звук из дрожащих перешёл, по мнению авторов, во фрикативные.

3.5. Русский: *трапеция*

Звук *z* в конце корня сменился на аффрикат *ц* и тем самым «подстроился» под продуктивное окончание русского языка *-ция*. Слово приняло женский род, как и все слова русского языка, имеющие такое окончание.

Помимо сохранения первоначального корня во всех упомянутых выше языках, хотелось бы отметить одну фонологическую особенность: ударение во всех вариантах рассмотренного выше перевода падает на один и тот же слог – на второй. Деривация слова касалась лишь его аффиксов – ударный корень сохранился почти в первоизданном виде и с лексической, и с фонетической точки зрения.

Разбор слов *пирамида*, *призма*, *сфера*, *конус*, *цилиндр*, *октаэдр* приведем в формате таблицы (табл.).

Обсуждение и выводы

На основании анализа материала в исследовании можно сделать следующие выводы:

* корень слова при заимствовании чаще всего практически не меняется;

Разбор слов: пирамида, призма, сфера, конус, цилиндр, октаэдр

4. Πυραμίς 'пирамида' (женский род)						
слово на языке заимствования	род	корень	суффикс	окончание	ударение	примечание
4.1. Английский: <i>pyramid</i>	-	сохранился	изменился	-	сохранилось	
4.2. Немецкий: <i>Pyramide</i>	жен.	сохранился	изменился	появилось -e	сохранилось	
4.3. Французский: <i>pyramide</i>	жен.	сохранился	изменился	появилось -e	сохранилось	
4.4. Испанский: <i>pirámide</i>	жен.	сохранился	изменился	появилось -e	поменялось на второй слог	
4.5. Русский: <i>пирамида</i>	жен.	сохранился	изменился	появилось -а	сохранилось	
5. Πρίσμα 'призма' (средний род)						
5.1. Английский: <i>prism</i>	-	сохранился	во всех пяти языках не было в изначальном варианте, не появился	отпало	сохранилось	
5.2. Немецкий: <i>Prisma</i>	средн.	сохранился		сохранилось	сохранилось	
5.3. Французский: <i>prisme</i>	муж.	сохранился		поменялось на -e	сохранилось	
5.4. Испанский: <i>prisma</i>	муж.	сохранился		сохранилось	сохранилось	
5.5. Русский: <i>призма</i>	жен.	сохранился		сохранилось	сохранилось	
6. Σφαίρα 'сфера' (женский род)						
6.1. Английский: <i>sphere</i>	-	сохранился	во всех пяти языках не было в изначальном варианте, не появился	изменилось на -e	сохранилось	
6.2. Немецкий: <i>Sphäre</i>	жен.	сохранился		изменилось на -e	сохранилось	<i>Kugel</i> – аналог-синоним
6.3. Французский: <i>sphère</i>	жен.	сохранился		изменилось на -e	сохранилось	
6.4. Испанский: <i>esfera</i>	жен.	сохранился		сохранилось	поменялось на второй слог	
6.5. Русский: <i>сфера</i>	жен.	сохранился		сохранилось	сохранилось	
7. Κωνός 'конус' (мужской род)						
7.1. Английский: <i>cone</i>	-	сохранился	отпал	появилось	сохранилось	
7.2. Немецкий: <i>Conus</i>	муж.	сохранился	сохранился	не появилось	сохранилось	<i>Kegel</i> – аналог-синоним
7.3. Французский: <i>cône</i>	муж.	сохранился	отпал	появилось	сохранилось	

Продолжение таблицы

7.4. Испанский: cono	муж.	сохранился	отпал	появилось	сохранилось	
7.5. Русский: конус	муж.	сохранился	сохранился	не появилось	сохранилось	
8. Κύλινδρος 'цилиндр' (мужской род)						
8.1. Английский: cylinder	-	сохранился	отпал	не появилось	сохранилось	во всех пяти языках помечалась первая корневая согласная
8.2. Немецкий: Zylinder	муж.	сохранился	отпал	не появилось	сохранилось	
8.3. Французский: cilindre	муж.	сохранился	отпал	появилось	сохранилось	
8.4. Испанский: cilindro	муж.	сохранился	отпал	появилось	сохранилось	
8.5. Русский: цилиндр	муж.	сохранился	отпал	не появилось	сохранилось	
9. Ὀχτάεδρο 'октаэдр' (средний род)						
9.1. Английский: octahedron	-	сохранился	не появился	отпало	сохранилось	появилась непроезносимая межкорневая согласная h
9.2. Немецкий: Oktaeder	средн.	сохранился	не появился	отпало	сохранилось	
9.3. Французский: octaèdre	муж.	сохранился	не появился	появилось	сохранилось	
9.4. Испанский: octaedro	муж.	сохранился	не появился	появилось	сохранилось	
9.5. Русский: октаэдр	муж.	сохранился	не появился	отпало	сохранилось	

* в большинстве случаев ударение также сохраняется на том слого, на котором оно стояло в первоначальном древнегреческом варианте;

* изменение грамматической категории рода возможно и допустимо в каждом конкретном слове в зависимости от его смыслового рода и лингвистических норм принимающего языка (точные причины и процесс конвертации рода или его сохранения авторы проследить не пытались, поскольку это не входило в задачи исследования);

* использование интернационального слова не исключает наличие «своих» аналогов-синонимов в каждом конкретном языке;

* в каждом языке слово полностью подчиняется правилам его грамматического строя – перенимает категории числа, склонение по падежам, синтаксические функции и др.;

* эту же особенность можно проследить и на примере флексий – в большинстве языков вместо изначальной флексии около корня слова появляется суффикс или окончание, более характерные и продуктивные для конкретного языка, либо же таковая вообще пропадает.

Таким образом, каждый язык накладывает на заимствованное слово свои правила, а от исходного слова остаётся только корень (возможно с небольшими изменениями) и его смысловое понятие. Этим и обоснован концепт «заимствованного слова»: заимствуются в первую очередь самые основные – смысловые – его части.

Список литературы

1. Авдиев В. И., Бокшанин А. Г., Пикус Н. Н. История Древней Греции. – М.: Высшая школа, 1972. – 424 с.
2. Батчаева З. А., Кувшинова Г. П., Халилов С. Р. Использование суффикса "-oid" в именном словообразовании английского языка // Проблемы современного педагогического образования. – 2019. – № 63 (1). – С. 32–35.
3. Блинова Л. С., Лазарева Е. И. Современный немецко-русский русско-немецкий словарь. – М.: АСТ, 2022. – 768 с.
4. Ершова Е. С. Новый испанско-русский русско-испанский словарь: 100 000 слов и словосочетаний. – М.: Дом Славянской книги, 2010. – 928 с.
5. Мирзорохимова С. И., Кузнецов И. А., Царегородцева М. Г. Функционально-стилистическое влияние латыни и греческого языка на русский язык // Успехи в химии и химической технологии. – 2021. – Т. XXXV, № 11. – С. 91–93.
6. Мирошниченко Л. Н., Фоменко Л. Н. Взаимовлияние языков в лингвистическом аспекте (на примере греческого и английских языков) // Казанская наука. – 2022. – № 10. – С. 163–165.
7. Раевская О. В. Современный французско-русский русско-французский словарь. – М.: АСТ, 2010. – 640 с.
8. Сиротина Т. А. Современный англо-русский русско-английский словарь: 100 000 слов. – М.: БАО-ПРЕСС, 2005. – 1216 с.
9. Стройк Д. Я. Краткий очерк истории математики. Изд. 4-е. – М.: Наука, 1984. – 288 с.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. – Изд. 4-е. – М.: Астрель – АСТ, 2004.
11. Черепнёв М. А. Швеца А. Н. Математическое моделирование результатов заимствования иностранных слов русского языка как отражение процесса исторического взаимодействия русских с иностранцами // Computational nanotechnology. – 2020. – Т. 7, № 2. – С. 79–89.
12. Gourdon de Genouillac, H. L'art Héraldique. – Paris: MAISON QUANTIN, 1889. – 293 p.
13. Heiberg I. L. Euclidis Elementa. Vol. I. – Lipsiae; Lipsiae: BG Teubneri, 1883. – 336 p.
14. Heiberg I. L. Euclidis Elementa. Vol. IV. – Lipsiae; Lipsiae: BG Teubneri, 1885. – 424 p.
15. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. – Berlin-New York: Walter de Gruyter, 1989. – 887 p.

16. Malkiel Ya. Las multiples fuentes del sufijo español *-io* // Voces. – 1992. – № 3. – С. 133–148.

17. Skeat W. W. An etymological dictionary of the English language. – Oxford Clarendon Press, 1888. – 844 p.

Natalia B. Karbachinskaya, Stepan V. Karbachinskiy

Analysis of the Influence of the Donor Language on the Example of Ancient Greek Words from the "Beginnings" of Euclid

The article analyzes the influence of the donor language on the word forms of words borrowed from it in the receiving languages. To do this, the words from the ancient Greek text of Euclid's "Beginnings", written by him around 2300 BC, are analyzed and their transformations in five languages are analyzed: English, German, Spanish, French and Russian. For the purity of the experiment, only two variants of words are taken for analysis – the original ancient Greek and the modern version, now existing in each of the languages chosen for the study. The authors do not pay attention to the diachronic process of the transition of words from ancient Greek into Latin and other languages, comparing only two variants of the studied words – the original and the final, modern. The authors comment on the origin of each lexical unit, relying on M. Fasmer's dictionaries and electronic etymological dictionaries. Based on the data obtained, the authors draw a general conclusion about the preservation or change of linguistic parameters of mathematical terms throughout the process of transition from one language to another. This research is not only of purely academic interest, but also useful for linguodidactics, since it can be used in teaching at various levels of education, in the integration of a foreign language and mathematical disciplines, as well as when working in the format of the CLIL system.

Key words: Euclid, Ancient Greek, loanwords, language contact, root, inflections, grammatical categories.

For citation: Karbachinskaya, N. B., Karbachinskiy, S. V. (2023) Analiz vliyaniya zaimstvuyushchego yazyka na primere drevnegrecheskih slov iz «Nachal» Evklida [Analysis of the Influence of the Donor Language on the Example of Ancient Greek Words from the "Beginnings" of Euclid]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 175–188. (In Russian). DOI: 10.3527/1/25419803_2023_3_175. EDN: EPIYAH

References

1. Avdiev, V. I., Bokshchanin, A. G., Pikus, N. N. (1972) *Istoriya Drevnej Grecii* [History of ancient Greece]. Moscow: Vysshaya shkola Publ. (In Russian).
2. Batchaeva, Z. A., Kuvshinova, G. P., Halilov, S. R. (2019) *Ispol'zovaniya suffiksa "-oid" v imennom slovoobrazovanii anglijskogo yazyka* [The use of suffix "-oid" in the nominal word formation of the english language]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya – Problems of modern pedagogical education*. No. 63 (1). Pp. 32–35. (In Russian).
3. Blinova, L. S., Lazareva, E. I. (2022) *Sovremennyy nemecko-russkij rusko-nemeckij slovar'*. [Modern German-Russian Russian-German dictionary]. Moscow: AST Publ. (In Russian).
4. Ershova, E. S. (2010) *Novyy ispanko-russkij rusko-ispanskiy slovar': 100 000 slov i slovosochetaniy* [New Spanish-Russian Russian-Spanish dictionary]. Moscow: Dom Slavyanskoy knigi Publ. (In Russian).
5. Mirzorahimova, S. I., Kuznecov, I. A., Caregorodceva, M. G. (2021) *Funktional'no-stilisticheskoe vliyaniye latyni i grecheskogo yazyka na russkij yazyk* [Functional and stylistic influence of Latin and Greek on Russian]. Moscow: AST Publ. (In Russian).

ence of latin and greek on the russian Language] *Uspekhi v himii i himicheskoj tekhnologii – Advances in Chemistry and Chemical Technology*. Vol. XXXV. No. 11. Pp. 91–93. (In Russian).

6. Miroshnichenko, L. N., Fomenko, L. N. (2022) *Vzaimovliyanie yazykov v lingvoistoricheskom aspekte (na primere grecheskogo i anglijskih yazykov)* [Interaction of languages in the linguo-historical aspect (on the example of the greek and english languages)]. *Kazanskaya nauka – Kazan science*. No. 10. Pp. 163–165. (In Russian).

7. Raevskaya, O. V. (2010) *Sovremennyj francuzsko-russkij russko-francuzskij slovar'* [Modern French-Russian Russian-French dictionary]. Moscow: AST Publ. (In Russian).

8. Sirotnina, T. A. (2005) *Sovremennyj anglo-russkij russko-anglijskij slovar'*: 100000 slov [Modern English-Russian Russian-English dictionary]. Moscow: BAO-PRESS Publ. (In Russian).

9. Strojck, D. YA. (1984) *Kratkij ocherk istorii matematiki* [A brief history of mathematics]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

10. Fasmer, M. (2004) *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [The etymological dictionary of Russian language]. 1–4 vols. Moscow: Astrel' – AST Publ. (In Russian).

11. CHerepnyov, M. A., SHvec, A. N. (2020) *Matematicheskoe modelirovanie rezul'tatov zaimstvovaniya inostrannyh slov russkogo yazyka kak otrazhenie processa istoricheskogo vzaimodejstviya russkih s inostrancami* [Mathematical modeling of results of borrowing foreign words of the russian language a reflection of the process of historical interaction between russians and foreigners]. *Computational nanotechnology – Computational nanotechnology*. Vol. 7. No. 2. Pp. 79–89. (In Russian).

12. Gourdon de Genouillac, H. (1889) *L'art Héraldique*. Paris: MAISON QUANTIN. (In French).

13. Heiberg, I. L. (1883) *Euclidis Elementa*. Vol. I. Lipsiae: BG Teubneri. (In Greek, in Latin).

14. Heiberg, I. L. (1885) *Euclidis Elementa*. Vol. IV. Lipsiae: BG Teubneri. (In Greek, in Latin).

15. Kluge, F. (1989) *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. Berlin–New York: Walter de Gruyter. (In German).

16. Malkiel, Ya. (1992) *Las multiples fuentes del sufijo español –io*. *Voces*. No. 3. Pp. 133–148. (In Spanish).

17. Skeat, W. W. (1888) *An etymological dictionary of the English language*. Oxford Clarendon Press.

Личный вклад соавторов
Personal co-authors contribution
50/50 %

дата получения: 28.05.2023 г.
дата принятия: 26.06.2023 г.
дата публикации: 30.09.2023 г.

date of receiving: 28 May 2023
date of acceptance: 26 June 2023
date of publication: 30 September 2023

И. И. Конькова

Диссертация vs монография: сопоставление с использованием корпусного подхода

Статья посвящена сравнительно-сопоставительному анализу жанров современных англоязычных текстов диссертации и монографии (сфера робототехники). Цель статьи заключается в выявлении статуса метаструктур с точки зрения их универсальности и типологичности в отношении следующих функций: текстообразование, толкование, оценочность, комментарий, подтверждение сказанного иллюстрацией, таблицей или графиком, диалогизация, подчеркивание достижений, обособление автора, привлечение внимания, признание и сокращение подробностей. Актуальность статьи состоит в сравнении жанров научно-технического дискурса, что представляет интерес для выявления трансформаций функций метаструктур в зависимости от жанра. Новизна исследования заключается в том, что впервые проводится сопоставительный анализ указанных крупных жанров с акцентом на функциональные особенности метаструктур. Материал исследования представлен современными текстами англоязычных монографий и диссертаций. В статье используются метод сравнительно-сопоставительного, критического дискурс-анализа, корпусно-ориентированного дискурс-анализа и метод сплошной выборки на начальном этапе исследования. Делаются выводы о частности отдельных функций метаструктур в исследуемых жанрах и причинах этого.

Ключевые слова: диссертация, монография, метаструктура, функция, сравнительно-сопоставительный анализ, корпус, метод корпусно-ориентированного дискурс-анализа.

Для цитирования: Конькова И. И. Диссертация vs монография: сопоставление с использованием корпусного подхода // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 3. – С. 189–203. DOI: 10.35231/25419803_2023_3_189. EDN: QZRDZZ

Жанры научной литературы представляют собой исторически сложившиеся и устойчивые типы научных произведений, которые могут быть классифицированы по разным признакам. Исследованию особенностей жанра диссертации посвящено множество научных работ (Н. И. Данилина и Е. А. Разумовская [4]; В. И. Карасик и Г. Г. Слышкин [8]; Л. В. Ягенич [19] и др.). Диссертация представляет собой многокомпонентную научно-квалификационную работу, направленную на решение важных задач в определенной предметной области, отличающихся актуальностью, научной

новизной и практической значимостью [14]. Диссертация стоит особняком в отношении остальных жанров научно-технического дискурса, так как она пишется для публичной защиты с целью получения научной степени. Именно поэтому основная задача автора диссертации заключается в демонстрации умения самостоятельно проводить научное исследование. Информация, отражённая в диссертации, должна быть оригинальной, написанной научным языком, понятным специалисту. В данной статье под диссертацией (докторской, кандидатской и магистерской) автор понимает многокомпонентную научно-квалификационную работу, направленную на решение важных задач в определенной предметной области, отличающуюся актуальностью, научной новизной и практической значимостью.

Принципиальное отличие диссертации от монографии заключается в том, что первая характеризуется критичностью существующих идей, именно поэтому в ней присутствует полемический материал, требующий публичной защиты, в то время как монография содержит научное размышление по определенному вопросу, не предполагающее такой защиты.

Монография как жанр получила широкое освещение с точки зрения разных языковых явлений (Н. С. Берсенева [2], З. О. Доткулова [5], А. К. Сабанчиева [15], Т. Н. Чан [17] и др.). Монография – это один из самых крупных рецензируемых жанров научного стиля речи, которая определяется как научный труд в виде книги, представляющий результаты углублённого изучения одной или несколько связанных между собой тем, отличающийся высокой степенью обобщения, материалы которого так же могут использоваться в учебном процессе [12, с. 35]. Т. В. Жеребило предлагает развёрнутое исчерпывающее определение понятия «монография, понимая под ним научный труд, посвящённый полиаспектному рассмотрению и решению определенной актуальной проблемы, обладающий теоретической значимостью и новизной эмпирического материала, единством научно-методологического подхода, смысловой завершенностью, сложностью композиционной структуры [6]. Е. С. Троянская считает монографию ведущей жанровой разновидностью, репрезентирующей новое научное знание, входящей в ядер-

ную зону научного стиля [16, с. 91]. В данной статье под монографией понимается крупное научное произведение – книга, цель которого состоит в решении одной или нескольких научных проблем, отличающееся высокой степенью новизны и глубиной исследования предложенного вопроса.

Цель данной статьи заключается в выявлении статуса метаструктур с точки зрения их универсальности и типологичности в выявленных функциях в жанрах англоязычной диссертации и монографии, а также проведение их сопоставительного анализа.

Материалы и методы

Материалом исследования данной статьи в широком смысле выступают англоязычные диссертации авторов G. Adamides¹, E. Bodle², C. Eppner³, S. Höfer⁴, J. G. Iglesias⁵, R. Martin-Martin⁶, T. Oshiro⁷, A. Sieverling⁸ и монографии [21–23], в то время как в узком смысле – это метаструктуры в указанных жанрах. Жанры представлены двумя созданными вручную корпусами научно-технических текстов (общий объем корпуса каждого из жанров составляет примерно 350 000 слов). В данной статье были применены методы сплошной выборки на начальном этапе, метод корпусно-ориентированного дискурс-анализа и метод критического анализа при разборе примеров. В ходе анализа было отобрано в монографии – 9229 дискурсивных фрагментов, содержащих метаструктуры, в то время как в диссертации – 11767. Таким образом, диссертация характеризуется большей степенью метадискурсивности, что может быть напрямую связано с направленностью дис-

¹ Adamides G. User interfaces for human-robot interaction: Application on a semi-autonomous agricultural robot sprayer. Cyprus, 2016. 148 p. Available at: https://www.researchgate.net/publication/307864935_Doctoral_Dissertation_User_interfaces_for_human-robot_interaction_Application_on_a_semi-autonomous_agricultural_robot_sprayer (accessed 28 April 2025).

² Bodle E. The Effectiveness of Using Robotics for Career Technology Education in a Middle School STE(A)M Course. Oregon, 2019. Available at: https://www.researchgate.net/publication/344697558_The_Effectiveness_of_Using_Robotics_for_Career_Technology_Education_in_a_Middle_School_STEAM_Course (accessed 28 April 2023).

³ Eppner C. Robot Grasping by Exploiting Compliance and Environmental Constraints. Berlin, 2019. 243 p. Available at: <https://www.tu.berlin/en/robotics/teaching/theses/completed-theses/robot-grasping-by-exploiting-compliance-and-environmental-constraints> (accessed 28 April 2023).

⁴ Höfer S. On Decomposability in Robot Reinforcement Learning. Berlin, 2017. 244 p. Available at: <https://api-depositonce.tu-berlin.de/server/api/core/bitstreams/77c32cd7-29e8-4b9c-bf9b-e6f52355693d/content> (accessed 28 April 2023).

⁵ Iglesias J. G. Design, modelling and control of a biped robot platform based on Poppy project. Barcelona, 2016. 65 p. Available at: <https://upcommons.upc.edu/handle/2117/9866> (accessed 28 April 2023).

⁶ Martin-Martin R. Leveraging Problem Structure in Interactive Perception for Robot Manipulation of Constrained Mechanisms. Berlin, 2018. 184 p. Available at: <https://www.tu.berlin/en/robotics/teaching/theses/completed-theses/leveraging-problem-structure-in-interactive-perception-for-robot-manipulation-of-constrained-mechanisms> (accessed 28 April 2023).

⁷ Oshiro T. Soft Robotics in Radiation Environments: A Prospective Study of an Emerging Automated Technology for Existing Nuclear Applications. Oregon, 2018. 84 p. Available at: <https://ir.library.oregonstate.edu/downloads/12579z328> (accessed 28 April 2023).

⁸ Sieverling A. Robust Motion Generation for Mobile Manipulation – Integrating Control and Planning. Berlin, 2019. 180 p. Available at: <https://www.tu.berlin/en/robotics/teaching/theses/completed-theses/robust-motion-generation-for-mobile-manipulation-integrating-control-and-planning-under-uncertainty> (accessed 28 April 2023).

сертации на убеждение реципиента в достоверности выводов, сделанных автором диссертации (рис. 1).

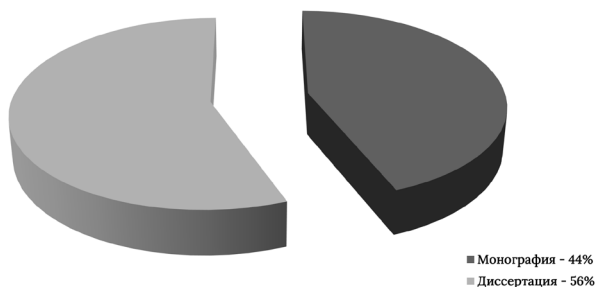


Рис 1. Частотность употребления метаструктур в жанрах диссертации и монографии

Метаструктуры текстов разных дискурсов рассматривались многими исследователями, преимущественно в рамках лингвистики текста (И. Т. Вепрева [3], Н. В. Лукина [9], М. В. Ляпон [10], Н. П. Перфирьева [13], В. А. Шаймиев [18], З. А. Ярыгина [20] и др.). В данной статье под метаструктурами понимаются несущие дополнительное значение лексические единицы, объединенные в структуры разной протяженности (максимальное число слов – 15, минимальное число слов – 1, среднее число слов – 5), облегчающие читателю процесс восприятия текста. Наибольший акцент в данной работе делается на выявлении и анализе функций метаструктур.

Процентное соотношение функций было вычислено с применением метода корпусно-ориентированного дискурс-анализа, используемого в корпусной лингвистике (инструмент AntConc) (В. П. Захаров и С. Ю. Богданова [7], А. Н. Баранов [1], В. В. Мамонтова [11] и др.).

Результаты

В результате проведенного анализа было установлено, что метаструктуры в англоязычных диссертации и монографии выполняют следующие функции (табл.).

Таблица

Функциональные характеристики метаструктур в диссертации и монографии

Функции	Диссертация	Монография
Диалогизация	+	+
Оценка	+	+
Текстообразование	+	+
Подтверждение сказанного введением иллюстрации (график, таблица и др.)	+	+
Комментарий	+	+
Толкование	+	+
Признание	+	+
Обособление автора	+	+
Привлечение внимания	+	+
Достижения	+	-
Сокращение подробностей	-	+

Как видно из таблицы, ряд метаструктур представлен в обоих жанрах и имеет функциональное сходство, т. е. выполняет схожие функции, а именно: диалогизация, оценка, текстообразование, подтверждение сказанного введением иллюстраций, комментариев, толкование, признание, обособление автора и привлечение внимания. В то же время некоторые функции метаструктур характерны только для определенного жанра. Так, метаструктуры, подчеркивающие достижения автора, типичны для диссертации, в которой акценты на такие моменты являются неотъемлемой частью научного произведения, без которых проведенное исследование теряет смысл. Метаструктуры, сокращающие подробности, напротив, свойственны только монографии с целью обобщения в сжатой форме теоретической стороны описываемого научного вопроса.

Все перечисленные выше функции могут быть классифицированы как жанрообразующие и жанромодифицирующие. Первые фактически определяют жанровое своеобразие. К ним

относятся такие функции, как диалогизация, текстообразование, подтверждение сказанного введением иллюстрации (график, таблица и др.), привлечение внимания, сокращение подробностей и толкование. Метаструктуры в данной функции являются основополагающим каркасом, без которого в указанном жанре невозможно реализовать коммуникативные функции. Вторые, в свою очередь, вносят в конкретный устоявшийся жанр некое своеобразие. К таким функциям относятся: оценка, комментарий, признание, обособление автора и достижение. Они добавляют в анализируемые жанры дополнительные коннотации, делая их более аксиологичными, выделяя автора, его научное мнение и особые заслуги.

Рассмотрим на примерах каждую из выделенных функций метаструктур в жанрах диссертации (Д) и монографии (М).

Диалогизация – (Д – 32 %, М – 28 %)

Д: (1) *Robotics in agriculture are considered to be a field application domain, because they have the relevant characteristics as identified by Murphy*¹.

М: (2) **Let us now express** this relation in skew-symmetric matrix form [22, p. 78].

Диалогизация в метаструктурах находит отражение в разных формах, в частности, как через ссылку на другого исследователя, занимавшегося похожей темой (пример 1), так и через непосредственное обращение к читателю, «приглашая» его к совместному действию (пример 2).

Оценка – (Д – 19 %, М – 13 %)

Д: (3) **It is no surprise** then that farmers, even though they have to work hard and under harsh conditions in the field, they love working with cultivating the earth for crop and with animal production².

М: (4) **There is no point of** only changing the names, so let's run two sets of publisher and subscriber nodes to communicate with each other [23, p. 189].

Несмотря на строгость и четкие требования к содержанию обоих исследуемых жанров, в них присутствует элемент оценки для выражения мнения о проведенных ранее

¹ Adamides G. User interfaces for human-robot interaction: Application on a semi-autonomous agricultural robot sprayer. Cyprus, 2016. P. 20. Available at: https://www.researchgate.net/publication/307864935_Doctoral_Dissertation_User_interfaces_for_human-robot_interaction_Application_on_a_semi-autonomous_agricultural_robot_sprayer (accessed 28 April 2023).

² Ibid. P. 28.

научных работах или комментариев потенциальных действий читателя (примеры 3–4).

Текстообразование – (Д – 17 %, М – 22 %)

Д: (5) **Later**, in a field experiment, the usability of different interaction modes for agricultural robot teleoperation was also investigated¹.

М: (6) **Below is** an example of using this launch file [23, p. 307].

Метаструктуры в функции текстообразования являются обязательным элементом как диссертации, так и монографии, так как они составляют основу всего текста, его каркас, структурируя информацию и преподнося ее в удобном для читателя виде (примеры 5–6).

Комментарий – (Д – 15 %, М – 8 %)

Д: (7) **This can be accomplished through** maps, orientation information (such as compass), and sensors that will provide the necessary information about the robot's surroundings².

М: (8) **You may need some time** to get used to the commands, but the more you use them, you will soon find yourself using each kind of ROS functions quickly and easily using [23, p. 91].

Метаструктуры в функции комментария отличаются наибольшим лексическим разнообразием по сравнению с метаструктурами в других функциях. Они вносят дополнительный смысл к основному содержанию и передаются через конструкции в пассивном залоге (пример 7) или через непосредственное обращение к читателю (пример 8).

Иллюстрация – (Д – 9 %, М – 18 %)

Д: (9) **The following table presents** the two robot platforms which were transformed to robotic sprayers with their characteristics based on the above requirements³.

М: (10) To illustrate this with a concrete example, consider an upright coin of radius r rolling on a plane **as shown in Figure 2.11** [22, p. 31].

Благодаря использованию метаструктур в функции подтверждения сказанного иллюстрацией (примеры 9–10) придается дополнительная наглядность научной работе, что больше свойственно такому жанру, как монография, где характер подачи материала отличается наибольшей сложностью. В то же

¹ Ibid. P. V.

² Ibid. P. 94.

³ Ibid. P. 66.

время язык диссертации несколько проще по сравнению с монографией и наличие иллюстративного материала определяется только желанием самого автора.

Достижения – (Д – 3,9 %, М – 0 %)

Д: (11) **The main contribution of this chapter is the development of a taxonomy of usability heuristics for robot teleoperation, following an approach that involved the end-users of such heuristics (i. e., HRI/HCI practitioners)**¹.

Метаструктуры выполняют функцию подчеркивания достижений автора только в диссертациях (пример 11), так как того требует формат данной научной работы, предполагающей наличие такого обязательного элемента, как новизна.

Толкование – (Д – 2 %, М – 6 %)

Д: (12) *The use of robots to carry out agricultural tasks, which can either be automated [50] or remotely guided [3], leaves the intelligence to humans who are in a more comfortable environment (i. e. office), instead of being outside in the field (i. e. driving a tractor)*².

М: (13) **SLAM (Simultaneous Localization And Mapping) means to explore and map the unknown environment while estimating the pose of the robot itself by using the mounted sensors on the robot** [23, p. 332].

Метаструктуры в функции толкования не характерны для исследуемых жанров, так как оба указанных текста рассчитаны на подготовленного читателя, знакомого с используемой терминологией (примеры 12–13). Встречаются такие метаструктуры в функции толкования, как *it stands for, it means that, i. e., it denotes* и др.

Обособление – (Д – 0,9 %, М – 0, 6 %)

Д: (14) **Within the framework of this study, I give the following definition when referring to “robotics in agriculture” as follows: Robotics for agriculture is considered the domain of field systems able to autonomously perform coordinated, mechatronic actions, on the basis of processing of information acquired through sensor technology, with the aim to support professional farmers in performing agricultural tasks**³.

М: (15) **In this section, I will explain how to check the image information of the camera mounted on the robot from another computer in the remote place** [23, p. 205].

¹ Ibid. P. 95.

² Ibid. P. 22.

³ Ibid. P. 20.

Метаструктуры в функции обособления (примеры 14–15) представляют собой крайне редкое явление, так как предполагают использование личного местоимения 1 лица ед. ч. Такое явление наблюдается в случае наличия нескольких авторов у научной работы, когда есть необходимость подчеркнуть степень вклада каждого из них или этого требует политика научного заведения, где была написана работа.

Привлечение внимания – (Д – 0,6 %, М – 1 %)

Д: (16) **Notably**, both studies were performed on a liquid form of PDMS rather than the solid considered in soft robotic applications¹.

М: (17) **For your information**, we can also run it with 'rqt_graph' without having to manually select the plugin from the menu [23, p. 143].

В обоих жанрах присутствует информация, которую автор желает акцентировать, что возможно за счет использования метаструктур в функции привлечения внимания (примеры 16–17). Среди таких лексических структур присутствуют *for or information*, *note that*, *notably*, *it is worth noting that* и др.

Признание – (Д – 0,5 %, М – 0,3 %)

Д: (18) **In loving memory of my mother**².

М: (19) **To my mother, Jancy Joseph, and my father, C.G Joseph, for giving me strong support** in making this project happen [21].

Метаструктуры в функции признания являются неотъемлемым элементом обоих анализируемых жанров, так как в силу своей объёмности и трудоемкости они предполагают наличие поддержки друзей и родственников (примеры 18–19). Небольшой процент таких метаструктур объясняется тем, что они используются только в начале работы.

Призыв – (Д – 0,1 %, М – 3 %)

Д: (20) **Imagine** we would only consider static grasp postures, i. e., each grasp is fully described by a single point in the configuration space of the hand³.

¹ Oshiro T. Soft Robotics in Radiation Environments: A Prospective Study of an Emerging Automated Technology for Existing Nuclear Applications. Oregon, 2018. P. X. Available at: <https://ir.library.oregonstate.edu/downloads/12579z328> (accessed 28 April 2023).

² Adamides G. User interfaces for human-robot interaction: Application on a semi-autonomous agricultural robot sprayer. Cyprus, 2016. P. 22. Available at: https://www.researchgate.net/publication/307864935_Doctoral_Dissertation_User_interfaces_for_human-robot_interaction_Application_on_a_semi-autonomous_agricultural_robot_sprayer (accessed 28 April 2023).

³ Eppner C. Robot Grasping by Exploiting Compliance and Environmental Constraints. Berlin, 2019. P. 30. Available at: <https://www.tu.berlin/en/robotics/teaching/theses/completed-theses/robot-grasping-by-exploiting-compliance-and-environmental-constraints> (accessed 28 April 2023).

М: (21) **Close all the terminals** to ensure any conflicts with other processes. Then open a new terminal and run the following command [23, p. 100].

Метаструктуры в функции призыва направлены на то, чтобы сподвигнуть читателя на определенное действие (примеры 20–21). В исследуемых жанрах они чаще всего используются в примерах с задачами, что в большей мере характерно для монографии.

Сокращение подробностей – (Д – 0 %, М – 0,2 %)

М: (22) **Here is a short explanation of each tool ...** [21, p. 45].

Метаструктуры, сокращающие подробности, характерны только для монографии, в которой присутствует некоторая степень обобщения фактов (пример 22). Диссертация предполагает подробные и последовательные пояснения к материалу.

Обсуждение и выводы

Таким образом, в результате сопоставления жанровых и функциональных особенностей метаструктур в диссертации и монографии были сделаны следующие выводы:

1) диссертация характеризуется большей степенью метадикурсивности, что связано со стремлением ее автора убедить читателя в достоверности выводов, новизне и актуальности работы, что достигается за счет использования метаструктур;

2) в обоих исследуемых жанрах метаструктуры выполняют следующие функции: диалогизация, оценка, текстообразование, комментарий, подтверждение сказанного введением иллюстрации (график, диаграмма, таблица и др.), толкование, обособление автора, привлечение внимания, признание и призыв (рис. 2);

3) метаструктуры для подчеркивания достижений типичны только для диссертации, где важно правильно преподнести выносимые на защиту положения, особо отметив свои заслуги;

4) метаструктуры в функции сокращения подробностей характерны только для монографии, так как характер монографии предполагает большую степень обобщенности;

5) в монографии по сравнению с диссертацией преобладают метаструктуры в следующих функциях: призыв, толкование, подтверждение сказанного введением иллюстрации, тек-

стообразование и привлечение внимания. Такая частотность определяется высокой степенью обобщенности монографии и особой глубиной данного исследования;

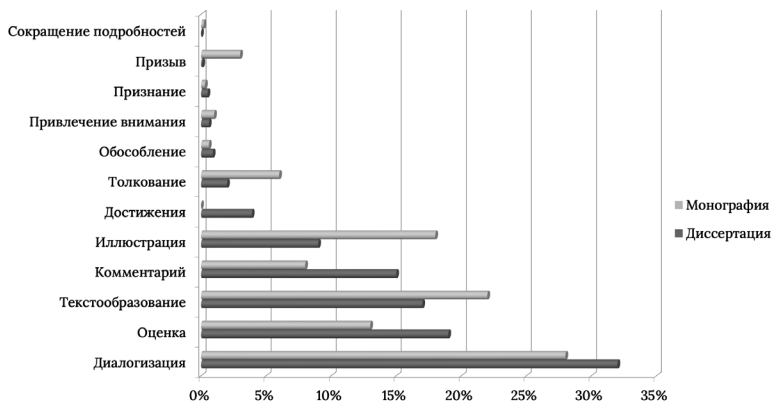


Рис. 2. Частотность употребления метаструктур по функциям в жанрах монографии и диссертации

б) в диссертации относительно монографии преобладают метаструктуры в следующих функциях: диалогизация, оценка, комментарий и обособление автора, что напрямую связано с характером диссертационного исследования, которое предполагает большую доказательную базу, направленную на убеждение читателя в правдивости своих умозаключений.

Список литературы

1. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. – М.: УРСС, 2003. – 358 с.
2. Берсенева Н. С. Когнитивно-прагматические особенности реализации словообразовательных моделей в жанре научной монографии // Когнитивные исследования языка. – 2018. – № 34. – С. 615–618.
3. Вепрева И. Т. Метаязыковая ориентация языковой личности в условиях языковой перестройки // Активные языковые процессы конца XX века: тез. докл. международн. конф. Шмелевские чтения, 23–25 февр. 2000 г. – М., 2000. – С. 26–28.
4. Данилина Н. И., Разумовская Е. А. Проявление индивидуально-авторского начала в жанре диссертации (у истоков языка науки) // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2021. – № 71. – С. 56–69. DOI: 10.17223/19986645/71/4

5. Доткулова З. О. Сопоставительный анализ жанров научной монографии и статьи (на материалах монографий и статей по фармации) // Актуальные вопросы науки: сб. ст. материалов 48-й Международн. научно-практической конф. – М., 2019. – С. 27–41.
6. Жеребило Т. В. Термины и понятия лингвистики: Общее языкознание. Социоллингвистика: Словарь-справочник. – Назрань: Пилигрим, 2011. – 280 с.
7. Захаров В. П., Богданова С. Ю. Корпусная лингвистика. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. – 148 с.
8. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Защита диссертации как жанр научного дискурса // Язык. Текст. Дискурс. – 2010. – № 8. – С. 338–350.
9. Лукина Н. В. Проблема выделения метатекста в художественном тексте // Вестник РУДН. Серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2009. – № 3. – С. 35–41.
10. Ляпон М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст. – М.: Наука, 1986. – 200 с.
11. Мамонтова В. В. Корпусная лингвистика в современной языковедческой парадигме // Актуальные вопросы современной науки. – 2010. – Вып. 12. – С. 230–238.
12. Монография // Новая иллюстрированная энциклопедия / ред. А. П. Горкин. – М.: Большая российская энциклопедия, 2003. – Т. 12. Мо-Но.
13. Перфирьева Н. П. Метатекст в аспекте текстовых категорий. – Новосибирск, 2006. – 284 с.
14. Пиккулева Э. А., Спирина Т. А. Понятие и структура магистерской диссертации // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – 2014. – № 10. – С. 145–155.
15. Сабанчиева А. К. Особенности функционирования терминов сферы астрономии в жарге научной монографии // Экспериментальные и теоретические исследования в современной науке: сб. ст. по материалам III международн. научно-практической конф. – М., 2017. – С. 82–87.
16. Троянская Е. С. Обучение чтению научной литературы. – М.: Наука, 1989. – 271 с.
17. Чан Т. Н. Жанр научно-технической монографии на русском и английском языках (на материале текстов по геологии) // Коммуникативные аспекты языка и культуры: сб. материалов XV Международн. научно-практической конф. студентов и молодых ученых. – Томск, 2015. – С. 144–146.
18. Шаймиев В. А. Метадискурсивные предикаты научного текста: компоненты содержания // Проблемы современной филологии и аспекты преподавания гуманитарных дисциплин в техническом вузе: мат-лы IV Международн. научно-практической конф. – Уфа, 2016. – С. 221–225
19. Ягенич Л. В. Структурно-содержательная характеристика диссертации как жанра письменного научного медицинского текста (на материале английского языка) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2021. – № 4 (71). – С. 120–128. DOI: 10.26456/vtfilol/2021.4.120
20. Ярыгина З. А. Способы и средства репрезентации метаструктуры современного учебного текста // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – 2014. – № 1 (20). – С. 26–33.
21. Joseph L. Learning Robotics using Python. Design, simulate, program, and prototype an autonomous mobile robot using ROS, OpenCV, PCL, and Python. – Birmingham-Mumbai, 2018. – 642 p.
22. Lynch K. M., Park F. C. Modern Robotics. Mechanics, Planning and Control. – Cambridge: Cambridge University Press, 2017. – 642 p.
23. YoonSeok P., HanCheol Ch., Ruywoon J., TaeHoon L. ROS Robot Programming. – Seoul, 2017. – 487 p.

Inna I. Konkova

Thesis VS Monograph: Comparative Analysis by Means of Corpus Approach

This article is devoted to comparative analysis of the modern English thesis and monograph genres (the sphere of robotics). The aim of the article is to find out the status of metastructures according to their universalism and their typology in the reference to such functions as textformation, clarification, evaluation, comment, confirmation of the said afore by illustration, table, graph, etc., dialogization, research importance emphasizing, author emphasizing, attention attraction, acknowledgment and cutting down details. The relevance of the article is the comparison of the genres of scientific and technical discourse that makes interest for finding out metastructures functions transformation due to the genre change. The novelty of the article is the fact that it is the first time when comparative analysis of the studied big genres paying special attention to the metastructures functional peculiarities is performed. The research material is the texts of modern English monograph and thesis. The comparative analysis method, critical discourse analysis method, corpus-oriented discourse analysis and the method of continuous sampling at the first stage of research are applied. Conclusions about the usage frequency of the certain metastructures functions and the reasons of it are made.

Key words: thesis, monograph, metastructure, function, comparative analysis, corpus, corpus-oriented discourse analysis.

For citation: Konkova, I. I. (2023) Dissertatsiya vs monografiya: sopostavlenie s ispol'zovaniem korpusnogo podhoda [Thesis VS Monograph: Comparative Analysis by Means of Corpus Approach]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 189–203. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2023_3_189. EDN: QZRZZZ

References

1. Baranov, A. N. (2003) *Vvedenie v prikladnyuyu lingvistiku* [Introduction to applied linguistics]. Moscow: URSS Publ. (In Russian).
2. Berseneva, N. S. (2018) Kognitivno-pragmaticheskie osobennosti realizatsii slovoobrazovatel'nykh modelej v zhanre nauchnoj monografii [Cognitive-pragmatic characteristics of word-formation patterns in the genre of monograph] *Kognitivnye issledovaniya yazyka – Cognitive studies of Language*. No. 34. Pp. 615–618. (In Russian).
3. Vepreva, I. T. (2000) Metajazykovaja orientatsija jazykovoj lichnosti v usloviyah jazykovoj perestrojki [Metalinguistic orientation of a linguistic personality in the conditions of the language change]. *Aktivnye jazykovye processy konca XX veka* [Active language processes of the end of the XX century. Proceedings of International Scientific Conference Shmelevskij chtenija]. Moscow. Pp. 26–28. (In Russian).
4. Danilina, N. I., Razumovskaya, E. A. (2021) Proyavlenie individual'no-avtorskogo nachala v zhanre dissertatsii (u istokov yazyka nauki) [The manifestation of the author in the dissertation (at the origins of the language of science)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. No. 71. Pp. 56–69. DOI: 10.17223/19986645/71/4 (In Russian).
5. Dotkulova, Z. O. (2019) Sopostavitel'nyj analiz zhanrov nauchnoj monografii i statej (na materiale monografij i statej po farmatsii) [Comparative analysis of monograph and article genres (on the material of monographs and articles about pharmacy)]. *Aktual'nye voprosy nauki* [Actual issues of science. Proceedings of the 48th International Scientific Conference]. Moscow. Pp. 27–41. (In Russian).

6. Zhrebilo, T. V. (2011) *Terminy i ponyatiya lingvistiki: Obshchee yazykoznanie. Sociolingvistika: Slovar'-spravochnik* [Terms and concepts of linguistics: General linguistics. Sociolinguistics: Dictionary and reference-book]. Nazran': Pilgrim Publ. (In Russian).

7. Zaharov, V. P., Bogdanova, S. Yu. (2013) *Korpusnaya lingvistika* [Corpus linguistic]. St. Petersburg.: SPbGU Publ. (In Russian).

8. Karasik, V. I., Slyshkin, G. G. (2010) *Zashchita dissertatsii kak zhanr nauchnogo diskursa* [The defense of the scientific discourse genre]. *Yazyk. Tekst. Diskurs – Language. Text. Discourse*. No. 8. Pp. 338–350. (In Russian).

9. Lukina, N. V. (2009) *Problema vydeleniya metateksta v hudozhestvennom tekste* [The problem of detaching metatext in artistic text]. *Vestnik RUDN. Seriya Russkij i inostrannye yazyki i metodika ih prepodavaniya – RUDN Journal of Russian and foreign languages and their teaching method*. No. 3. Pp. 35–41. (In Russian).

10. Lyapon, M. V. (1986) *Smyslovaya struktura slozhnogo predlozheniya i tekst* [Notional structure of complex sentence and text]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

11. Mamontova, V. V. (2010) *Korpusnaya lingvistika v sovremennoj yazykovedcheskoj paradigme* [Corpus linguistics in modern linguistic paradigm]. *Aktual'nye voprosy sovremennoj nauki – Topical issues of modern science*. Issue 12. Pp. 230–238.

12. Gorkin, A. P. (2003) (ed.) *Monografiya* [Monograph]. *Novaya illyustrirovannaya enciklopediya* [New Illustrated Encyclopedia]. Moscow: Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya Publ. Vol. 12. Mo-No. (In Russian).

13. Perfir'eva, N. P. (2006) *Metatekst v aspekte tekstovyh kategorij* [Metatext in the text categories aspect]. Novosibirsk. (In Russian).

14. Pikuleva, E. A., Spirova, T. A. (2014) *Ponyatie i struktura magisterskoj dissertatsii* [Concept and structure of the master thesis]. *Vestnik PNIPU. Problemy yazykoznanija i pedagogiki – PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*. No. 10. Pp. 145–155. (In Russian).

15. Sabanchieva, A. K. (2017) *Osobennosti funkcionirovaniya terminov sfery astronomii v zhanre nauchnoj monografii*. [Function traits of terms in astronomy sphere in the monograph genre]. *Eksperimental'nye i teoreticheskie issledovaniya v sovremennoj nauke* [Experimental and theoretical research in modern science. Proceedings of the III International Scientific Conference]. Moscow. Pp. 82–87. (In Russian).

16. Troyanskaya, E. S. (1989) *Obuchenie chteniyu nauchnoj literatury* [Teaching of reading scientific literature]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

17. Chan, T. N. (2015) *Zhanr nauchno-tekhnicheskoj monografii na russkom i anglijskom yazykah (na materiale tekstov po geologii)* [Scientific and technical monograph genre in Russian and English (on the material of geology texts)]. *Kommunikativnye aspekty yazyka i kul'tury* [Communicative aspects of language and culture. Proceedings of the XV International Scientific Conference]. Tomsk. Pp. 144–146. (In Russian).

18. Shajmiev, V. A. (2016) *Metadiskursivnye predikaty nauchnogo teksta: komponenty soderzhaniya* [Metadiscursive predicates of scientific text: component contents]. *Problemy sovremennoj filologii i aspekty prepodavaniya gumanitarnyh disciplin v tekhnicheskom vuze* [Modern philology issues and the aspects of teaching humanitarian sciences at technical university. Proceedings of the IV International Scientific Conference]. Ufa. Pp. 221–225. (In Russian).

19. Yagenich, L. V. (2021) *Strukturno-soderzhatel'naya karakteristika dissertatsii kak zhanra pis'mennogo nauchnogo medicinskogo teksta (na materiale anglijskogo yazyka)* [Structure and content characteristics of the dissertation as a genre of written scientific medical text in English]. *Vestnik TvGU Serija: Philologija – Bulletin of the Tver State University. Series: Philology*. No. 4 (71). Pp. 120–128. DOI: 10.26456/vtphilol/2021.4.120 (In Russian).

20. Yarygina, Z. A. (2014) *Sposoby i sredstva reprezentatsii metastruktury sovremenno uchebnogo teksta* [Methods and means of metastructure representation in modern educational text]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie – Bulletin of Volgograd State University. Linguistics*. No. 1 (20). Pp. 26–33. (In Russian).

21. Joseph, L. (2018) *Learning Robotics using Python. Design, simulate, program, and prototype an autonomous mobile robot using ROS, OpenCV, PCL, and Python*. Birmingham-Mumbai.

22. Lynch, K. M., Park, F. C. (2017) Modern Robotics. Mechanics, Planning and Control. Cambridge: Cambridge University Press.

23. YoonSeok, P., HanCheol, Ch., Ruywoon J., TaeHoon, L. (2017) ROS Robot Programming. Seoul.

дата получения: 20.06.2023 г.
дата принятия: 15.07.2023 г.
дата публикации: 30.09.2023 г.

date of receiving: 20 June 2023
date of acceptance: 15 July 2023
date of publication: 30 September 2023

В. В. Королева, М. С. Румянцева

Структурно-семантические особенности глагольно-объектных конструкций в английском языке (на примере словосочетаний с лексемой *market*)

В статье раскрывается лингвистическая сущность «объекта» и рассматриваются некоторые типы глагольно-объектных словосочетаний, относящихся к концепту «market». С целью описания структурно-семантических особенностей фразовых единиц рассматриваемого концепта из публицистических текстов журнала «The Economist» за 2023 г. были отобраны примеры словосочетаний, образованных согласно моделям V + N, V + Prep + N, V + N +Prep + N с ядерной лексемой *market*. Актуальность работы обусловлена необходимостью оценки свойств английского глагола и анализа характерных черт глагольных словосочетаний в семантическом и синтаксическом плане. Проводится изучение последовательности присоединения компонентов фразы к стержневому компоненту-глаголу, дается характеристика семантических отношений элементов словосочетания. В ходе работы использовались методы концептуального, контекстного, семантического и логического анализов. Результаты работы показали, что синтаксические конструкции объектно-постпозитивной и объектно-предложной группы в исследуемых текстах являются наиболее частотными. Зависимым элементом в каждом словосочетании является лексема *market*, в то время как глагольная лексема передает фазы развития рынка и его пространственную отнесенность. Рассмотренные фразовые единицы выборки составляют слоты *market mechanism* 'рыночный механизм' и *state of market* 'состояние рынка' в рамках концепта *market*.

Ключевые слова: семантика, лексема, глагольно-объектные конструкции, предложный объект, беспредложный объект, фазовые глаголы, валентность.

Для цитирования: Королева В. В., Румянцева М. С. Структурно-семантические особенности глагольно-объектных конструкций в английском языке (на примере словосочетаний с лексемой *market*) // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 3. – С. 204–214. DOI: 10.35231/25419803_2023_3_204. EDN: NEYBZX

В английском языке существуют различные модели построения словосочетаний и предложений. Для удобства анализа конкретной фразы учеными принято различать ключевые и второстепенные элементы высказывания. Глаголу отводится особое место в предложении, так как в формальном аспекте данная часть речи, выступая в роли сказуемого, определяет форму зависимого элемента (напри-

мер, предлога или существительного), который необходимо добавить слева или справа от него. В содержательном плане глагол намечает траекторию «осуществляемого действия», выражает значение «движения» объекта или субъекта.

Вербоцентрическая концепция предложения, в рамках которой разрабатывались идеи о возможности сочетания глагольных лексем со словами разных частей речи, дала толчок развитию теории о валентности глагола. Изучение объектных структур освещается в работах Ю. Д. Апресяна [1], В. Д. Калиущенко, А. С. Шагиной [8], Е. В. Падучевой [11]. В исследованиях Ю. Д. Апресяна, И. Б. Долининой и В. П. Москвина рассматриваются семантические свойства глагола в составе, в том числе, объектных синтаксических конструкций. Разнообразные синтаксические способы выражения объекта в рамках концепта *market* изучаются некоторыми российскими учеными: Г. А. Заварзиной [6], Л. П. Науменко [10], А. О. Столяровой [13], В. Д. Черняк и Е. В. Парышевой [14].

Системное описание глагольных предикатов представляет большую сложность ввиду многозначности английского глагола, вероятности обнаружения большого количества синтаксических конструкций и отсутствия четко разработанной системы их классифицирования. Описание языка требует создания классификаций структурных компонентов глагольно-объектных словосочетаний [2], а также их семантических критериев [7; 9–10].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного описания лексико-грамматического аспекта глагольно-объектных конструкций, репрезентирующих концепт *market* в публицистических текстах. Предполагается, что выявление особенностей грамматической формы словосочетаний и их внутреннего наполнения позволит составить наиболее полную классификацию контекстов, составляющих исследуемое в данной работе ментальное знание. В связи с этим целью исследования является изучение роли различных частей речи (глагол, существительное, предлог) в процессе передачи семантического содержания когнитивного знания, что является необходимым для формирования полного представления о структуре меняющегося концепта *market* в английском языке.

Материалы и методы

Для описания композиционных и семантических особенностей глагольно-объектных конструкций, выражающих концепт «market» в английском языке, было отобрано 45 контекстов из журнала «The Economist» за 2023 г. (28 января – 3 февраля, 11–17 февраля, 4–10 марта). Выделенные сочетания лексем были классифицированы согласно трем типам синтаксических конструкций: V + N, V + Prep + N, V + N +Prep + N, где N – существительное, V – глагол, Prep – предлог.

В процессе исследования семантического наполнения глагольно-объектных словосочетаний использовались методы концептуального, контекстного и логического анализов. Сбор данных производился посредством метода сплошной выборки и контент-анализа.

Результаты

В лингвистике при толковании понятия «объект» ученые делают отсылку к термину «дополнение» или «внешнее дополнение» [3, с. 136], отмечается второстепенная роль данного члена предложения, а также способ его выражения посредством существительного в косвенном падеже. По степени отдаленности от глагола различают беспредложное (прямое) и предложное дополнения. Наряду с объектом в языке выделяется еще два второстепенных синтаксических элемента: обстоятельственный и определительный (атрибутивный), однако, в отличие от них, объектные дополнения, по мнению И. В. Ивановой, В. В. Бурлаковой, Г. Г. Почепцова, описаны в языке наиболее подробно [7, с. 124]. Ключевым аспектом при анализе объектных конструкций является этап характеристики глагола как главного смыслообразующего элемента структуры сочетания. Е. В. Падучева также выделяет несколько тематических классов глаголов: фазовые глаголы, глаголы восприятия, глаголы знания, глаголы принятия решения, глаголы речевого действия, глаголы движения, глаголы звука, бытийные глаголы [12]. По мнению Н. Н. Болдырева, вариативность присоединяемого субъекта или объекта пространственных, временных или качественных рамок события обусловлены внутренним семантическим наполнением глагола [5, с. 77]. Таким образом, семантика

глагола каждого типа моделирует объемное пространство высказывания в целом, так как существует возможность интерпретации конкретного языкового явления посредством обязательных и факультативных валентностей.

Обращаясь к тематике фразовых единиц, рассматриваемых в рамках данной работы, следует опираться на классификацию отобранных словосочетаний, составленную Л. П. Науменко [10]: 1) *subjects of market* 'субъекты рынка', включающий в себя в первую очередь лексемы *seller* 'продавец', *buyer* 'покупатель'; 2) *object of exchange* 'предмет обмена', представленный лексемами *goods* 'товары', в том числе *articles* 'предметы торговли', *commodities* 'предметы потребления', *merchandise* 'сопутствующие товары', *products* 'продукция', *wares* 'изделия'; в данную группу также следует отнести родовые названия товаров; 3) *market mechanism* 'рыночный механизм', выраженный словосочетаниями с лексемами *supply* 'предложение', *demand* 'спрос'; 4) *market structure* 'структура рынка'; 5) *state of market* 'состояние рынка'.

Таким образом, отобранные синтаксические конструкции, зависимым компонентом в которых выступает лексическая единица *market*, относятся к двум типам словосочетаний согласно классификации В. Д. Аракина: II тип объектно-постпозитивный с примыканием, IV тип объектно-предложный с примыканием [2, с. 153]. Рассмотрим типы семантических ситуаций в каждой из категорий словосочетаний.

1. II тип объектно-постпозитивный с примыканием

Словосочетания, образованные согласно модели словосочетания V + N, следует отнести к подтипу с объектной валентностью, так как зависимый элемент фразы связан со стержневым по смыслу, без использования предлога [7, с. 126]. Отобранные фразы в рамках данного подтипа можно систематизировать согласно некоторым семантическим критериям.

Критерий 1: наличие семы *appear* 'появиться' во внутреннем наполнении глагола (*to enter the market* 'появиться на рынке', *to hit the market* 'появиться на рынке', *to flood the market* 'наводнить рынок', *to capture the market* 'захватить рынок') является интегральным признаком для словосочетаний первой группы. Некоторые лексемы (*flood*, *hit*, *capture*), передающие первоначальную стадию функционирования

товаров в экономическом пространстве, содержат в своей семантической структуре как денотативный (*appear* ‘появиться’), так и экспрессивный компоненты значения. Например, эмфатичность фразы *to flood the market* достигается с помощью семы *in large numbers* ‘помногу’, *to hit the market* – сема *unexpectedness* ‘неожиданность’, *to capture the market* – сема *precedence to others* ‘преимущество перед другими’.

Таким образом, основным типом переосмысления фраз является метафора и метонимия. Образ рынка как неодушевленной силы, контролирующей процесс сбыта продукции, является примером метафорического переосмысления, в то время как рыночное пространство как совокупность всех его субъектов отражает метонимичную сущность данного экономического института [15, с. 55; 16, с. 1226]. Следует отметить, что в словаре «Online Oxford Collocation Dictionary» приводятся объективные конструкции типа V + N и V + Prep + N, относящиеся к семантической категории со внутренним компонентом *appear: put sth on the market, come on/onto*¹. В выборке также присутствуют лексемы, которые отражают процесс завершения реализации товара в рыночном пространстве: *leave the market* ‘покинуть рынок’. Главным компонентом вышеприведенных словосочетаний является, согласно классификации Е. В. Падучевой, фазовый глагол.

Критерий 2: осуществление конкурентной борьбы между участниками купли-продажи отражается в семе *competition* ‘конкуренция/соревнование’ (*to beat the market* ‘победить рынок’, *to track the market* ‘отслеживать ситуацию на рынке’, *to manoeuvre the luxury goods market* ‘производить манипуляции на рынке товаров роскоши’). Движение разных видов товаров на рынке порождает столкновения интересов конкурентов, следовательно, субъекты рынка вынуждены наблюдать (*track*) за актуальными изменениями и предпринимать конкретные шаги (*manoeuvre*). Следует обратить внимание на лексемы *beat – hit* в сочетании с ключевым понятием *market*, так как в данном случае слова, будучи синонимами в их первых значениях, отражают противоположные явления маркетинга. Для более полного осмысления поля использования

¹ Market // Online Oxford Collocation Dictionary. Available at: <https://www.freecollocation.com/search?word=market> (accessed 28 April 2023).

данных лексем приведем другие примеры контекстов: ... *a better product will by itself lead people to beat a path to their door* '... лучший продукт сам побудит людей проторить дорогу к их двери [менеджеры]', *to beat the competitors/opponents* 'побеждать конкурентов/оппонентов' [17, с. 34, 78, 141]. Как можно заметить из вышеприведенных примеров, лексема *beat* образует как объектно-постпозитивные (с объектной валентностью), так и объектно-предложные (с предложной связью) синтаксические конструкции. Однако семантическое наполнение лексемы меняется в зависимости от типа словосочетания: в случае *to beat a path to the door* денотативным компонентом значения – сема *reach*, *to beat the competitors/opponents*.

К данной группе словосочетаний, объединенных согласно критерию *competition*, можно отнести конструкции: *to monopolize the market* 'монополизировать рынок', *to supply the market* 'снабжать рынок'¹. В пособии «A Framework For Marketing Management» автор пособия Philip Kotler применяет обе представленные выше фразовые единицы, раскрывая явление «эксклюзивной дистрибуции» [17, р. 228]. В условиях эксклюзивной дистрибуции только определенным торговым точкам разрешается поставлять продукцию на рынок (*to supply the market*), при этом поставщики заключают соглашение об «эксклюзивном сотрудничестве», действующем до тех пор, пока оно остается добровольным и не ослабляет конкуренцию или не ведет к созданию монополии (*to monopolize the market*).

В сочетаниях лексем *dominate the market (for online advertising/agriculture)* 'доминировать на рынке', *retain the market share* 'сохранить долю рынка' так же, как и в словосочетаниях, объединенных первым критерием, ключевым компонентом является фазовый глагол.

Критерий 3: урегулирование внутренних колебаний рынка подразумевает использование мер по поддержанию стабильности (*to support the job market* 'поддерживать рынок труда') по стимулированию деятельности (*to encourage market growth* 'содействовать росту рынка', *to revive the property market* 'оживить рынок недвижимости', *boost the market* 'стимулировать рынок'), по ограничению рыночной активности

¹ Market // Online Oxford Collocation Dictionary. Available at: <https://www.freecollocation.com/search?word=market> (accessed 28 April 2023).

(to make the market less 'уменьшить/сократить рынок', to relieve the market pressure 'снизить напряжение на рынке').

В словаре «Online Oxford Collocation Dictionary» присутствует ряд глаголов, которые отражают процесс поддержания торгового баланса в международной и национальной торговле путем сокращения рынка: lose depress¹.

Критерий 4: расширение сферы влияния отражается в наличии в значении слова семы addition 'дополнение/добавление' (to expand the market 'расширять рынок', to prefer a certain market 'отдавать предпочтение конкретному рынку', to adopt the market share 'принимать конкретный сектор рынка', to increase the market share 'увеличить долю рынка'). Тема увеличения доли рынка в текстах печатного издания напрямую связана с брэндингом (branding), процесс осуществления которого необходимо осуществлять с учетом уже существующего рынка товаров. В случае, когда рынок расширяется посредством товаров сходного качества, этот процесс не должен накладываться (overlap) на уже имеющиеся на рынке товары [17, p. 158].

2. IV тип объектно-предложный с примыканием представлен словосочетаниями, в которых составные элементы связаны посредством предлога. Как отмечают И. П. Иванова, В. В. Бурлакова, Г. Г. Почепцов, в качестве зависимых частиц могут выступать как простые, так и сложные «объектные элементы» [7, с. 126].

Именной подтип (V + Prep + N). To happen to the market 'случиться с рынком', to rent it on market terms 'взять в аренду на рыночных правах', to release on the market 'выпустить на рынок', to come to market 'выйти на рынок', to get to market 'выйти на рынок'. Следует заметить, что во всех приведенных словосочетаниях глагол передает начальную стадию реализации товара. В качестве звена, связующего главный и второстепенный компоненты фразы, выступают предлоги on, to. Фрагмент высказывания on market terms выражает образ осуществляемого действия, в то время как в других примерах предлог передает значение направления (to market). Некоторые словосочетания не позволяют полностью раскрыть семантику зависимой лексемы, так как отсутствуют

¹ Ibid.

условия актуализации дополнительных компонентов значения (например, в словосочетании *to happen to the market*), однако, в ряде фразовых единиц значение слова содержит концептуальный признак пространственной отнесенности, таким образом рынок определяется как физическое место реализации товаров и услуг (*to release on the market, to come to market, to get to market*)

Подтип с предложной связью (V + N +Prep + N). *To capture the market for a drug (to treat the chronic leukemia)* 'захватить рынок для реализации лекарства', *to provide a ready market for Mexican made cars* 'предоставить готовый рынок для машин, собранных в Мексике', *to plunge the market into a crisis* 'повергнуть рынок в состояние кризиса', *to target companies with market capitalisation* 'охватывать компании с рыночной капитализацией'. Данная категория является самой малочисленной, однако дает представление об использовании предлогов *for, into, with* для передачи цели или сферы осуществления действия. Говоря о специфике глаголов в рамках выборки, можно утверждать, что подавляющее большинство лексем содержат коннотативный элемент экспрессивности (например, слова *capture, plunge, target*) [4].

Обсуждение и выводы

Таким образом, в заключении работы необходимо подчеркнуть, что лексема *market* присутствует в структуре объектно-постпозитивных и объектно-предложных словосочетаний в публицистических текстах журнала «The Economist». Анализ контекстов позволил сделать вывод о том, что большинство отобранных словосочетаний содержат фазовый глагол как главный компонент конструкции. Ввиду наличия в семантике отобранных фрагментов высказываний компонентов значения, описывающих стадии развития рынка и его пространственную отнесенность, было выделено несколько подгрупп словосочетаний со следующими семами: *appearance* (формирование рынка), *competition* (усиление конкуренции), *addition, support* (расширение рынка). Было установлено, что объектно-постпозитивные и объектно-предложные словосочетания с зависимым компонентом – лексемой *market* – имеют четкий порядок следования элементов.

При соотнесении исследуемых фразовых единиц с различными областями концепта *market*, выделенными Л. Н. Науменко [10], замечено, что рассмотренные нами словосочетания заполняют такие слоты изучаемого в данной работе ментального знания, как *market mechanism* 'рыночный механизм', *market structure* 'структура рынка' и *state of market* 'состояние рынка'.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М.: Наука, 1974. – 367 с.
2. Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков. – 3-е изд. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2005. – 232 с.
3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов: [Около 7000 терминов]. – М.: Сов. энциклопедия, 1966. – 607 с.
4. Болдырев Н. Н. Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 33. – С. 11–16.
5. Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. 2-е издание. – М.: Издательский дом ЯСК, 2019. – 480 с.
6. Заварзина Г. А. Особенности функционирования концепта «рынок» в сфере российского государственного управления начала XXI века // Политическая лингвистика. – 2011. – № 4. – С. 197–201.
7. Иванова И. П., Бурлакова В. В., Почепцов Г. Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1981. – 285 с.
8. Калиущенко, В. Д., Шагина А. С. Объектные конструкции и их семантические типы в английском языке // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». – 2016. – № 4. – С. 279–294.
9. Кобрина Н. А., Корнеева Е. А., Оссовская М. И., Гузеева К. А. Грамматика английского языка. Морфология. Синтаксис. – СПб.: Союз, 1999. – 496 с.
10. Науменко Л. П. Субординационный концепт «market» у современном англоговному бизнес-дискурсі // Наукові студії – XXI. Філософія. Філологія. Педагогіка. Економіка. – 2014. – Т. 6, № 4. – С. 95–108.
11. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
12. Плоткин В. Я. Строй английского языка. – М.: Высшая школа, 1989. – 239 с.
13. Столярова А. О. Ключевые концепты англоязычного бизнес-дискурса // Когнитивные исследования языка. – 2020. – № 2. – С. 473–477.
14. Черняк В. Д., Парышева Е. В. Рынок и базар в зеркале антропоцентрически ориентированных словарей // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2020. – № 198. – С. 161–170.
15. Croft W., Cruse D. A. Cognitive Linguistics. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 356 p.
16. Dirven R., Polzenhagen F., Wolf H. G. Cognitive Linguistics, Ideology, and Critical Discourse Analysis // The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics. – N.Y.: Oxford University Press, 2007. – Pp. 1222–1240.
17. Kotler Ph., Keller K. L. A Framework for Marketing Management. 6th ed. Global ed. – Edinburgh Gate, Harlow: Pearson Education Limited, 2016. – 363 p.

Vera V. Koroleva, Marina S. Rumyantseva

Structural and Semantic Features of Verb-object Constructions in English (on the Example of Phrases with the Lexeme *market*)

The article reveals the linguistic essence of the 'object' and examines some types of verb-object phrases related to the concept of 'market'. In order to describe the structural and semantic features of the phrasal units of the concept under consideration, examples of phrases with the nuclear token 'market' formed according to the V + N, V + Prep + N, V + N +Prep + N models were selected from the journalistic texts of *The Economist*. The relevance of the work is due to the need to evaluate the properties of the English verb and analyze the characteristic features of verbal phrases in semantic and syntactic terms. The study of the sequence of attachment of the components of the phrase to the core component – the verb, the characteristic of the semantic relations of the elements of the phrase is given. The basis of the study was the articles of the journal *The Economist* for 2023. The methods of conceptual, contextual, semantic and logical analyses were used in the course of the work. The results of the work showed that the syntactic constructions of the object-postpositive and object-prepositional groups in the studied texts are the most frequent. The dependent element in each phrase is the lexeme 'market', while the verbal lexeme conveys the phases of market development and its spatial relationship. The considered phrasal sampling units comprise the slots 'market mechanism' and 'market state' within the framework of the market concept.

Key words: semantics, lexeme, verb-object constructions, prepositional object, non-prepositional object, phase verbs, valence.

For citation: Koroleva, V. V., Rumyantseva, M. S. (2023) Strukturno-semanticheskiye osobennosti glagol'no-ob'yektnykh konstruktsey v angliyskom yazyke (na primere slovosochetaniy s leksemoy *market*) [Structural and Semantic Features of Verb-object Constructions in English (on the Example of Phrases with the Lexeme *market*)]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 204–214. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2023_3_204. EDN: NEYBZZ

References

1. Apresyan, YU. D. (1974) *Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskiye sredstva yazyka* [Lexical semantics. Synonymous means of language]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
2. Arakin, V. D. (2005) *Sravnitel'naya tipologiya angliyskogo i russkogo yazykov* [Comparative typology of English and Russian languages]. Moscow: FIZMATLIT Publ. Russian).
3. Akhmanova, O. S. (1966) *Slovar' lingvisticheskikh terminov: Okolo 7000 terminov* [Dictionary of Linguistic terms: About 7000 terms]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russian).
4. Boldyrev, N. N. (2011) Interpretiruyushchaya funktsiya yazyka [The interpretive function of language]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*. No. 33. Pp. 11–16. (In Russian).
5. Boldyrev, N. N. (2019) *Yazyk i sistema znaniy. Kognitivnaya teoriya yazyka* [Language and knowledge system. Cognitive theory of language]. Moscow: Izdatel'skiy dom. (In Russian).
6. Zavarzina, G. A. (2011) Osobennosti funktsionirovaniya kontsepta «rynok» v sfere rossiyskogo gosudarstvennogo upravleniya nachala XXI veka [Features of the functioning of the concept "market" in the sphere of Russian public administration of the beginning of the XXI century]. *Politicheskaya lingvistika – Political linguistics*. No. 4. Pp. 197–201. (In Russian).

7. Ivanova, I. P., Burlakova, V. V., Pocheptsov, G. G. (1981) *Teoreticheskaya grammatika sovremennogo angliyskogo yazyka* [Theoretical grammar of modern English]. Moscow: Vysshaya shkola Publ. (In Russian).

8. Kaliushchenko, V. D., Shagina, A. S. (2016) Ob'yektnyye konstruksii i ikh semanticheskiye tipy v angliyskom yazyke [Object constructions and their semantic types in the English language]. *Elektronnyy setevoy politematicheskiy zhurnal «Nauchnyye trudy KubGTU» – Electronic network polythematic journal "Scientific works of KubSTU"*. No. 4. Pp. 279–294. (In Russian).

9. Kobrina, N. A., Korneyeva, E. A., Ossovskaya, M. I., Guzeyeva, K. A. (1999) *Grammatika angliyskogo yazyka. Morfologiya. Sintaksis* [Grammar of the English language. Morphology. Syntax]. St. Peterburg: Soyuz Publ. (In Russian).

10. Naumenko, L. P. (2014) Subordinatsiyiny kontsept «market» u suchasnomu anglomovnomu biznes-diskursi [Subordination concept of "market" in the suchas Anglomov business discourse]. *Naukovi studii – XXI. Filosofiya. Filologiya. Pedagogika. Yekonomika – Scientific Studios – XXI. Philosophy. Philology. Pedagogy. Economy*. Vol. 6. No. 4. Pp. 95–108. (In Russian).

11. Paducheva, E. V. (2004) *Dinamicheskiye modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in the semantics of vocabulary]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ. (In Russian).

12. Plotkin, V. YA. (1989) *Stroy angliyskogo yazyka* [The structure of the English language]. Moscow: Vysshaya shkola Publ. (In Russian).

13. Stolyarova, A. O. (2020) Klyuchevyye kontsepty angloyazychnogo biznes-diskursa [Key concepts of English-language business discourse]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka – Cognitive language studies*. No. 2. Pp. 473–477. (In Russian).

14. Chernyak, V. D., Parysheva, E. V. (2020) Rynok i bazar v zerkale antropotsentricheskii oriyentirovannykh slovarey [Market and bazaar in the mirror of anthropocentrically oriented dictionaries]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena – Proceedings of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University*. No. 198. Pp. 161–170. (In Russian).

15. Croft, W., Cruse, D. A. (2005) *Cognitive Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press.

16. Dirven, R., Polzenhagen, F., Wolf, H. G. (2007) *Cognitive Linguistics, Ideology, and Critical Discourse Analysis // The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics*. N.Y.: Oxford University Press. Pp. 1222–1240.

17. Kotler, Ph., Keller, K. L. (2016) *A Framework for Marketing Management*. 6th ed. Global ed. Edinburgh Gate, Harlow: Pearson Education Limited.

Личный вклад соавторов
Personal co-authors contribution
50/50 %

дата получения: 30.05.2023 г.
дата принятия: 20.06.2023 г.
дата публикации: 30.09.2023 г.

date of receiving: 30 May 2023
date of acceptance: 20 June 2023
date of publication: 30 September 2023

С. А. Никифорова

Языковые особенности баллады Фридриха Шиллера «Der Taucher»

В статье рассматриваются языковые особенности баллады Ф. Шиллера «Der Taucher». Главными особенностями баллады являются ослабление лирического единства, отказ от структуры драмы и преобладание черт эпического произведения. Как в эпическом произведении в балладе четко прослеживается сюжетная линия, описывается несколько событий, происходящих в одном временном отрезке. В событиях участвует несколько персонажей, как главных, так и второстепенных. Эпический характер баллады находит отражение в структуре текста, в котором употребляются языковые средства, типичные для прозаических произведений. К ним относятся: разнообразие временных форм, повторная номинация с экспрессивно-оценочной окраской, множественная кореференция, полипропозиционные структуры в виде причастий настоящего и прошедшего времени, которые усиливают информационную насыщенность текста, а также инфинитивные обороты. Балладе присущи такие языковые особенности, как использование приставок и полуприставок с пространственным значением для точной передачи пространственных ориентиров, тема-рематическое членение текстовых отрезков и т. д. Языковые средства расширяют текстовое пространство баллады, этически описывающей историю ныряльщика.

Ключевые слова: Фридрих Шиллер, баллада, лирика, эпос, кореференция, номинация, полипропозиционная структура.

Для цитирования: Никифорова С. А. Языковые особенности баллады Фридриха Шиллера «Der Taucher» // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 3. – С. 215–225. DOI: 10.35231/25419803_2023_3_215. EDN: LBTMPJ

Баллада считается литературным жанром, которому свойственны черты лирики, эпоса и драмы [4; 7]. По мнению А. Баумгэртнера, эпический характер баллады формируется благодаря завершенности сюжета и присутствию рассказчика в тексте, на ее драматическое начало указывают диалог и нарастающее напряжение в повествовании, лирическая составляющая связана со способностью создавать настроение [6, s. 12]. Однако ученые продолжают спорить о том, что в балладе первостепенно. В то время как некоторые из них на первый план выносят лирическое начало

баллады [6], другие рассматривают ее как эпический жанр [9, s. 15]. Х. Лауфхютте относит балладу к эпико-фиктивной литературе и выделяет разные виды балладного нарратива: суггестивно-непосредственный с рассказчиком-участником событий и дистанцированный с аукториальным рассказчиком [9]. Р. Шнайдер полагает, что баллада возникла из эпико-драматической песни благодаря добавлению лирической мелодии и стала поэтическим жанром, который в сжатой стихотворной форме изображает напряженный односложный ход событий, при этом лирический, эпический и драматический компоненты в тесной взаимосвязи создают совершенство гармонии¹. (Подробнее анализ немецких источников о характере жанра немецкой литературной баллады см. в диссертациях²).

В данной статье предпринята попытка показать особенность этого жанра на примере баллады Ф. Шиллера «Der Taucher» [10]. Стоит отметить, что она неоднократно становилась предметом исследования как зарубежных, так и отечественных литературоведов, которые, прежде всего, занимались проблемами ее интерпретации (см., например: [2–5; 11]). При этом в разные времена баллада Ф. Шиллера интерпретировалась по-разному. «Если в XIX в. в Германии большинство литературоведов придерживается мнения, в основе которого лежит религиозная убежденность, что событиями и человеком в балладе "Der Taucher" управляют высшие силы, а трагичная судьба становится следствием кошунственного преступления допустимого предела, то в XX в. ситуация коренным образом меняется – король в балладе становится олицетворением произвола и деспотизма. В России тема моральной ответственности соотносится в интерпретациях русских исследователей только с поведением ныряльщика, однако в характеристике русских интерпретаторов он предстает перед нами как личность высоконравственная, вызывающая нашу симпатию, поскольку причина, по которой юноша повторно ищет судьбу и богов, – «это любовь к дочери короля»³.

¹ Schneider R. Theorie der Ballade: Diss. Bonn, 1950. S. 181.

² Потемкина М. С. Проблемы жанра и поэтика баллады И. В. Гете: дис. ...канд. филол. наук. Калининград, 2001. 260 с.; Питривная Е. К. Немецкая романтическая литературная баллада, I половина XIX века: К. Брентано, Э. Мерице: дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 1999. 207 с.; Худорожкова О. В. Рецептивная история баллад Ф. Шиллера «Der Taucher» («Ныряльщик») и «Der Handschuh» («Перчатка») в русской и немецкой словесности XIX–XXI веков: дис. ...канд. филол. наук. Томск, 2009. 279 с.

³ Худорожкова О. В. Рецептивная история баллад Ф. Шиллера «Der Taucher» («Ныряльщик») и «Der Handschuh» («Перчатка») в русской и немецкой словесности XIX–XXI веков: дис. ...канд. филол. наук. Томск, 2009. С. 7.

Материалы и методы

Настоящая статья нацелена не на литературоведческий анализ баллады «Der Taucher», а на рассмотрение языковых явлений, которые обнаруживают себя в тексте. Как известно, жанр влияет на выбор и сочетание лексико-грамматических средств, используемых в произведении. Особенностью баллады Ф. Шиллера является то, что в ней обнаруживаются черты разных литературных жанров. Ее эпическая составляющая имеет четкую структуру, в которую входят такие компоненты, как аукториальный рассказчик; персонажи (король, его дочь, рыцари, оруженосцы, придворные); место действия, которым является пропасть с бурлящей водой; отрезок времени, в котором событие представлено в его кульминации; событие: прыжок оруженосца в пропасть за кубком короля; конец: смерть оруженосца после повторного прыжка в пропасть.

Драматическая часть баллады представлена диалогами между королем и оруженосцем, королем и дочерью, обращениями короля к рыцарям и разговорами придворных между собой. Событие описывается в его кульминационный момент. Однако, как отмечает Р. Вебер, Ф. Шиллер нарушает структуру драмы, которая должна включать такие компоненты, как экспозиция или вступительная часть (Exposition), нарастающее действие (steigende Handlung), кульминация (Höhepunkt), убывающее действие (fallende Handlung) и заключительная часть/мораль (Schluss/Moral) [11, s. 208]. Кульминационный момент в балладе «Der Taucher» переносится в конец произведения, в результате этого его заключительная часть становится более тяжеловесной. Хотя, с другой стороны, именно это делает мораль баллады более выраженной.

Лирическое начало в балладе «Der Taucher» обнаруживается в стремлении создать настроение, а ее метрической формой является строфа, т. е. лирическая форма. Однако Р. Вебер считает, что в балладе Ф. Шиллера нет лирического единства, в ней преобладают признаки эпического произведения. Ученый определяет ее как рассказ в лирической форме. В этом рассказе есть сюжет, но он представляет собой не ряд событий, а единичное событие, ограниченное в пространственном плане [11; s. 207–208].

Результаты

Тяготение к эпическому началу способствует актуализации в балладе «Der Taucher» языковых единиц, характерных для этого эпического жанра. Рассмотрим языковые особенности баллады, благодаря которым создается ее эпичность. К ним можно отнести следующие явления:

1). Тема-рематическое членение предложений

В балладе «Der Taucher» Ф. Шиллер нередко выносит рему в начало предложения, и это нарушает традиционный способ представления информации, заключающийся в переходе от известного к новому. Благодаря этому происходит смещение логического ударения и сокращение цепочки информационного развертывания текста: «Einen goldnen Becher werf ich hinab... Verschlungen schon hat ihn der schwarze Mund» (цитаты здесь и далее приводятся по изданию: [10]). Инвертированный порядок слов также способствует созданию высокого стиля баллады.

2). Препозитивное положение определений в родительном падеже: «mit des fernen Donners Getöse», «aus der Knappen zaghendem Chor», «des Herzens Gelüsten, in des Schreckens Wahn», «zu des Königs Füßen», «Sturmes Sausen», «des Doppelstroms wütende Macht», «des Hammers greuliche Ungestalt», «der Koralle umklammerten Zweig», «auf dem Meeres tiefunterstem Grunde». В балладе Ф. Шиллера 86 % определений в родительном падеже стоят в препозиции. В отличие от предложных групп с определением в постпозиции («unter dem Schall der menschlichen Rede», «bei den Ungeheuern der traurigen Öde»), структуры с препозитивными компонентами характеризуются большей «спаянностью» и подчеркивают высокий стиль произведения.

Ф. Шиллер часто употребляет определения в родительном падеже в сочетаниях с предлогами. В интонационном плане они образуют менее целостную группу, чем беспредложные сочетания, поскольку перед препозитивным определением необходимо выдержать небольшую паузу для того, чтобы облегчить восприятие структуры читателем или слушателем: «an des Felsen Hang». В этом случае акцент в предложной группе делается на атрибуте.

3). Причастие настоящего времени в роли определения: «Da stürzt' mir aus felsigem Schacht / Wildflutend entgegen

ein reißender Quell, / Mich packte des Doppelstroms wütende Macht, / Und wie einen Kreisel mit schwindelndem Drehen / Trieb mich's um, ich konnte nicht widerstehen».

В балладе «Der Taucher» причастие настоящего времени в роли определения употребляются гораздо чаще, чем имена прилагательные. Их предпочтение обусловлено грамматическими характеристиками, носителями которых они являются. Причастия, сохранившие глагольные значения, указывают на процессуальность, незавершенность и активность действия, происходящего одновременно с действием, обозначенным в сказуемом. Эти значения позволяют подчеркнуть динамичность происходящего и актуальность событий.

В 72 % случаев с помощью причастий настоящего времени описывается ужасающая картина, которая открывается перед персонажами, стоящими перед бушующей пропастью, например: «aus der strudelnden Wasserhöhle», «mit schwindelndem Drehen», «mit rasendem Toben, ein gähnender Spalt», «die brandenden Wogen», «in den strudelnden Trichter», «die heulende Tiefe», «aus dem alles verschlingenden Grab», «der dampfende Gischt», «aus dem finster flutenden Schoß», «ein reißender Quell», «wütende Macht, der donnernde Schall». Лишь в 28 % примеров причастие настоящего времени используется для описания персонажей, например: «ein glänzender Nacken», «die jubelnde Schar, die einzige fühlende Brust», «mit schmeichelndem Munde», «mit liebendem Blick».

Для сравнения стоит отметить, что причастие прошедшего времени, которое имеет грамматические значения предшествования и завершенности действия, в балладе «Der Taucher» употребляется лишь один раз: «... Laß ich los der Koralle umklammerten Zweig».

Причастие настоящего времени в балладе представлено также в роли обстоятельства образа действия: schauernd, brüllend, schäumend, reißend, wildflutend. Как в роли определения, так и в функции обстоятельства образа действия причастия употребляются для описания бушующей стихии. Водная пропасть предстает перед персонажами как наводящая ужас, рычащая, пенящаяся, рвущаяся и бурлящая бездна.

В балладе «Der Taucher» причастия выступают как способ образования вторичной предикации. Полипропозици-

ональные структуры позволяют автору на минимальном текстовом пространстве передать значительный объем информации. В содержательном плане расширение информационального горизонта делает повествование более насыщенным и выразительным.

4). Пространственные маркеры

Пространственные маркеры в балладе «Der Taucher» играют очень важную роль. Хотя действие происходит в одном месте, в балладе все динамично и подвижно. Но движение происходит не на горизонтальном пространственном отрезке, а на вертикальном: *hoch und nieder, rauschen herauf und nieder, bergetief, da unten, nach oben*. В балладе преобладают глаголы с приставками, имеющими пространственное значение. В 66 % случаев употребляются отделяемые глагольные приставки *hin-* и *her-*, указывающие на направленность движения от говорящего или к говорящему. При этом количество глаголов со значением направленности движения от говорящего составляет 85 % («und blickt in den Schlund *hinab*», «Und schwarz aus dem weißen Schaum Klafft *hinunter* ein gähnender Spalt...»), «Es riß mich *hinunter* blitzschnell...»), в то время как направленность движения к говорящему выражает лишь 15 % глаголов с отделяемой глагольной приставкой *her-* («da kroch's *heran*», «sie rauschen *herauf*»).

Пространственные маркеры, которые имплицитно указывают на пространственную перспективу говорящего, позволяют определить точку наблюдения и направление движения. В балладе «Der Taucher» обнаруживаются две точки наблюдения:

а) персонажи (король, его дочь, рыцари, оруженосцы и придворные): «Und schon hat ihn der Wirbel hinweggespült»;

б) оруженосец-ныряльщик: «Und schaudernd dacht ich's, da kroch's *heran*, / Regte hundert Gelenke zugleich».

Детализация пространственных маркеров делает балладу «Der Taucher» похожей на эпическое произведение, в котором расположение персонажей и их движение в пространстве имеют первостепенное значение.

5). Повторная номинация

Повторная номинация как способ обозначения уже упомянутого предмета, лица или явления выступает в каче-

стве одного из способов создания в тексте семантического единства. В балладе «Der Taucher» повторная номинация выполняет как денотативную, так и коннотативную функции. Для описания водной стихии употребляются не только слова с нейтральным значением (das Meer, die See, das Wasser), но и стилистически окрашенная лексика («die wilde Gewalt», «der Schlund», «der Wasserschlund», «die Tiefe», «der schwarze Mund», «das finstere Schoß», «der Trichter», «der felsige Schacht», «der Rachen», «der Höllenrachen», «der Strudel», «der Wirbel», «ein gähnender Spalt», «das alles verschlingende Grab», «die Wasserhöhle», «ein reißender Quell»).

Также результатом повторной номинации является прецедентное имя или имя-символ [1, с. 108]. В балладе «Der Taucher» подобным именем-символом является слово “Charybde” (от др.-греч. Χάρυβδις), которое в греческой мифологии обозначало бестелесное морское чудовище, втягивающее в себя воду вместе со своими жертвами и затем с шумом изрыгающее лишь воду. Коннотативное значение имени-символа в балладе усиливает эмоциональную составляющую, подчеркивает накал страстей и захватывает читателя, который испытывает страх перед стихией и сострадание к несчастному ныряльщику, вынужденному дважды броситься в пучину за золотым кубком короля.

Ярко выраженное лексико-семантическое поле со значением “Meer” (море) в балладе Ф. Шиллера контрастирует с лексической единицей “Becher” (кубок), которая на всем текстовом пространстве не подвергается повторной номинации. Автор не заменяет это слово ни синонимом, ни местоимением, поскольку кубок, несмотря на свою материальную ценность, для него не представляет интерес. Игнорирование кубка переносит внимание читателя на восприятие более высоких материй. Испытываемые участниками событий чувства и эмоции, возникающие при виде ужасающей бездны, выходят на первый план.

Ф. Шиллер в своей балладе применяет необычную форму повторной номинации: он заменяет конкретные слова, которыми можно было бы обозначить собравшихся у скалы людей, не личными местоимениями, а неопределенно-личным местоимением “man”. При этом подобная замена

происходит, прежде всего, с глаголом слухового восприятия “hören”: все без исключения, от короля до простых оруженосцев, слышат страшные звуки, издаваемые бурлящей водой («Und bebend hört *man* von Mund zu Mund...», «Und hohler und hohler hört *man's* heulen...», «Und heller und heller wie Sturms Sausen / Hört *man's* näher und immer näher brausen»). Страх стирает границы между чинами и титулами, объединяет людей у пропасти, превращает их в один живой организм, который воспринимает звуки, пробуждающие в нем первородный инстинкт – инстинкт самосохранения.

6). Временные формы

Основной временной формой в балладе «Der Taucher» является настоящее время, благодаря которому создается иллюзия актуальности происходящего. В то же время повествование ныряльщика ведется в форме прошедшего времени. Претерит является основной временной формой эпического произведения. Прошедшее время на фоне настоящего подчеркивает отдаленность событий от актуального момента. Ныряльщик рассказывает об увиденном и пережитом как о давно произошедшем событии: *Es riß mich hinunter blitzschnell, / Da stürzt' mir aus felsigem Schacht / Wildflutend entgegen ein reißender Quell, / Mich packte des Doppelstroms wütende Macht, / Und wie einen Kreisel mit schwindelndem Drehen / Trieb michs um, ich konnte nicht widerstehen*».

По своей форме рассказ ныряльщика является прямой речью, а по содержанию он представляет собой повествование в повествовании. Аукториальный рассказчик передает право повествования главному персонажу, и объективированное повествование превращается в субъективированное в форме первого лица.

7). Диалоги

Диалоги в балладе «Der Taucher» принято рассматривать как элементы драмы, хотя диалогические единства также являются неотъемлемой частью эпического произведения. Через прямую речь персонажей аукториальный рассказчик ведет свое повествование. Он ничем не выдает себя, кроме редких оценочных высказываний по поводу происходящего: «*Und wärfst du die Krone selber hinein / Und sprächst: Wer mir bringet die Kron, / Er soll sie tragen und König sein, / Mich*

gelüstete nicht nach dem teuren Lohn. / Was die heulende Tiefe
da unten verhehle, / Das erzählt keine lebende glückliche Seele».

Имплицитный рассказчик вмешивается в повествование, проявляет себя через оценочные суждения. Обращение рассказчика к королю в форме 2 лица единственного числа (*du*), а также дерзость самого высказывания указывают на то, что рассказчик не является одним из персонажей. Прямой участник событий не осмелился бы высказаться подобным образом в присутствии короля.

8). Композиция

С помощью различных языковых средств в балладе создается иллюзия волнообразного движения. К ним относятся:

а) приставки, указывающие на движение вверх и вниз: «*Sie rauschen herauf, sie rauschen nieder*»;

б) рекуррентия в виде полного повтора лексико-грамматической структуры: «*Und es wallet und siedet und brauset und zischt ...*» Волны с неудержимой силой накатывают на скалу, вызывая ужас у простых смертных, ставших свидетелями стихии. Повтор предложения является сигналом к началу новой волны событий, предвещающих движение бушующих волн, которые то забирают ныряльщика, то возвращают его обратно.

Обсуждение и выводы

Таким образом, балладу Ф. Шиллера «*Der Taucher*» можно назвать произведением, в котором ярко проявляется ее эпичность. Описание событий происходит в хронологическом порядке, прослеживается четкая сюжетная линия, и множество действующих лиц оказывается в центре событий. Полипропозициональные структуры усиливают информационную насыщенность текста. Повторная номинация расширяет текстовое пространство баллады, которая, имея стихотворную форму в виде строфы, наполнена содержанием эпического произведения, объемно описывающего историю ныряльщика.

Список литературы

1. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: ИТДГК – Гнозис, 2003. – 288 с.

2. Данилевский Р. Ю. Шиллер и становление русского романтизма // Ранние романтические веяния. Из истории международных связей русской литературы. – Л., 1972. – С. 89–92.

3. Лебедева О. Б. Творчество Ф. Шиллера в восприятии и переводах К. Н. Батюшкова // Венок поэту: Жизнь и творчество К. Н. Батюшкова. – Вологда, 1989. – С. 38–51.

4. Худорожкова О. В. Интерпретация баллад Ф. Шиллера «Der Taucher» («Нырляльщик») и «Der Handschuh» («Перчатка») русскими литературоведами XIX–XXI вв. // Вестник Томского университета. – 2007. – № 305. – С. 23–25.

5. Шербакова О. В. К вопросу о жанровом своеобразии баллад Ф. Шиллера «Der Taucher» («Нырляльщик») и «Der Handschuh» («Перчатка») в Германии и России // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 4 (34): в 3-х ч. – Ч. II. – С. 200–204.

6. Baumgärtner A. Ballade und Erzählgedicht im Unterricht. Ein Beitrag zur literarischen Erziehung. – München, 1972. – 116 s.

7. Goethe J. W. Ballade. Betrachtung und Auslegung. Goethe. Berliner Ausgabe. Bd. 17. Kunsttheoretische Schriften und Übersetzungen. – Berlin, Weimar: Siegfried Seidel, 1970. – 630 s.

8. Müller-Seidel W. Die deutsche Ballade. Umriss ihrer Geschichte. Wege zum Gedicht II. Interpretationen von Balladen. – München: Hirschenauer, Zürich, 1976. – 605 s.

9. Laufhütte H. Die deutsche Kunstballade. Grundlegung einer Gattungsgeschichte. – Heidelberg: Winter, 1979. – 416 s.

10. Schiller F. "Der Taucher" // Schiller F. Gedichte. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 2008. – S. 208–213.

11. Weber F. Das Verhältnis von äusserer und innerer Form in Goethes und Schillers Balladen // The Journal of English and Germanic Philology. – 1915. – Vol. 14, No. 2. – S. 204–211.

Svetlana A. Nikiforova

Linguistic Features of Friedrich Schiller's Ballad "Der Taucher"

The article discusses the linguistic features of Friedrich Schiller's ballad "Der Taucher". The main features of this ballad are the weakening of lyrical unity, refusing the structure of the drama and the predominance of the particularities of the epic. As in an epic work, the storyline is clearly traced in the ballad, several events taking place in one period of time are described. There are many characters involved in the events, both main and secondary. The epic character of the ballad is manifested in the structure of the text that comprises linguistic means typical of prose. These include a variety of time forms, repeat nomination with expressive and evaluative coloring, multiple co-reference, polypropositional structures in the form of present and past participles, as well as infinitive groups, the use of prefixes and semi-prefixes with spatial meaning for the accurate transmission of spatial landmarks, topic-comment relation between the text segments, etc.

Key words: Friedrich Schiller, ballad, lyric, epic, co-reference, nomination, polypropositional structure.

For citation: Nikiforova, S. A. (2023) Yazykovye osobennosti ballady Friedricha. Shillera "Der Taucher" [Linguistic Features of F. Schiller's Ballad "Der Taucher"]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 215–225. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2023_3_215. EDN: LBTMPJ

References

1. Gudkov, D. B. (2003) *Teoriya i praktika mezhkul'turnoj kommunikacii* [Theory and practice of intercultural communication]. Moscow: ITDGK–Gnozis Publ. (In Russian).
2. Danilevskij, R. YU. (1972) SHiller i stanovlenie russkogo romantizma [Schiller and the formation of Russian romanticism]. *Rannie romanticheskie veyaniya. Iz istorii mezhdunarodnyh svyazej russkoj literatury* [Early romantic trends. From the history of international relations of Russian literature]. Leningrad. Pp. 89–92. (In Russian).
3. Lebedeva, O. B. (1989) Tvorchestvo F. SHillera v vospriyatii i perevodah K. N. Batyushkova [Creativity of F. Schiller in the perception and translations of K. N. Batyushkov]. *Venok poetu: ZHizn' i tvorchestvo K. H. Batyushkova* [Wreath to the poet: Life and work of K. N. Batyushkov]. Vologda. Pp. 38–51. (In Russian).
4. Hudorozhkova, O. V. (2007) Interpretaciya ballad F. SHillera «Der Taucher» («Nyryal'shchik») i «Der Handschuh» («Perchatka») russkimi literaturovedami XIX–XXI vv. [Interpretation of F. Schiller's ballads “Der Taucher” (“The Diver”) and “Der Handschuh” (“The Glove”) by Russian literary critics of the 19th–21st centuries]. *Vestnik Tomskogo universiteta – Bulletin of the Tomsk University*. No. 305. Pp. 23–25. (In Russian).
5. SHCHerbakova, O. V. (2014) K voprosu o zhanrovom svoebrazii ballad F. SHillera «Der Taucher» («Nyryal'shchik») i «Der Handschuh» («Perchatka») v Germanii i Rossii [On the question of the genre originality of F. Schiller's ballads “Der Taucher” (“The Diver”) and “Der Handschuh” (“The Glove”) in Germany and Russia]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Questions of theory and practice*. No. 4 (34). Part II. Pp. 200–204. (In Russian).
6. Baumgärtner, A. (1972) *Ballade und Erzählgedicht im Unterricht. Ein Beitrag zur literarischen Erziehung*. München. (In German).
7. Goethe, J. W. (1970) *Ballade. Betrachtung und Auslegung*. Goethe. Berliner Ausgabe. Bd. 17. *Kunsttheoretische Schriften und Übersetzungen*. Berlin, Weimar: Siegfried Seidel Publ. (In German).
8. Müller-Seidel, W. (1976) *Die deutsche Ballade. Umriss ihrer Geschichte. Wege zum Gedicht II. Interpretationen von Balladen*. München: Hirschenauer, Zürich. (In German).
9. Laufhütte, H. (1979) *Die deutsche Kunstballade. Grundlegung einer Gattungsgeschichte*. Heidelberg: Winter Publ. (In German).
10. Schiller, F. (2008) “Der Taucher”. Schiller, Friedrich. *Gedichte*. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag. Pp. 208–213. (In German).
11. Weber, F. (1915) Das Verhältnis von äusserer und innerer Form in Goethes und Schillers Balladen. *The Journal of English and Germanic Philology*. Vol. 14. No. 2. Pp. 204–211. (In German).

дата получения: 30.05.2023 г.
дата принятия: 20.06.2023 г.
дата публикации: 30.09.2023 г.

date of receiving: 30 May 2023
date of acceptance: 20 June 2023
date of publication: 30 September 2023

С. В. Чертоусова

Передача эрратологического компонента социолектальных и региональных особенностей речи персонажей в художественном переводе (на материале романа Г. Кабреры Инфанте «Три грустных тигра»)

В статье рассматриваются способы передачи идиолекта героинь испаноязычного романа Г. Кабреры Инфанте «Три грустных тигра» в переводе на русский язык, а именно его эрратологического компонента. Уточняется понятие «роман языка» и перечисляются языковые трудности при переводе подобных текстов. Выявляются отклонения от литературной нормы на всех языковых уровнях в монологах героинь и определяются их функции в рассматриваемом художественном произведении. Особое внимание уделяется социолектальным и региональным особенностям кубинского национального варианта испанского языка и поиску их функциональных эквивалентов в русском языке. Проведенный анализ показывает применение переводчиком комплексных трансформаций для достижения максимально возможной степени эквивалентности и оказания аналогичного коммуникативного эффекта на потенциального реципиента художественного текста. Полученные результаты могут внести вклад в дальнейшее изучение романа языка как объекта перевода.

Ключевые слова: художественный перевод, лингвокультура, социолект, региолект, идиолект, коммуникативный эффект, функциональный эквивалент, языковая ошибка, зрительный диалект.

Для цитирования: Чертоусова С. В. Передача эрратологического компонента социолектальных и региональных особенностей речи персонажей в художественном переводе (на материале романа Г. Кабреры Инфанте «Три грустных тигра») // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 3. – С. 226–240. DOI: 10.35231/25419803_2023_3_226. EDN: TYGKUG

Вышедший в 1967 году роман кубинского писателя Г. Кабреры Инфанте «Три грустных тигра» мгновенно вызвал живой интерес не только у латиноамериканских читателей, но и у современных лингвистов. Глубокому анализу подвергались проблематика и сюжет произведения, написанного в жанре нового латиноамериканского романа, а также своеобразный язык автора. Для обозначения языковых осо-

бенностей «Трёх грустных тигров» в научных исследованиях закрепился термин «роман языка», к которому относят литературные тексты, где слово выполняет не просто роль передачи информации, а преобразует саму повествовательную лингвистическую действительность [16; р. 22–23]. Язык в подобных романах служит дополнительным средством создания новой реальности, передачи скрытых смыслов, а его референциальная функция отходит на второй план [10, р. 19].

Логично предположить, что столь существенная роль языка в построении художественного повествования значительно усложняет его перенос в иноязычную лингвокультуру, поэтому роман «Три грустных тигра» некоторое время считался непереводаемым [11, р. 37]. В то время как в самых ранних переводах на английский и французский языки (оба опубликованы в 1971 году) принимал участие сам Г. Кабрера Инфанте, немецкоязычные читатели смогли познакомиться с романом спустя 20 лет, на русском и японском языках первые издания появились в 2014 году, а на сербском – в 2016 году. Следует отметить, что для Дарьи Игоревны Сеницыной – переводчицы романа на русский язык – глубокая работа над текстом длилась более десяти лет и отразилась в фундаментальном диссертационном исследовании¹.

Дополнительной трудностью при переводе романа «Три грустных тигра» становится его «регионализм», то есть ориентированность на изображение культурно-исторического своеобразия Кубы, а точнее, Гаваны 1950-х годов, проявляющегося как в содержательном, так и в языковом наполнении произведения: в речи персонажей присутствуют одновременно социолекты и региолекты, воспроизводящие живую кубинскую речь и служащие средством создания идиолектов главных героев. Л. Пеженот считает данный роман одним из ярчайших примеров того, как смена лингвистического кода (то есть языка) неизбежно ведет к потере культурной коннотации всего текста [15, р. 10]. Возможно, поэтому столь значимое произведение латиноамериканской литературы долгое время не переводилось на русский язык и пока не нашло должного теоретического осмысления в отечественной лингвистике.

¹ Сеницына Д. И. Творчество Гильермо Кабреры Инфанте и «новый» латиноамериканский роман: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011. 238 с.

Материалы и методы

Настоящее исследование посвящено выявлению особенностей перевода романа «Три грустных тигра» на русский язык. Поскольку в рамках отдельной статьи невозможно охватить все стороны столь комплексного процесса, мы ограничимся анализом способов передачи социолектальных и региональных особенностей речи персонажей, а конкретно ее эрратологического компонента. Обращение именно к речевым ошибкам обусловлено такой особенностью романа, как использование автором приема так называемой «фиктивной устной речи» для воспроизведения идиолектов персонажей из низших слоёв населения («fingierte Mündlichkeit» – термин немецкого лингвиста П. Гётча [9], в испаноязычных исследованиях ему соответствуют «texto hablado» [2; 3, p. 44], «oralidad fingida» [5] или «oralidad escrita» [8, p. 115]). Роман представляет собой некий «коллаж» из текстов в разных формах (монолог, диалог, письмо и т. д.), не всегда имеющих заголовков и сообщающих, от чьего лица ведется повествование. Таким образом, по идиолектальным особенностям текстов читатель должен идентифицировать монологи бедных и необразованных Делии Досе, Магалены Крус и Бебы Лонгории, которые противопоставляются речи других персонажей романа.

Эрратологические компоненты идиолектов перечисленных выше героинь романа проявляются на всех языковых уровнях, а значит, при их переносе в другую лингвокультуру необходимо учитывать фонетический, лексический и синтаксический строй языка перевода. Поскольку русский и испанский языки не являются близкородственными, переводчик должен попытаться преодолеть межъязыковую асимметрию и достичь сходного коммуникативного эффекта, оказываемого текстом на потенциального реципиента, посредством подбора функциональных эквивалентов социолектальным и региональным нарушениям литературной нормы, которые являются идиолектальными маркерами героев романа. Далее будут рассмотрены способы передачи на русском языке речевых ошибок как элементов идиолекта малообразованных жителей Гаваны отдельно на каждом языковом уровне.

Результаты

Одним из приемов воссоздания «фиктивной устной речи», который использует Г. Кабрера Инфанте, является «зрительный диалект» («eye dialect»). Намеренное нарушение орфографических норм выполняет двойную функцию в художественных текстах: оно служит для воспроизведения региональных или социолектальных особенностей произношения персонажей, а также указывает на низкий уровень образованности говорящего [18, p. 4], что и имеет место в анализируемом романе. На первых страницах автор указывает, что книга написана по-кубински и язык в ней представляет собой смешение гаванских диалектов и ночного жаргона, поэтому некоторые главы рекомендуется читать вслух: таким образом, звуковая форма слов привносит дополнительные значения в содержание [4; p. 3–4].

К основным фонетическим особенностям кубинского варианта испанского языка, нашедшим отражение в идиолекте персонажей романа «Три грустных тигра», относятся:

* типичное для большинства латиноамериканских стран сесео («seseo») – отсутствие оппозиции в произношении согласных *s*, *z* и *s* ([θ] и [s]). У малообразованных носителей это служит источником орфографических ошибок: *resibir*, *empesó*, *piresiera*, *haser*, *siruela*, *parese*, *desente*, *radiosentro*, *edifisio*, *serveza*, *conoscas*, *antifás*, *ensima*, *el anunsio dise*, *comersiales*, *en ves de desir*, *la calzada*, *cada ves*, *pelo lasio*, *sapatos*, *presioso*, *zatén*, *por sierto*, *sigarros*, *dulse*, *se ensendían*, *sosios*, *selebrarlo* [4; p. 18–33] и др.;

* аспирация или опущение согласных *s*, *s* и *z* в конце слова или слога. Чем чаще звук [s] не произносится, тем ниже социальный статус говорящего: *tú sabrá(s)*, *tú me conoce(s)*, *almeno* (al menos), *dijusto* (disgusto), *e(x)cusados*, *con(s)tantemente*, *na ma* (nada más), *e que* (es que), *e(s)tás*, *mi(s)mó*, *me oí(s)te*, *tú me pregunta(s)te*, *tú no tenerate* (te enteraste), *cono(z)co* [4; p. 18–35];

* ламбдаизм (замена сонорного звука [r] на латеральный [l] в конце слога или слова), примерами которого изобилует письмо бедной мулатки Магалены Крус: *hablal*, *metel*, *coldel*, *pasal*, *de lo mejol*, *dal-le* (darle), *el selebro* (cerebro) [5, с. 24–34];

* йеизм («yeísmo») – диалектальная особенность произношения букв *ll* и *y* как одного и того же палатального фрикатив-

ного звука, что приводит к ошибочной взаимозамене графем: *yegará, valla* (в значении *vaya* – формы субхунтива глагола *ir*), *se callera, aqueyos, tulla* (в значении притяжательного местоимения *tuya*), *cartiya, olles, crellón, se yamaba* [4; p. 18–23].

К ним добавляются характеристики, типичные для разговорного стиля произношения носителей испанского языка в целом:

* опущение согласного [d] в конце слов и в интервокальной позиции (синкопа): *usté, tranquilidá, verdá, edá, te habrás enterao, tendío, has parío, estaba vestía, marío, qué confundía e(s)tás, ajetriao (ajetreado)* [4; p. 18–34]. Некоторые из подобных форм могут квалифицироваться как вульгаризмы [12, p. 19];

* коалесценция (слияние двух слов) и ее частный случай – синалефа – слияние гласных на стыке слов: *pacá pa la Habana* (para acá para La Habana), *que visto* (que he visto), *yo siempre sío* (yo siempre he sido), *por quiba cambiar* (por qué iba a cambiar), *no le dao ná* (no le he dado nada), *désas* (de esas), *tos* (в значении todos), *parriba y pabajo* (para arriba y para abajo), *tú te puededil-aonde-te-de-la-gana* (tú te puedes ir adonde te de la gana), *mijita* (mi hijita), *miamiga* (mi amiga), *testaba* diciendo (te estaba diciendo) [4; p. 23–33]. С помощью данных приемов воспроизводится беглость устной речи;

* редукция безударных гласных: *rialidá, rialmente, cuchi-chiaban, peliados* [4; p. 18–23].

Помимо этого, в монологах Магалены, Бебы и Делии присутствует целый ряд орфографических и пунктуационных ошибок, непосредственно не связанных с особенностями произношения жителей Гаваны. Они не являются социолектальными и диалектальными маркерами, и их функция в тексте ограничивается указанием на низкий уровень образованности языковой личности. Таким образом, эрратологический компонент идиолекта героинь дополняется следующими примерами «зрительного диалекта»:

* взаимозамена согласных букв *b* и *v*: *se ha cavido, viben, rebista, volbió, brabo, tubimos, caval, bale* (в значении междометия *vale*), *conbertible, bino, estubieron, labando, todavía, polbo, becinos, olbido, bamos, maravillosa, Bedado* (один из районов Гаваны – *Vedado*), *sinberguensería* [4; p. 18–33]. Подобные ошибки довольно частотны среди носителей испанского языка,

поскольку для правильного выбора написания необходимо знать этимологию слова [14; p. 30–35];

* ошибки в опущении или написании непроизносимой буквы *h*: (h)uyó, a(h)ora, se (h)abía mudado, (h)uérfanas, (h)ice, (h)asiendo, (h)uele, (h)asta, (h)ubiera contado; el halma, Harsenio (имя собственное Arsenio), hay (в значении междометия ay) [4; p. 18–25]. Последние примеры иллюстрируют существующие в любом языке случаи гиперизма, то есть ошибок гиперкоррекции, когда продуцент немотивированно использует языковые правила за пределами границ их применимости;

* взаимозамена согласных букв *g* и *j* при обозначении глухого велярного фрикативного звука [x]: injenio, cojidas [4; p. 19–23]. Их различие на письме также предполагает учет формы латинского этимона;

* неправильная постановка тильды – диакритического знака, указывающего на ударение в слове или выполняющего смыслоразличительную функцию (диакритический акцент): eramos, jugabamos, ibamos, para mi eres como una hermana, lapis, preguntas donde estaba, le pregunté que como era, fué, consiganse, imagínate tú hija [4; p. 18–23];

* пунктуационные ошибки, состоящие в опущении кавычек при передаче прямой речи и перевернутого вопросительного знака в начале предложения: (¿) subido adónde? [4, p. 20]; se desían con(s)tantemente (“)mi hermana y mi amiga y mi amiguita(“) y cosas... [4, p. 23];

* употребление строчной буквы вместо прописной, например, в именах собственных: la Habana (La Habana) [4, p. 22];

* ошибки в слитном или раздельном написании слов: *díes* у *seis*, *co madre*, *a ora* (ahora), *larrisa* (la risa) [4; p. 18–33].

Перечисленные выше фонетические особенности и орфографические девиации не типичны для носителей русского языка, поэтому «зрительный диалект» в переводе не может быть построен посредством тех же самых языковых средств. Следует также учитывать тот факт, что в русском языке стратификационная и территориальная вариативность не выражаются столь отчетливо именно на фонетическом уровне. Этим объяснима выбранная переводчиком стратегия сохранения фонетического письма только в функции указания на низкий уровень образованности персонажей, а не отражения

их социокультурной принадлежности. В силу структурных различий в фонетических системах испанского и русского языков «зрительный диалект» передается не отдельными переводческими трансформациями, а с помощью комплексных преобразований, например: Tu hija Cuba Venegas, perdóname Estel pero es que me da una risa, ella bino por aquí varias veces, cada ves mejor vestida que la otra ves. Una de las veses bino y entró y benía junto con ella un muchachito muy delgadito, muy delicado que siempre se pasaba la lengua por los labios y se los mojaba y tenía el pelo muy lasio así como una onda sobre la cara y que le yebava una maletica chiquita de pajilla... [4; p. 21–22] / Твоя дочка Куба Венегас извени Эстель я не могу с нее со смеху, приехала к нам нескра рас и каждый рас все лучше была одета. Как то приехала, зашла, а с ней такой тощенький изящный парнишечка, все облизывался, а волосы такие глаткие, волной на лоб спускаюца, и нес за ней маленький плетеный чимоданчик... [1, с. 32];

La dejé hablal así na ma que pa dale coldel y cuando se cansó de metel su descaiga yo le dije no que va vieja, tu etás muy equivocada de la vida (así mimo), pero muy equivocada: yo rialmente lo que quiero e divestime y dígoles, no me voy a pasal la vida como una momia aquí metía en una tumba désas en que cerraban lo farallone y esa gente ... [4, p. 24] / Нудумаю пагавари пагавари завидись патом ей надоела аяей пряма дарагуша, ты есси хочш знать сильнашибаишся (так и скаала) сама не знаиш как ты ашибаишся: я на самам дели проста хчу катом развеица я грю не сабираюсь тут сю жинь сидеть я вам ни мумие штоп в магили лижать как фараены и прочии... [1, с. 34].

Эрратологический компонент идиолектов Делии и Магалены выражен в тексте романа на русском языке с помощью таких ошибок, как неправильное употребление дефиса, отсутствие знаков пунктуации, неверное написание гласных и мягкого знака после шипящих, присутствуют также ошибки в слитном или раздельном написании слов, правописании букв в слабой позиции и др. К ним добавляются случаи разговорного произношения, выражающегося в редукции гласных и согласных звуков и сращении слов.

Важным представляется подчеркнуть, что выявленные отклонения от литературной нормы на фонетическом уровне

в романе на испанском языке можно квалифицировать как ошибки, поскольку они рассматриваются в рамках письменного текста. Не следует забывать, что как в любом другом полицентрическом языке (то есть языке, представленном несколькими национальными вариантами [7, p. 534]), в испанском языке нормативными признаются все региональные варианты произношения и интонации. Значит, в устной форме средства воссоздания «зрительного диалекта» могли бы служить исключительно указанием на социальную и национальную принадлежность языковой личности.

Примечательно, что переводчик принял решение отражать фонетические особенности речи героинь в двух монологах из трех. Это оправдано тем, что Беба Лонгория – жена полковника Суареса, и хотя ее произношение и выдает низкое социальное происхождение, в настоящий момент она общается с представителями элиты Гаваны и стремится подражать их речевому поведению. Отсюда такая идеолектальная особенность ее персонажа, как ассимиляция заимствованных слов, в частности, англицизмов: таким образом, в оригинале используется фонетическое письмо, а при переводе монолога на русский язык оно заменяется либо транскрипцией, либо ситуативным эквивалентом. Сравним: «*senkiu miamiga*» [4, p. 34] – «Сенкью, подруга» [1, с. 46], «*solón*» (so long) [4, p. 35] – «бай-бай» [1, с. 48].

Приведенные примеры иллюстрируют стратификационную вариативность кубинского варианта испанского языка: в середине прошлого века использование в речи англицизмов указывало на достаточно высокий социальный статус говорящего. При этом в монологах двух других героинь – Делии и Магалены – также присутствуют единичные заимствования, но они употреблены с ошибками (в написании или произношении), что, напротив, свидетельствует о недостаточном уровне их образования. В русскоязычной версии романа данный эрратологический компонент идиолектов передается допущением орфографических, а также словообразовательных ошибок, вызванных ложной фонетической аналогией: *Ella está allí casi en cueros, con una trusita de esa que se llaman bequini...* [4, p. 20] / Она там почти нагишом, в купальнике в этом который называется бекини... [1, с. 32]; ...y me dijo que

ahora también era *bedete* o algo paresido... [4, p. 22] / ...и сказала что она теперь *старленка* или что то в этом роде... [1, с. 34].

С учетом того, что в настоящее время англицизмы используются во всех регистрах испанского языка разными слоями населения [7, p. 86], подобные заимствования не всегда могут рассматриваться как социолингвистические индикаторы, поэтому невозможность их полной передачи при диахроническом переводе (каким и является русскоязычная версия «Трех грустных тигров»), на наш взгляд, никоим образом не снижает эквивалентность текстов оригинала и перевода.

Искажению формы в результате неверного толкования этимологии подвергаются также и другие слова, не относящиеся к разговорной лексике (некоторые термины, литературные и книжные выражения). В переводе эрратологический компонент сохраняется с помощью намеренного нарушения орфографических норм и фонетического уподобления по принципу ложной аналогии: «*simonimos*» (*sinónimos*) [4, p. 21] – «симонимы» [1, с. 33], «*una conversadera altrata*» (*abstracta*) [4, p. 33] – «апсрачная тема» [1, с. 46], «*lo farallone*» (*los faraones*) [4, p. 24] – «фараены» [1, с. 35], «*me rompe el tempano*» (*el tímpano*) [4, p. 24] – «тока шт ни аглохла» [1, с. 35], «*fetivamente*» (*efectivamente*) [4, p. 24] – «точна» [1, с. 35], «*infacto cardiaco*» (*infarto*) [4, p. 35] – «сердечный инфаркт» [1, с. 80]. В последний пример включен плеоназм, перенесенный в текст перевода ситуационным соответствием.

Прием целостного преобразования выбирается при передаче нарушений в употреблении героинями романа ряда лексических единиц. Малоупотребительными или разговорными считаются испанские слова и выражения *ni tan siquiera*, *endonde*, *o séase*, *cogerse las manos* и др. [6, p. 299]: ...y yo te puedo decir que hace mucho pero mucho tiempo que no sabemos ni j de ella, pero *ni una palabra tan siquiera*. No se si allá *endonde* ustedes viben ahora que es donde se perdió el chaleco como dice Gilberto yegará la rebista Bohemia... [4, p. 18] / ... ну так могу тебе сказать что мы уже давным давно нич. про нее не знаем, прямо *ничевошеньки*. Не знаю, туда где вы жевете у черта на рогах как говорит Хильберто доходит журнал Бозмия... [1, с. 42]; ... luego *desían cosas* que yo no entendía casi y se reían después y también se reían por gusto y salieron al patio

se rieron de los becinos y se cojían las manos y se desían contantemente mi hermana y mi amiga y mi amiguita y cosas así... [4, p. 23] / ... и хихикали бес причины и во дворе над соседями надсмехались а сами держатся за ручки и друг друшке говорят сестренка, падрушка, зайка моя... [1, с. 53]; ...e que uté no sabe vivíl el momento y la vida se le base dificilísima o séase que ya etá muy antañona pa comprehendel-me... [4, p. 24] / ... ни умеити вы жить сиводнишним днем куда вам в этам ся беда, яснае дела вам миня ни панять из вас писок уже сытица ... [1, с. 55].

В приведенных примерах стилистическая компенсация достигается с помощью просторечий «ничегошеньки», «на(д) смеяться» и «песок сыпется», написанных с орфографическими ошибками.

Еще одной особенностью идиолекта языковой личности, которую можно считать отклонением от литературной нормы, является бедность речи и небольшой словарный запас, следствием чего становятся неоправданные лексические повторы. В анализируемом романе автор активно включает в монологи героинь слова широкой семантики (исп. *palabras genéricas, palabras comodín, palabras baúl*). В испанском языке к ним относятся, например, существительные «asunto, problema, cosa, tema», прилагательные «bueno, grande, pequeño, positivo, impresionante», глаголы «poner, hacer, tener, realizar» и пр. [12, p. 307]. Поскольку данное явление характерно и для русского языка, при переводе отрывков можно воссоздать аналогичный эффект бедности языка говорящего с помощью лексических повторов, однако, это не всегда удастся сделать в одном и том же фрагменте. Так, письмо Дели Досе в оригинале содержит заполнитель пауз – выражение «y todo», не несущее никакого значения в высказывании, а также повторяющиеся в одном предложении глагол («decir») и существительное («la carta»): «...hasta nos enseñó una carta que ella decía ella que era de tu parte y en esa carta tú decías que nos la mandabas pacá que estudiara y se iciera una mujer de provecho y todo y nosotros fuimos tan bobera que nos lo creimos y la dejamos dormir aquí y todo eso ya tu sabes lo que eso significa por que en este cuarto nunca se ha cavido a derecha...» [4, p. 18].

В переводе лексические повторы перенесены в следующий абзац того же монолога Делии: «Честное благородное

слово Эстель прямо еле удержалась чтоб не надавать ей пашечин за бессовесность <...> Знаешь что твоя дочка сказала? Вот то самое и сказала, что я тебе написала а сама ушла. И вобщем не было ее дней десять или две недели покрайней мере, а как вернулас так вся из себя красивая и еще прощения просила и сказала что она уже больше не нянькой а работает теперь в парикмахерской и это гораздо лучше платят больше намного и она переехала в пансион. Я прямо обрадовалась честное слово, и себе сказала ну дает Эстельвина-то вот и прижелась уже в Гаване и честное слово тебе даю тут прямо все вспомнила...» [1, с. 30].

Сохранение характерного для персонажа Делии скудного словарного запаса в переводе подтверждает количественный анализ используемых ею лексем: глагол «decir» встречается в письме героини 38 раз, а в переводе на русский язык 25 раз употреблена его эквивалентная форма «сказала». Что касается синтаксических девиаций кубинского варианта испанского языка от литературного стандарта, то среди выявленных нами отклонений в тексте оригинала лишь одна конструкция указывает на региональную принадлежность говорящего: это энклитические местоименные формы. Именно на Кубе и в разговорной, и в формальной речи распространена постпозиция дополнений, выраженных личными местоимениями, по отношению к спрягаемой форме глагола (*dígole, díseme, díjome* и др.), в то время как в других испаноязычных регионах подобные словоформы считаются архаичными [13, р. 39]. Ввиду очевидной невозможности передать средствами русского языка характерные особенности построения предложений жителями Острова Свободы переводчик вновь прибегает к приему «зрительного диалекта» и включения в монолог Магалены разговорной лексики:

...*díseme, tú te puededil-aonde-te-de-la-gana, que yo no te voy paral ni ponel freno...* [4, р. 24] / ...ты, грит, можеш катица куда хочш я тибя диржать ни стану и тармазить нистану... [1, с. 34]; ...*y le digo, dígole, nada ma que se vive una ve, miamiga, y hay que sabelo hasel que eso e también una siensia te enterate?* [4, р. 24] / ...и ткая гаварю ей мы адин рас живем милая и пражить тоже нада уметь а ни сякий умеит понила? [1, с. 34]; *Acabate dil de una ve, díjome* [4, р. 25] / Иди уже штоп я тя ни видила [1, с. 37].

Кроме того, большая часть грамматических ошибок в анализируемых отрывках обусловлена беглостью устной речи и, соответственно, уже рассмотренным ранее фонетическим письмом: «parece (que) se metió» [4, p. 18], «no vaya (a) colgar» [4, p. 33], «lo metió (en) la máquina» [4, p. 35] и др. Пропуск служебных частей речи в оригинале компенсируется в тексте на русском языке эллиптическими конструкциями, которые также создают эффект разговорного регистра общения: *Mira tú para eso, yo de novia hora después haber sío querida de Sipriano desde tengo uso rasón y después de vieja y pelleja meterme a novia de punten blanco* [4, p. 33] / Представь, я – в невестах, это после того, как мы с Сиприано живем с незапамятных времен, а тут вдруг в белом платье [1, с. 46].

Обсуждение и выводы

Итак, проведенный анализ отрывков романа «Три грустных тигра» на испанском языке и их переводов на русский язык показал, что в данном художественном произведении языковые единицы на всех уровнях выполняют сразу несколько функций: они характеризуют персонажей, отражая их региональную и стратификационную принадлежность и являясь частью их речевого портрета, и вместе с тем создают неповторимый культурно-исторический фон всего повествования. При этом фиктивная устная речь, образующая эрратологический аспект идиолекта героинь, основывается на фонетическом, лексическом и синтаксическом строе испанского языка. Пренебрежение каким-либо из этих компонентов и его нейтрализация в переводе неизбежно приведет к смысловым потерям и снижению эстетической ценности текста. Вероятно, поэтому задача перевода данного романа может показаться невыполнимой. Однако само существование вариантов «Трех грустных тигров» на неблизкородственных языках доказывает, что перенесение текста в иноязычную лингвокультуру все же представляется возможным. Ввиду отсутствия однозначных соответствий кубинского национального варианта в русском языке в качестве его функционального эквивалента был выбран разговорный регистр речи, указывающий на низкий социальный статус коммуникантов. Для воссоздания «естественности» ошибок в монологах героинь

при переводе используются комплексные трансформации, так как межъязыковая асимметрия не позволяет сохранять девиации на том же уровне языка. Таким образом, переводчику удастся добиться сходного коммуникативного эффекта на потенциального реципиента.

В заключение стоит еще раз отметить, что такой жанр художественной литературы, как «роман языка», сам по себе ориентирован на представителей конкретной лингвокультуры и не может претендовать на статус универсального текста, легко преодолевающего культурные барьеры. На наш взгляд, достичь полного тождества текста оригинала и текста перевода для любой пары языков в подобных произведениях – цель принципиально недостижимая. Однако задачей переводчика в таком случае является попытка максимально полно передать лингвистические и экстралингвистические особенности художественного произведения и побудить иноязычного читателя к знакомству с неповторимым оригиналом.

Список литературы

1. Кабрера Инфанте Г. Три грустных тигра: Роман / Пер. с исп. и коммент. Д. Синицкой. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2014. – 576 с.
2. Águila C., Ponce M. Traducción de la oralidad escrita del español cubano al alemán en *Tres tristes tigres* de Guillermo Cabrera. Concepción, 2021. – 92 p.
3. Bak J. K. *Tres tristes tigres: estructura y lenguaje*. Houston: Rice University, 1980. – 97 p.
4. Cabrera Infante G. *Tres tristes tigres*. – Barcelona: Seix Barral, 1967. – 452 p.
5. Cadera S. M. La oralidad fingida del monólogo de Magalena Cruz en “*Tres tristes tigres*” de Guillermo Cabrera Infante y su traducción al alemán e inglés // *Grenzgänge*. – 2008. – Heft 30. – S. 57–87.
6. Diccionario panhispánico de dudas. – Madrid: Lengua Viva, 2005. – 872 p.
7. Fasla Fernández D. El español hablado en Cuba: préstamos vigentes, lexicogénesis y variación lingüística // *Cuadernos De Investigación Filológica*. – 2013. – No. 33. – Pp. 73–96. DOI: 10.18172/cif.1487.
8. García de Toro C. Traducir la oralidad: su incidencia en el proceso de aprendizaje de la traducción // *Glosas didácticas: revista electrónica internacional de didáctica de las lengua y sus culturas*. – 2005. – No. 13. – Pp. 115–127.
9. Goetsch P. Fingierte Mündlichkeit in der Erzählkunst entwickelter Schriftkulturen // *Poetica: Zeitschrift für Sprach- und Literaturwissenschaft*. – 1985. – No. 17. – Pp. 202–218.
10. Hammerschmidt C. Mi genio es un enano llamado Walter Ego: estrategias de autoría en Guillermo Cabrera Infante. – Madrid/Frankfurt: Iberoamericana Editorial Vervuert, 2015. – 412 p.
11. Kleinert S. Übersetzen Als Dialogisches Spiel. Zu Wilfried Böhringers Übersetzung von Guillermo Cabrera Infantes “*Tres Tristes Tigres*” (Drei Traurige Tiger, Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1987) // *Iberoamericana*. – 1988. – Vol. 12., No. 2/3 (34/35). – Pp. 35–49.
12. Las 500 dudas más frecuentes del español. – Madrid: Instituto Cervantes, Espasa, 2014. – 512 p.
13. Nueva gramática de la lengua española. – Madrid: Espasa Libros, 2009. – 993 p.
14. Ortografía de la lengua española. – Larousse, 2015. – 224 p.

15. Pegenaute L. La traducción del posmodernismo hispanoamericano: reflexiones sobre la interpretación de la cultura // *Parallèles: cahiers de l'École de Traduction et d'Interpretation de l'Université de Genève*. – 1997. – No. 19. – Pp. 177–192.

16. Rodríguez Monegal E. Los nuevos novelistas // *Mundo nuevo*. – 1967. – No. 17. – Pp. 22–23.

17. Stewart W. A. A Sociolinguistic Typology for Describing National Multilingualism // *Readings in the Sociology of Language*. – The Hague, 1968. – Pp. 531–545.

18. Zwicky A. M. *Mistakes*. – Reynoldsburg: Advocate Publishing Group, 1980. – 53 p.

Svetlana V. Chertousova

Rendering of the Erratologic Component of the Sociolectal and Regional Features in the Speech of the Characters in Literary Translation (Based on the Novel "Three Trapped Tigers" by G. Cabrera Infante)

The article is devoted to the ways of rendering the idiolects of the female characters in the novel "Three Trapped Tigers" written in Spanish by G. Cabrera Infante in its translation into Russian and specifically rendering of its erratologic component. The notion of "novel of the language" is specified and linguistic difficulties in the translation of such texts are listed. Deviations from the literary norm are revealed at all language levels and their functions in the novel are determined. Special attention is paid to the sociolectal and regional features of the Cuban Spanish and the search for their functional equivalents in Russian. The analysis shows the use of complex transformations by the translator in order to achieve the highest degree of equivalence and provide a similar communicative effect on potential recipients of a literary text. The materials of the article can contribute to further studies of novels of the language as an object of translation.

Key words: literary translation, linguoculture, sociolect, regiolect, idiolect, communicative effect, functional equivalent, language error, eye dialect.

For citation: Chertousova, S. V. (2023) Peredacha erratologicheskogo komponenta sociolektal'nyh i regional'nyh osobennostej rechi personazhej v hudozhestvennom perevode (na materiale romana G. Kabrery Infante «Tri grustnyh tigra») [Rendering of the Erratologic Component of the Sociolectal and Regional Features in the Speech of the Characters in Literary Translation (Based on the Novel "Three Trapped Tigers" by G. Cabrera Infante)]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 226–240. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2023_3_226. EDN: TYGRUG

References

1. Cabrera Infante, G. (2014) *Tri grustnyh tigra: Roman* [Three Trapped Tigers: novel]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbaha. (In Russian).
2. Águila, C., Ponce, M. (2021) Traducción de la oralidad escrita del español cubano al alemán en Tres tristes tigres de Guillermo Cabrera. Concepción. (In Spanish).
3. Bak, J. K. (1980) *Tres tristes tigres: estructura y lenguaje*. Houston: Rice University. (In Spanish).
4. Cabrera Infante, G. (1967) *Tres tristes tigres*. Barcelona: Seix Barral. (In Spanish).

5. Cadera, S. M. (2008) La oralidad fingida del monólogo de Magalena Cruz en “Tres tristes tigres” de Guillermo Cabrera Infante y su traducción al alemán e inglés. *Grenzgänge*. Heft 30. Pp. 57–87. (In Spanish).
6. Diccionario panhispánico de dudas (2005). Madrid: Lengua Viva. (In Spanish).
7. Fasla Fernández, D. (2013) El español hablado en Cuba: préstamos vigentes, lexico-génesis y variación lingüística. *Cuadernos De Investigación Filológica*. No. 33. Pp. 73–96. DOI: 10.18172/cif.1487. (In Spanish).
8. García de Toro, C. (2005) Traducir la oralidad: su incidencia en el proceso de aprendizaje de la traducción. *Glosas didácticas: revista electrónica internacional de didáctica de las lengua y sus culturas*. No. 13. Pp. 115–127. (In Spanish).
9. Goetsch, P. (1985) Fingierte Mündlichkeit in der Erzählkunst entwickelter Schriftkulturen. *Poetica: Zeitschrift für Sprach- und Literaturwissenschaft*. No. 17. Pp. 202–218. (In German).
10. Hammerschmidt, C. (2015) Mi genio es un enano llamado Walter Ego: estrategias de autoría en Guillermo Cabrera Infante. Madrid/Frankfurt: Iberoamericana Editorial Vervuert. (In Spanish).
11. Kleinert, S. (1988) Übersetzen Als Dialogisches Spiel. Zu Wilfried Böhringers Übersetzung von Guillermo Cabrera Infantes “Tres Tristes Tigres” (Drei Traurige Tiger, Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1987). *Iberoamericana*. Vol. 12. No. 2/3 (34/35). Pp. 35–49. (In German).
12. Las 500 dudas más frecuentes del español (2014). Madrid: Instituto Cervantes, Espasa. (In Spanish).
13. Nueva gramática de la lengua española (2009). Madrid: Espasa Libros. (In Spanish).
14. Ortografía de la lengua española (2015). Larousse. (In Spanish).
15. Pegenaute, L. (1997) La traducción del posmodernismo hispanoamericano: reflexiones sobre la interpretación de la cultura. *Parallèles: cahiers de l'École de Traduction et d'Interpretation de l'Université de Genève*. No. 19. Pp. 177–192. (In Spanish).
16. Rodríguez Monegal, E. (1967) Los nuevos novelistas. *Mundo nuevo*. No. 17. Pp. 22–23. (In Spanish).
17. Stewart, W. A. (1968) A Sociolinguistic Typology for Describing National Multilingualism. *Readings in the Sociology of Language*. The Hague. Pp. 531–545.
18. Zwicky, A. M. (1980) *Mistakes*. Reynoldsburg: Advocate Publishing Group.

дата получения: 01.06.2023 г.
 дата принятия: 20.06.2023 г.
 дата публикации: 30.09.2023 г.

date of receiving: 01 June 2023
 date of acceptance: 20 June 2023
 date of publication: 30 September 2023

Н. В. Медведева

Работа с текстами этнокультурологической направленности в процессе подготовки билингвального учителя русского языка

В статье ставится проблема работы с текстами для подготовки билингвального учителя русского языка. Особое внимание к тексту как единице обучения связано с концентрацией в нем разноаспектного содержания. Текст выступает как единица культуры (этнокультуры), языка, речи. В тексте проступают ориентиры ментально-ценностного характера: работа с ним на занятиях по методике русского языка предполагает сопряжение ценностных составляющих этнической и русской культур, сопоставление языковых аспектов родного и русского языков, что позволяет реализовать в обучении культурологическую компетенцию. Текст выступает как объект культурологического, лингвистического анализа. В статье описывается методика работы с этнолингвистическими/лингвокультурологическими материалами русского и коми-пермяцкого фольклора на основе контрастивного анализа культуроносных единиц в текстах разных культур. В качестве материала для лингвометодической подготовки билингвального учителя рассматриваются тексты паремий, работа с которыми призвана сформировать у студентов профессиональный взгляд на потенциал связанного текста как ценностной единицы культурологического, языкового, речевого и методического планов.

Ключевые слова: русский язык, текст, этнокультурология, билингвальный учитель.

Для цитирования: Медведева Н. В. Работа с текстами этнокультурологической направленности в процессе подготовки билингвального учителя русского языка // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 3. – С. 241–251. DOI: 10.35231/25419803_2023_3_241. EDN: VOXYPK

Роль связи языка и культуры просматривается в работах выдающихся лингвистов Э. Бенвениста, В. Гумбольдта, Э. Сепира, Б. Л. Уорфа, Ф. И. Буслаева, Е. М. Верещагина, В. И. Карасика, В. Г. Костомарова, В. В. Колесова, В. В. Красных, А. А. Потебни, И. И. Срезневского, Ю. С. Степанова, К. Д. Ушинского и др. В современном образовании, отражающем антропоцентрическую парадигму, идея связи языка и культуры реализуется в обучении русскому языку как родному/неродному/иностранному. Тексториентированный подход в полной мере позволяет вводить в обучение

русскому языку этнокультурологический материал. Текст является основным дидактическим средством обучения, целостной единицей языка, речи и культуры, он обеспечивает ценность познания, позволяет реализовать личностно-ориентированную парадигму развития учащегося, усилить когнитивную, коммуникативную, культурологическую направленность учебного процесса.

В методике преподавания русского языка определены подходы к обучению на основе текста, который несет культурологическую информацию: *культурологический* (А. Д. Дейкина, Т. Ф. Новикова) – общий, формирующий «личность, живущую в культуре, содержанием, методами и средствами всех учебных предметов и внеучебной деятельностью» [4, с. 25], *культуроведческий* (А. Д. Дейкина, А. П. Еремеева, Л. А. Ходякова, Т. М. Пахнова и др.), определенный Л. А. Ходяковой как подход, обеспечивающий «усвоение учащимися в процессе изучения языка жизненного опыта народа, его культуры (национальные традиции, религия, нравственно-этические традиции, нравственно-этические ценности, искусство) и духовно-эстетическое воздействие на мысли, чувства, поведение, поступки обучаемых» [14, с. 16], *лингвокультурологический* подход (Т. К. Донская, Н. Л. Мишатина, И. П. Цыбулько и др.) определен «...как совокупность методов, позволяющих в процессе обучения русскому языку формировать языковую личность учащегося в контексте культуры» [4, с. 26].

Возникает проблема отбора текстов для обучения не только ученика, но и для подготовки будущего учителя русского языка – инонационально-русского билингва (этнически нерусской, но русскоязычной языковой личности). Очевидно, что при отборе текстов и работе с ними в билингвальной аудитории потребуются организация деятельности обучаемых на основе этнокультурологического подхода как ввода учащегося в другую культуру, в том числе и на основе контрастивного анализа реалий, образов, концептов, символов, смыслов родной и другой культур.

Материалы и методы

Трансляция культурного содержания текста возможна несколькими способами: «...посредством прямого личного

воздействия педагога на учащихся; посредством работы с текстами, содержащими эксплицитную информацию о культуре; посредством работы с текстами, содержащими информацию о культуре имплицитно, путём использования инструментария лингвокультурологической характеристики текстов, прежде всего художественных» [5, с. 109].

Работа с текстами, имеющими этнокультурологическое содержание, в обучении русскому языку и в подготовке будущего учителя русского языка инонационально-русского билингва позволит, по справедливому утверждению А. Д. Дейкиной, «...соотнести языковые нормы и речевые средства с коммуникативными интенциями в культурном пространстве изучаемого языка, а также соотнести иноязычные культуры в чертах сходства и различия», «возможность научить понимать чужие культуры» [5, с. 110].

В статье «О национальных картинах мира» Г. Д. Гачев утверждает, что единый мир народы воспринимают по-разному и что для понимания национального своеобразия важно понять национальную художественную логику, которая улавливает мир через свою «сетку координат» [1; с. 80–85.]. Работа с текстами не только своей, но и другой культуры позволяет, как справедливо утверждает Н. Л. Кольчикова в работе «Особенности восприятия инокультурного текста учащимися-билингвами», «учитывать <...> билингвизм – способность употреблять для общения две языковые системы, учитывать особенности национальной психологии, уровень сформированности национальной самоидентификации и случаи несовпадения разносистемных национальных картин мира» [7, с. 89], что позволит делать более глубокие выводы в процессе анализа текста другой культуры.

Студентам такая деятельность позволит увидеть фрагменты «другой» картины мира, зафиксированной в культурной парадигме текстов. Связный текст на занятиях с инонационально-русскими билингвами как культурноносная единица выступает и как единица дидактическая. Он обладает объемным потенциалом: работа с ним позволяет извлечь культурные смыслы, развивает все виды речевой деятельности (слушание, чтение, говорение, письмо); этикетные речевые и культуроречевые умения; кроме того,

на основе связного текста возможна работа, позволяющая обучать студентов методической интерпретации.

Мы предлагаем для будущих учителей русского языка – билингвов коми-пермяков работу с тестами коми-пермяцкого и русского фольклора. Жанр загадки в паремиологическом фонде языков в настоящее время не является до конца изученным и находит свое отражение в лингвистических исследованиях (В. И. Даль, В. Н. Топоров, А. Н. Журинский, Ю. И. Левин, А. В. Головачева, М. А. Рыбникова, Д. Н. Садовников, В. В. Митрофанова, М. Л. Ковшова, О. С. Орлова, А. С. Лобанова, О. А. Попова, И. А. Подюков, А. В. Черных и др.).

Результаты

Работа с этнолингвистическими/лингвокультурологическими материалами русского и коми-пермяцкого фольклора позволяет развивать умения концептологического исследования на основе контрастивного анализа культурноносных единиц в текстах разных культур.

Под термином паремия в науке понимают различные микротексты фольклорного характера, которые рассматриваются в их языковой сущности. Они характеризуются определенной темой, речевой организацией, отражают устойчивые для определенной народной культуры элементы языковой картины мира, зафиксированные в пословицах, приметах, загадках, поговорках, присловьях и т. д. А. А. Потеня называет пословицы и загадки, имея в виду их метафоричность, «сгущением мысли» [12]. Исследователи паремий указывают, что «...загадка не столько предлагает метафору, сколько играет с метафорой, прибегая к различным степеням ускользания от прямой сопоставимости» [11, с. 52], а пословица «опирается на метафоры, традиционные для национального мировосприятия, определенно устойчивые и легко "читаемые" в контексте паремии» [10, с. 112].

Анализ текстов паремий в аспекте лингвометодической подготовки будущего билингвального учителя русского языка, который владеет двумя картинами мира и двумя языками, выбран не случайно. Тексты паремий – это тексты малых форм, но, по справедливому утверждению Н. Н. Семеновенко, они обладают «специфической способностью <...>

выражать посредством минимума языкового материала максимум смыслов, актуализирующихся в зависимости от потребности дискурса» [10, с. 112].

Задача в работе с текстами паремий – проанализировать их как тексты культуры, языка и речи в единстве. Подбор для анализа нескольких текстов-аналогов, принадлежащих разным этнолингвокультурам, например, коми-пермяцкой и русской, позволит формировать у студентов умения разноаспектного анализа в сопоставлении, выявлять в текстах этнокультурные смыслы. «Когнитивный потенциал внутренней формы паремий чрезвычайно высок, поскольку ее композиционная основа образуется лексемами, денотаты которых выражаются в языковой картине мира как номинации взаимосвязанных процессов, явлений, знаковых для культуры и личности событий. Лексические компоненты, которые используются в народных афоризмах, позволяют не только образно характеризовать действительность, но и реализовывать ту самую «многозначительную» иносказательность, которая столь характерна для фольклора», – пишет Н. Н. Семененко [10, с. 112].

Анализ паремиологического материала позволит студентам коми-пермякам приблизиться к пониманию когнитивной метафоры, служащей сердцевиной загадки, которая репрезентирована в соответствующих языковых единицах. Такая работа позволит развивать у студентов профессиональный «учительский» взгляд на потенциал связного текста как ценностной единицы культурологического, языкового, речевого и методического планов. Обрамление текста в методическую «оправу» позволит работать с ним, осуществляя его этнолингвокультурологическую характеристику.

О. Н. Левушкина определяет лингвокультурологическую характеристику текста как «вид учебной деятельности, предусматривающий технологию комплексного анализа текста, в которую включается выявление в текстах элементов, заключающих в себе лингвокультурную информацию (лексику с национально-культурным компонентом; фразеологизмы; образные средства; символы; стилистические особенности текста, прецедентные элементы и др.), и интерпретацию текста в соответствии с этим. Лингвокультурологическая характеристика текста является динамической

оценочной моделью учебной деятельности, в процессе которой учащиеся обнаруживают в тексте глубинные культурные смыслы, высвечивающие как общечеловеческие, так и специфические национальные проблемы. Такая работа с текстом позволяет осознать его как достояние и национальной, и общечеловеческой культуры» [9, с. 91].

Для работы со студентами мы выбрали тексты народных загадок, опубликованных в изданиях «Русские народные загадки Пермского края: сборник фольклорных текстов с комментариями и истолкованиями» (составители И. А. Подюков, А. В. Черных) [13] и «Красный круг по небу катается / Гёрд гёглян небоёт тарласьё. Коми-пермяцкие загадки: сборник фольклорных текстов и комментарии» (авторы-составители В. Н. Бойко, Т. Г. Голева, А. С. Лобанова, А. В. Черных) [8].

Необходимо оснастить тексты паремий заданиями, то есть оформить их как лингвометодическую единицу для анализа и составления этнолингвокультурологической характеристики:

- * сформулировать задания, позволяющие определить национальные особенности видения мира, которые проявляются в тексте через определенные номинации;

- * выявить единицы лингвокультуры/этнолингвокультуры (концепты, символы, образы, стереотипы и др.);

- * сформулировать задания, которые позволяют работать с культурно маркированными единицами текста;

- * определить дополнительные источники информации, которые помогут расширить этнокультурологический фон, познакомиться с символами, обычаями, обрядами, приметам и т. д., то есть понять текст другой культуры;

- * прокомментировать образы, символы, концепты текста другой культуры;

- * определить возможности использования данного текста на уроке русского языка в условиях моно/би/поликультурного класса, определить учебную тему, этап обучения, цель обращения к тексту; выявить темы для попутного повторения орфографии, пунктуации, грамматики на основе этого текста; прокомментировать свой выбор.

На основе соединения текстов русской и коми-пермяцкой загадок с одинаковыми отгадками мы определили возмож-

ности работы с культурологическим материалом на основе разноаспектного сопоставления.

Задание I.

1. Отгадайте загадки.

Русские загадки	Коми-пермяцкие загадки
1. Сито-вито, золотом покрыто, кто взглянет, всяк заплачет. (Солнце) [13, с. 19]	1. Керку весьтын виа бекёр ёшалё. (Шон-ди) / Над домом масляная чашка висит. (Солнце) [8, с. 45]

2. Определите, как отличаются образы солнца в русской и коми-пермяцкой загадке. Определите ассоциативные связи, на основе которых была создана загадка.

3. Выявите лексику, которая поможет определить загаданный предмет, прокомментируйте ее характеристики.

4. Прочитайте загадки из сборника «Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач», составленный Д. Н. Садовниковым. Сопоставьте характеристики образа солнца в них с данными выше загадками. Прокомментируйте свой ответ.

1). По заре зрянской / Катится шар вертлянский; / Никому его не обойти, / Не объехать [6, с. 281].

2). Вертится вертушечка, / Золотая коклюшечка; / Никто ее не достанет: / Ни царь, ни царица, / Ни красна девица [6, с. 281].

3). Красно яблочко / По тарелочке катается, / Никто не догадается [6, с. 281].

Задание II.

1. Отгадайте загадки.

Русские загадки	Коми-пермяцкие загадки
1. Красенька девушка / Ходит по небу. (Солнце) [6, с. 281] 2. Бурая корова через прясло глядит. (Солнце)	1. Мича ныв одз саймё, ёшыно видзётё, некинлё узны оз сет. (Шонди) / Красна девица рано просыпается, в окно глядит, никому спать не даёт. (Солнце) [8, с. 45-46]

2. Воспользуйтесь примечанием-комментарием, который поможет вам понять образ-отгадку к загадке № 2.

Примечание: Упомянутая в загадке бурая корова* – не просто корова коричневой (скрасна-черноватой) масти. <...> Сопоставление солнца с коровой (бурой, чаще красной) – древняя

мифологическая аналогия <...>. Отголоски мифического уподобления коровы солнцу заметны, в частности, в устойчивой уральской примете на погоду: если первой в стаде, возвращающемся домой «с воли», идет бурая (красная) корова, завтра будет солнечный день [13, с. 95].

Задание III.

1. Отгадайте загадки.

Русские загадки	Коми-пермяцкие загадки
1. Птичка-невеличка носиком вильнёт, / Хвостиком вильнёт, дорожку поведёт. (Иголka с ниткой) [13, с. 159]. 2. Волк железный, / Хвост конопляный. (Иголka с ниткой) [6, с. 100]. 3. Штучка / Одна ручка, / Носочек стальной, / А хвост льняной. (Игла и нитка) [6, с. 100]. 4. Синяя синичка / Весь белый свет оде- ла. (Игла) [6, с. 98]. 5. Свинка – / Золота щетинка, / Льня- ной хвосток, / По белу свету скачет, / Весь свет красит (одевает). (Игла и нит- ка) [6, с. 99].	1. Пöрись баблöн öтик син да бöж вьюнок, кöда лэдзчисьö йöктыны. Көр сия йöктö лым увтас, пыр сы вылö кольö бöжок. (Ем су- нисöн) У старой бабушки один глаз и хвост- вьюнок, который пускается в пляс. Когда она пляшет под снегом, всегда на нём оставляет хвостик. (Иголka с ниткой) [8, с. 102]. 2. Рыжкоыс көртовöй, а бöжыс торковöй. (Ем да сунис) / Рыжко железный, а хвост из пакли. (Игла и нитка) [8, с. 102]. 3. Учöтик ичмонька быдöс мöдöтö. (Ем) / Маленькая молодушка каждого наряжает. (Игла) [8, с. 101].

2. Определите схожие и различные образы предметов-отгадок.

3. Определите метафоры русского и коми-пермяцкого языков, создающие загаданные предметы. Выявите одинаковые и различные ассоциации при создании метафоричности.

4. Как вы думаете, что обозначает сочетание «рыжко железный» в коми-пермяцкой загадке и как оно соотносится с сочетанием «волк железный» в русской загадке, когда речь идет о швейной иголке?

5. Почему в русской загадке иголка названа «синей синичкой» или «свинкой – золотой щетинкой». Приведите свои доводы.

6. Как вы думаете, можно ли работать с загадками русского и коми-пермяцкого фольклора на уроках русского языка или русской литературы с билингвальными учащимися коми-пермяками в сопоставительном аспекте? Аргументируйте свой ответ.

Этнолингвокультурологическая характеристика текстов пермских народных и коми-пермяцких загадок позволит выявить на основе сопоставительного анализа следующую

специфику: образы народной культуры, репрезентирующие результаты ментальных процессов образной номинации предметных реалий, служащих ключом к отгадке и зашифрованных в национальном коде этносов; метафоры, зафиксированные в речи этнокультурного сознания русских и коми-пермяков: в пермских загадках *солнце – это золотое сито*; в коми-пермяцких – *масляная чашка*; в русских – *бурая (красная) корова*; в коми-пермяцких – *красная девица, которая никому спать не дает, всех будит*; в русских *нитка с иголкой – это птичка-невеличка с носиком и хвостиком-вьюнком, прокладывающим строчку, синяя синичка*; в коми-пермяцком – *старая бабушка с одним глазом и хвостом-вьюнком, которая пляшет под снегом (тканью) и оставляет на нем строчку*.

Обсуждение и выводы

Таким образом, в работе с текстом этнокультурологической направленности в билингвальной аудитории бакалавров – будущих учителей русского языка – пространство текста может быть рассмотрено как со стороны лингвометодического анализа, так и развернуто со стороны его этнолингвокультурологического анализа для составления его этнолингвокультурологической характеристики в ракурсе сопоставления образов, символов, концептов родной и неродной культур во всей их целостности.

Список литературы

1. Гачев Г. Д. О национальных картинах мира // Народы Азии и Африки. – 1967. – Вып. 1. – С. 80–85.
2. Дейкина А. Д. Характеристика русского языка как объекта изучения в школьном курсе // Проблемы современного филологического образования. Межвузовский сборник научных статей. / под ред. С. А. Леонова. – М.: Ярославль: МПГУ-Ремдер, 2005. – Вып. 6. – С. 5–15.
3. Дейкина А. Д., Левушкина О. Н. Методический потенциал лингвокультурологических характеристик текста в школьном обучении русскому языку // Русский язык в школе. – 2014. – № 4. – С. 12–18.
4. Дейкина А. Д., Левушкина О. Н. Роль лингвокультурологического подхода в методике преподавания русского языка как родного, как иностранного и как неродного // Полилингвистичность и транскультурные практики. – 2012. – № 4. – С. 23–28.
5. Дейкина А. Д., Левушкина О. Н., Рязуова О. Ю. Актуальные способы трансляции культурологического содержания в современном обучении русскому языку // Перспективы и приоритеты педагогического образования в эпоху трансформаций, выбора и вызовов. сборник научных трудов VI Виртуального Международного форума по педагогическому образованию. – Казань, 2020. – С. 108–117.
6. Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач / сост. Д. Садовников. – М.: Современный писатель, 1995. – 400 с. (Славянский мир)

7. Кольчикова Н. Л. Особенности восприятия инокультурного текста учащимися-билингвами // Вестник ТГПУ. – 2009. – Выпуск 9 (87). – С. 86–90.

8. Красный круг по небу катается. Гёрд гёглян небоёт тарласьё. Коми-пермяцкие загадки: сборник фольклорных текстов и комментарии / В. Н. Бойко, Т. Г. Голева, А. С. Лобанова, А. В. Черных. – СПб.: Мамагов, 2010. – 144 с. (Фольклор народов России)

9. Левушкина О. Н. Роль лингвокультурологических характеристик текстов в межкультурной коммуникации // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – Т. 2, № 3. – С. 90–94.

10. Семененко Н. Н. Роль когнитивной метафоры в организации внутренней формы паремий // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2010. – № 3. – С. 109–114.

11. Сендерович С. Я. Морфология загадки. – М.: Языки славянской культуры, 2008. – 208 с.

12. Потёбня А. А. Эстетика и поэтика. – М.: Искусство, 1976. – 614 с.

13. Русские народные загадки Пермского края: сборник фольклорных текстов с комментариями и истолкованиями / Сост. И. А. Подюков, А. В. Черных. – Пермь, 2012. – 256 с.

14. Ходякова Л. А. Живопись на уроках русского языка: Теория и методические разработки уроков: Учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2000. – 352 с.

Natalia V. Medvedeva

Work with Texts of Ethnocultural Orientation in the Process of Training a Bilingual Teacher of the Russian Language

The article poses the problem of working with texts for the preparation of a bilingual teacher of the Russian language. Particular attention to the text as a unit of learning is associated with the concentration of various aspects of content in it. The text acts as a unit of culture (ethnoculture), language, speech. Reference points of a mental and value character appear in the text: working with him in the classroom according to the methodology of the Russian language involves conjugation of the value components of ethnic and Russian cultures, a comparison of the linguistic aspects of the native and Russian languages, which makes it possible to implement cultural competence in teaching. The text acts as an object of cultural and linguistic analysis. The article describes the methodology for working with ethnolinguistic/linguoculturological materials of Russian and Komi-Permyak folklore based on a contrastive analysis of cultural units in texts of different cultures. As a material for linguistic and methodological training of a bilingual teacher, the texts of proverbs are considered, the work with which is designed to form students' professional view of the potential of a coherent text as a value unit of cultural, linguistic, speech and methodological plans.

Key words: Russian language, text, ethnoculturology, bilingual teacher.

For citation: Medvedeva, N. V. (2023) Rabota s tekstami etnokul'turologicheskoy napravlenosti v processe podgotovki bilingval'nogo uchitelya russkogo yazyka [Work with Texts of Ethnocultural Orientation in the Process of Training a Bilingual Teacher of the Russian Language]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 241–251. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2023_3_241. EDN: VOXYPK

References

1. Gachev, G. D. (1967) O nacional'nyh kartinah mira [About national pictures of the world]. *Narody Azii i Afriki* [Peoples of Asia and Africa]. Issue. 1. Pp. 80–85. (In Russian).
2. Dejkina, A. D. (2005) Harakteristika russkogo yazyka kak ob'ekta izucheniya v shkol'nom kurse [Characteristics of the Russian language as an object of study in the school course]. *Problemy sovremennogo filologicheskogo obrazovaniya. Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh statej*. Vyp. 6. [Problems of modern philological education. Interuniversity collection of scientific articles. Issue 6.]. Moscow: YAroslavl': MPGU–Remder Publ. Pp. 5–15. (In Russian).

3. Dejkina, A. D., Lyovushkina, O. N. (2014) Metodicheskiy potencial lingvokul'turologicheskikh harakteristik teksta v shkol'nom obuchenii russkomu yazyku [Methodical potential of linguoculturological characteristics of the text in school teaching of the Russian language]. *Russkiy yazyk v shkole – Russian language at school*. No. 4. Pp. 12–18. (In Russian).
4. Dejkina, A. D., Levushkina, O. N. (2012) Rol' lingvokul'turologicheskogo podhoda v metodike prepodavaniya russkogo yazyka kak rodnogo, kak inostrannogo i kak nerodnogo [The role of the linguoculturological approach in the methodology of teaching Russian as a native language, as a foreign language and as a non-native one]. *Polilingual'nost' i transkul'turnye praktiki – Polylinguality and transcultural practices*. No. 4. Pp. 23–28. (In Russian).
5. Dejkina, A. D., Levushkina, O. N., Ryauzova, O. Yu. (2020) Aktual'nye sposoby translyacii kul'turologicheskogo soderzhaniya v sovremennom obuchenii russkomu yazyku [Actual ways of translating cultural content in modern teaching the Russian language]. *Perspektivy i priorityty pedagogicheskogo obrazovaniya v epohu transformacij, vybora i vyzovov* [Perspectives and priorities of pedagogical education in the era of transformations, choices and challenges]. Collection of Scientific papers of the VI Virtual International Forum on Teacher Education Kazan'. Pp. 108–117. (In Russian).
6. Sadovnikov, D. (1995) (ed.) *Zagadki russkogo naroda: Sbornik zagadok, voprosov, pritch i zadach* [Riddles of the Russian people: Collection of riddles, questions, parables and tasks]. Moscow: Sovremennyy pisatel' Publ. (Slavyanskij mir). (In Russian).
7. Kol'chikova, N. L. (2009) Osobennosti vospriyatiya inokul'turnogo teksta uchashchimisya-bilingvami [Peculiarities of perception of a foreign cultural text by bilingual students]. *Vestnik TGPU – Bulletin TSPU*. Issue. 9 (87). Pp. 86–90. (In Russian).
8. Lobanova, A. S., Bojko, V. N., Goleva, T. G., Chernyh, A. V. (2010) (eds.) *Krasnyj krug po nebu kataetsya Görd göglyan neboöt tarlas'ö. Komi-permyackie zagadki: sbornik fol'klornyh tekstov i kommentarii* [The red circle rolls across the sky Görd göglyan skyöt tarlas'ö. Komi-Permyak riddles: a collection of folklore texts and comments]. Perm: Mamatov Publ. (Fol'klor narodov Rossii). (In Russian).
9. Levushkina, O. N. (2011) Rol' lingvokul'turologicheskikh harakteristik tekstov v mezhkul'turnoj kommunikacii [The role of linguistic and cultural characteristics of texts in intercultural communication]. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. Vol. 2. No. 3. Pp. 90–94. (In Russian).
10. Semenenko, N. N. (2010) Rol' kognitivnoj metafory v organizacii vnutrennej formy paremij [The role of cognitive metaphor in the organization of the internal form of proverbs]. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta – Bulletin of the Maikop State Technological University*. No. 3. Pp. 109–114. (In Russian).
11. Senderovich, S. YA. (2008) *Morfologiya zagadki* [Morphology of a riddle]. Moscow: YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ. (In Russian).
12. Potebnya, A. A. (1976) *Estetika i poetika* [Aesthetics and poetics]. Moscow: Iskusstvo Publ. (In Russian).
13. Podyukov, I. A., Chernyh, A. V. (2012) *Russkie narodnye zagadki Permskogo kraya: sbornik fol'klornyh tekstov s kommentariyami i istolkovaniyami* [Russian folk riddles of the Perm region: a collection of folklore texts with comments and interpretations]. Perm: Mamatov Publ. (In Russian).
14. Hodyakova, L. A. (2000) *ZHivopis' na urokah russkogo yazyka: Teoriya i metodicheskie razrabotki urokov: Uchebnoe posobie* [Painting in the lessons of the Russian language: Theory and methodological development of lessons: Textbook]. Moscow: Flinta: Nauka Publ. (In Russian).

дата получения: 18.04.2023 г.
дата принятия: 04.05.2023 г.
дата публикации: 30.09.2023 г.

date of receiving: 18 April 2023
date of acceptance: 04 May 2023
date of publication: 30 September 2023

ОБЗОРЫ
И РЕЦЕНЗИИ

Н. К. Данилова

Мистический реализм в современной прозе

Рецензия на книгу: Кихней Л. Г., Гавриков В. А. Проза Льва Наумова в контексте «мистического реализма» в русской литературе XX–XXI веков: Монография. – М., Амстердам: Тардис, 2020. – 240 с.

Статья представляет собой отзыв о монографии Л. Кихней и В. Гаврикова, посвящённой исследованию «мистического реализма» как особого явления в современном литературном процессе. Авторы дают теоретическое описание «мистического реализма», называют его «опознавательные» черты, сопоставляют с другими видами постмодернистской словесности, при этом оговаривают, что в литературоведении нет единого мнения по заявленной проблеме. Главный интерес представляет собой творчество Льва Наумова как средоточие различных элементов «твёрдого» реализма, неомодернизма, фантастики, альтернативной истории. Делается вывод о наличии в современной литературе значительного числа писателей, работающих в подобном ключе.

Ключевые слова: нереалистическая проза, постмодернизм, мистический реализм, Лев Наумов.

Для цитирования: Данилова Н. К. Мистический реализм в современной прозе // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 3. – С. 254–258. DOI: 10.35231/25419803_2023_3_254. EDN: VUJCOE

Объектом исследования в монографии является современная русская «нереалистическая» проза, особенности которой анализируются на примере творчества Льва Наумова – писателя, «аккумулирующего разные аспекты» направлений: «твёрдого» реализма, неомодернизма, фантастики, альтернативной истории. Авторы стремятся, во-первых, разграничить эти явления, дать им определение, а, во-вторых, описать основные вехи творческого пути Л. Наумова и определить его место в «мистическом» литературном процессе сегодняшнего дня.

Первая глава посвящена мистическому реализму в русской классической прозе. Л. Г. Кихней и В. А. Гавриков, отметив, что в литературоведении используется множество терминов, обозначающих наличие мистических элементов в тексте, переходят к характеристике этих элементов. Среди них названы возможность чуда (инобытийных сущностей, явлений, процессов), наличие особенного героя (живёт не в реальности, а на грани двоемирия, устремлён в потустороннее), воссоздание бытия творящего сознания автора. Главное здесь – художественное постижение высшей реальности. «Нереалистическим» может быть назван 1) особый внутренний мир героя; 2) некая сущность, связанная с действительностью тайными знаками, пророчеством; 3) вторжение «прямого чуда» (необъяснимое исцеление, перемещение во времени). Далее приводятся подтверждающие примеры из произведений Г. Маркеса, Б. Зайцева, И. Шмелёва. Делается общий теоретический вывод о том, что частные узкие термины: магический, чудесный, духовный, – поглощаются корневым термином «мистический реализм».

Далее следуют размышления о мистическом слове у акмеистов Н. Гумилёва и А. Ахматовой. Так, замечено, что у Гумилёва формируется подход к слову как к «магической» субстанции, наделённой тайной действенной силой. В этом ключе изучается мотив «пути» в его стихах, изменение статуса религиозных мотивов, взаимосвязь мифа «конца» и мифа «начала», размышление поэта о личности и перевоплощении души. Главное качество художественной онтологии Гумилёва – её «интегральность»: религиозно-философские традиции, древние и современные, накладываются друг на друга, сливаясь на уровне художественной философии и поэтики. Процесс творчества трактуется как творение собственного мира, устроенного по мистическим законам.

Главным мистическим текстом А. Ахматовой названа «Поэма без героя». Указывается проекция на мифо-ритуальный комплекс «мира на переходе от старого к новому году», на контаминацию в завязке «гадания» и «ряжения», на зеркальность письма, порождающую бесконечную вереницу отражений.

Затем авторы обращаются к мистическому реализму в современной русской прозе. Они соглашаются с мыслью, что в последние десятилетия прошлого века было сфор-

мировано мощное неомифологическое направление (слово эпох обусловило внимание художников к вечным – трансцендентным – темам). Возникло странное соединение постмодернизма («пустые знаки», симулякры) с поисками «вечной истины»; миф-мистика ассоциируется с «низким жанром». Маргинальные области словесности начинают оказывать влияние на «высокие жанры». Перечислены авторы, творчеству которых свойственно «мистико-метафизическое осмысление человека, общества и истории».

Внимание уделяется заглавным образам и классическим сюжетам, реализованным в романах В. Пелевина. Делается вывод о скрещении разных мифов, о попытке обрести в пошлой жизни «подлинную реальность», философски осмыслить бытие. Пелевин балансирует на грани двух аксиологических позиций, задаёт вопросы о подлинности, взыскует её, сам же на подлинность как будто и не указывая. Сходные тенденции отмечены в творчестве О. Славниковой. Иное проявление мистического найдено в текстах Г. Яхиной. Её подчёркнуто реалистические тексты содержат мистические эпизоды, облечённые в узнаваемые формулы советской действительности.

На этом фоне авторы выделяют адаптацию классических сюжетов в творчестве Льва Наумова. Здесь присутствуют разные возможности: постмодернистская ирония, историко-философская проза, интенциональный притчевый мистицизм с реальной подоплёкой.

Далее даётся характеристика инобытийных хронотопов в нереалистической прозе. Так в прозе М. Петросян выделяется двоемирие с признаками потустороннего мира и некоторым аналогомрая. В текстах В. Пелевина – поликультурность художественного пространства. Отмечено, что Лев Наумов соединяет эти тенденции. Пространство в его произведениях часто не имеет отчётливых маркеров той или иной культурной ситуации. Использование реликтового кумулятивного сюжета позволяет «нанизывать» элементы, достигая пространственного сближения самостоятельных единиц.

Завершается первая глава размышлением о связи рассказов Л. Наумова с зарубежной нереалистической прозой. Названы две группы предшественников Наумова: 1) западные прозаики конца XIX – первой половины XX веков; 2) античные

авторы, в первую очередь, философы. Заимствования могут быть не сюжетными, а мотивными («удача впрок», «смерть призрака»), на уровне персонажей («человек как персонаж»), образов, идей («ясное видение будущего»).

Во второй главе авторы анализируют миромоделирующие и субъектные особенности прозы Льва Наумова. Метод писателя характеризуется как многогранный, синтезирующий разные тенденции, а его произведения определяются как метафизическая притчево-философская проза с элементами фантастики и метаповествования. Отметим попутно, что в этом разделе монографии встречаются неточности в употреблении терминов: так, «мистический реализм» вдруг назван жанром.

Из стиливых особенностей рассказов Л. Наумова названы жанровая размытость, сосуществование разных стиливых пластов (лирические интонации и диалектные пласты, канцелярская речь). Также упомянута каталогизация, связанная с необычными вещами и явлениями. Кроме того, стиль у Наумова влияет на построение сюжета и организацию художественного пространства.

Анализ гипертекстуальности предваряется небольшим экскурсом в историю отношений «автор – герой – читатель», завершением которой оказывается «воспринимающее» сознание. В текстах Л. Наумова присутствует игра с повествовательным ракурсом, неожиданные облики автора, множественность развилок сюжета. Особый повествовательный «голос», сочетающий авторский план с планом персонажа, делает рассказы писателя узнаваемыми.

Далее речь идёт об апологии необычного героя. Такой персонаж может быть странным, наделённым особыми возможностями, даже мистическим. С неординарным героем связано не только развитие странных сюжетов, но и движение истории в целом. Подчёркивается, что «изошрённая причинность» – один из важнейших аспектов творчества писателя.

Отмечено также, что важной составляющей мифопоэтической вселенной писателя является двойничество, реализованное в сфере мотивов, персонажей, деталей и предметов.

Завершают монографию размышления о концепции «мир есть текст» в прозе Л. Наумова. Эта концепция видится авторам

не столько постмодернистской, сколько неомифологической («высказать мир есть то же самое, что создать его»). Ключевым свойством всей системы является изоморфизм, частным проявлением которого становится изоморфность мира и текста.

Подводя теоретические итоги, авторы выражают надежду, что предложенное ими разделение приёмов или «опознавательных черт» нереалистической современной прозы может стать фундаментом для дальнейших исследований. Вопрос о том, правильно ли называть мистический реализм особым методом, оставлен открытым.

Natalia K. Danilova

Mystical Realism in Modern Prose

Book review: Kikhney, L. G., Gavrikov, V. A. (2020) Prose of Lev Naumov in the context of "mystical realism" in Russian literature of the XX–XXI centuries: Monograph. Moscow, Amsterdam: Tardis. (In Russian).

The article is a review of the monograph by L. Kikhney and V. Gavrikov devoted to the study of "mystical realism" as a special phenomenon in the modern literary process. The authors give a theoretical description of "mystical realism", call it "identifying" features, compare it with other types of postmodern literature, while stipulating that there is no consensus on the stated problem in literary criticism. The main interest is the work of Lev Naumov as the focus of various elements of "solid" realism, neomodernism, fantasy, alternative history. The conclusion is made about the presence in modern literature of a significant number of writers working in a similar vein.

Key words: non-realistic prose, postmodernism, mystical realism, Lev Naumov.

For citation: Danilova, N. K. (2023) Misticheskij realizm v sovremennoj proze [Mystical Realism in Modern Prose]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 254–258. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2023_3_254. EDN: VUJCOE

дата получения: 12.05.2023 г.
дата принятия: 04.06.2023 г.
дата публикации: 30.09.2023 г.

date of receiving: 12 May 2023
date of acceptance: 04 June 2023
date of publication: 30 September 2023

Сведения об авторах

Данилова Наталья Кузьминична, научный сотрудник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина кандидат филологических наук, доцент (Российская Федерация, Санкт-Петербург)
e-mail: natali-danilov@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-9739-5624

Дубровина Светлана Юрьевна, профессор Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина доктор филологических наук, профессор (Российская Федерация, г. Тамбов)
e-mail: dubr5@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-5561-8754

Ерохина Екатерина Андреевна, доцент Череповецкого государственного университета кандидат филологических наук (Российская Федерация, г. Череповец)
e-mail: katty_basova@mail.ru; ORCID ID: 0009-0003-8741-167X

Калашников Сергей Борисович, доцент Московского городского педагогического университета кандидат филологических наук, доцент (Российская Федерация, Москва)
e-mail: sergeyk34@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-9521-476X

Карбачинская Наталия Борисовна, старший преподаватель Российского государственного университета правосудия (Российская Федерация, Москва)
e-mail: eshkovi@rambler.ru; ORCID ID: 0000-0002-2668-2666

Карбачинский Степан Владиславович, магистрант Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета (Российская Федерация, Москва)
e-mail: stepankarbaciniskij3970@gmail.com; ORCID ID: 0009-0005-5121-592X

Козловская Наталия Витальевна, ведущий научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН доктор филологических наук, доцент (Российская Федерация, Санкт-Петербург)
e-mail: mnegolosbyl@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-7272-7979

Константинова Наталья Владимировна, заведующая кафедрой русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета кандидат филологических наук, доцент (Российская Федерация, г. Новосибирск)
e-mail: scribe2@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-7329-9977

Конькова Инна Игоревна, доцент Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева кандидат филологических наук (Российская Федерация, г. Саранск)
e-mail: mirna_13@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-3326-0493

Королева Вера Владимировна, заведующий кафедрой второго иностранного языка и методики обучения иностранным языкам Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых доктор филологических наук, доцент (Российская Федерация, г. Владимир)
e-mail: queenvera@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-7608-9772

Мальцева Татьяна Владимировна, заведующий научно-образовательным центром русского языка и литературы Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина доктор филологических наук, профессор (Российская Федерация, Санкт-Петербург)
e-mail: kafilit@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-8432-4314

Медведева Наталья Владимировна, доцент Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета кандидат филологических наук (Российская Федерация, г. Пермь)
e-mail: basha_n@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-0152-2922

Мусаева Анастасия Сергеевна, аспирант Московского городского педагогического университета (Самарский филиал) (Российская Федерация, г. Самара)
e-mail: ana.mus@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0003-1760-7055

Никифорова Светлана Анатольевна, доцент Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова кандидат филологических наук, доцент (Российская Федерация, Санкт-Петербург)
e-mail: nikiforova.svetlan@mail.ru; ORCID ID: 0009-0003-3103-0210

Румянцева Марина Сергеевна, магистр педагогики Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых (Российская Федерация, г. Владимир)
e-mail: marinarum21051@gmail.com; ORCID ID: 0009-0003-6925-1887

Сироткина Татьяна Александровна, профессор Сургутского государственного педагогического университета доктор филологических наук, доцент (Российская Федерация, г. Сургут)
e-mail: sirotkina71@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-3494-0968

Сложеникина Юлия Владимировна, профессор университета «Синергия» доктор филологических наук, профессор (Российская Федерация, Москва)
e-mail: goldword@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-4982-7802

Старикова Людмила Семеновна, начальник редакции общественно-гуманитарных журналов Кемеровского государственного университета (Российская Федерация, г. Кемерово)
e-mail: lyudvig.star@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0003-2166-9224

Фокина Мадина Александровна, профессор Костромского государственного университета доктор филологических наук, профессор (Российская Федерация, г. Кострома)
e-mail: madi.fokina@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-5914-2589

Чертоусова Светлана Викторовна, доцент Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарёва кандидат филологических наук, доцент (Российская Федерация, г. Саранск)
e-mail: pippi-langstrumpf@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-8026-6372

Шетеля Виктор, доцент Дирекции образовательных программ Московского городского педагогического университета кандидат филологических наук, доцент (Российская Федерация, Москва)
e-mail: szetela@mail.ru; ORCID ID: 0009-0009-2959-9997

Шохра Мохаммед, аспирант Костромского государственного университета (Российская Федерация, г. Кострома)
e-mail: med.chohra02@gmail.com; ORCID ID: 0000-0003-0301-0733

About Authors

Natalia K. Danilova, Researcher, Pushkin Leningrad State University, PhD in Philology (Russian Federation, St. Petersburg)
e-mail: natali-danilov@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-9739-5624

Svetlana Yu. Dubrovina, Professor, Derzhavin Tambov State University, Doctor of Philology (Russian Federation, Tambov)
e-mail: dubr5@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-5561-8754

Ekaterina A. Erokhina, Associate Professor, Cherepovets State University, PhD in Philology (Russian Federation, Cherepovets)
e-mail: katty_basova@mail.ru; ORCID ID: 0009-0003-8741-167X

Sergey B. Kalashnikov, Associate Professor, Moscow City University, PhD in Philology (Russian Federation, Moscow)
e-mail: sergeyk34@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-9521-476X

Natalia B. Karbachinskaya, Senior Lecturer, Russian State University of Justice (Russian Federation, Moscow)
e-mail: e-mail: eshkovi@rambler.ru; ORCID ID: 0000-0002-2668-2666

Stepan V. Karbachinskiy, Graduate Student of Pedagogical State University (Russian Federation, Moscow)
e-mail: stepankarbacinskij3970@gmail.com; ORCID ID: 0009-0005-5121-592X

Natalia V. Kozlovskaya, Leading Researcher at the Institute for Linguistic Studies of the RAS, Doctor of Philology (Russian Federation, St. Petersburg)
e-mail: mnegolosbyl@gmail.com; ORCID 0000-0001-7272-7979

Natalia V. Konstantinova, Head of the Department of Russian and Foreign Literature, Theory of Literature and Methods of Teaching Literature, Novosibirsk State Pedagogical University, PhD in Philology (Russian Federation, Novosibirsk)
e-mail: scribe2@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-7329-9977

Inna I. Konkova, Associate Professor, Ogarev Mordovia State University, PhD in Philology (Russian Federation, Saransk)
e-mail: mirna_13@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-3326-0493

Vera V. Koroleva, Head of the Department of the Second Foreign Language and Methods of Teaching Foreign Languages, Vladimir State University, Doctor of Philology (Russian Federation, Vladimir)
e-mail: queenvera@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-7608-9772

Tatiana V. Maltseva, Head of the Scientific and Educational Center of the Russian Language and Literature, Pushkin State University, Doctor of Philology, Professor (Russian Federation, St. Petersburg)
e-mail: kaflit@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-8432-4314

Natalia V. Medvedeva, Associate Professor, Perm State Humanitarian Pedagogical University, PhD in Philology (Russian Federation, Perm)
e-mail: basha_n@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-0152-2922

Anastasia S. Musaeva, Postgraduate Student, Senior Lecturer, Moscow City Pedagogical University (Samara branch) (Russian Federation, Samara)
e-mail: ana.mus@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0003-1760-7055

Svetlana A. Nikiforova, Associate Professor, Military Medical Academy n. a. S. M. Kirov, PhD in Philology (Russian Federation, St. Petersburg)
e-mail: nikiforova.svetlan@mail.ru; ORCID ID: 0009-0003-3103-0210

Marina S. Rumyantseva, Master of Pedagogy, Vladimir State University (Russian Federation, Vladimir)
e-mail: marinarum21051@gmail.com; ORCID ID: 0009-0003-6925-1887

Tatiana A. Sirotkina, Professor, Surgut State Pedagogical University, Doctor of Philology (Russian Federation, Surgut)
e-mail: sirotkina71@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-3494-0968

Yulia V. Slozhenikina, Professor, University "Synergy", Doctor of Philology (Russian Federation, Moscow)
e-mail: goldword@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-4982-7802

Lyudmila S. Starikova, Head of the Editorial Board of Social and Humanitarian Journals, Kemerovo State University (Russian Federation, Kemerovo)
e-mail: lyudvig.star@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0003-2166-9224

Madina A. Fokina, Professor, Kostroma State University, Doctor of Philology (Russian Federation, Kostroma)
e-mail: madi.fokina@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-5914-2589

Svetlana V. Chertousova, Associate Professor, Ogarev Mordovia State University, PhD in Philology (Russian Federation, Saransk)
e-mail: pippi-langstrumpf@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-8026-6372

Victor Shetela, Associate Professor, Moscow City University, PhD in Philology (Russian Federation, Moscow)
e-mail: szetela@mail.ru; ORCID ID: 0009-0009-2959-9997

Shohra Mohammed, Postgraduate Student, Kostroma State University (Russian Federation, Kostroma)
e-mail: med.chohra02@gmail.com; ORCID ID: 0000-0003-0301-0733

Для заметок

научный журнал

Art Logos

(искусство слова)

№ 3 (24)
2023

Редактор **Т. В. Мальцева**
Технический редактор **Е. И. Ягин**
Оригинал-макет и обложка **Е. И. Ягин**

Подписано в печать 30.09.2023. Формат 60x84 1/16.
Гарнитуры Jost, Loga. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 16,5. Тираж 500 экз. (первый завод – 50 экз.)
Заказ № 1898

Адрес учредителя, издателя
196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58 <http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Адрес редакции
196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 451-91-76 <http://lengu.ru/>
e-mail: art.logos@lengu.ru